

Метагалактика — 1

Брэдбент

НАШИ ОБЪЯВЛЕНИЯ

Принимаются заказы:

- Комплект журнала "Приключения, фантастика" за 1991 год - цена 600 руб.
- Комплект журнала "Приключения, фантастика" за 1992 год - цена 600 руб.
- Подборка избранных номеров ежемесячника ужасов, мистики и аномальных явлений "Голос Вселенной" 1991-92 г.г. - 300 руб.
- Книги серии "Приключения, фантастика": "Бойня", "Измена", "Западня", "Прокол", "Бродяга", "Сатанинское зелье", "Чудовище" - по 150 руб.
- Историко-мифологическое исследование о двенадцатитысячелетней истории Русского Народа "Дорогами богов" - 150 руб.
- Талисман-оберег от сглаза, порчи, энергетического вампиризма, зомбирования, демонизации, черных наговоров, колдовства, всех видов присух с инструкцией - 310 руб.
- Фантастико-приключенческий детектив "Западня", повествующий о приключениях инопланетного резидента-убийцы, - 50 руб.

Для получения заказа Вам необходимо выслать почтовым переводом соответствующую сумму, указать свой точный почтовый адрес, на обороте указать, что Вы заказываете.

Адрес: 111123, Москва, а/я 40, Петухову Ю.Д.
Отправлять только почтовыми переводами. Телеграфные не принимаются.

qp приключения
фантастика

МЕТАГАЛАКТИКА

1-93

БРОДЯГА

ISSN 0135-5511

Москва

Метагалактика

Содержание

А. Курганов. НОЧНОЙ ПОСЕТИТЕЛЬ. <i>Фантастический рассказ</i>	3
С. Шалимов. ПАРЕНЬ С ТОРНО. <i>Фантастическая повесть</i>	25
Я. Старов. МСТИТЕЛЬНИЦА. <i>Обыденный кошмар</i>	80
В. Потапов. ПЯТНО. <i>Апология безысходности</i>	96
СНЫ ОБ АТЛАНТИДЕ. <i>Фантастико-приключенческий триптих</i>	111
И. Горячев. БРОДЯГА. <i>Фантастическая повесть</i>	162
А. Андриюхин. ОДНАЖДЫ В ПРОВИНЦИИ. <i>Страшная повесть</i>	248

Художник Роман Афонин

© Метagalактика

БРОДЯГА. Сборник фантастики и приключений. —
М.: «Метagalактика», 1992 г.

Название сборнику остросюжетной фантастики дал герой повести Игоря Горячева — межзвездный скиталец, авантюрист-бродяга далекого будущего, искатель приключений в иных мирах

ISBN 5-85141-001-9

ББК 84 P7

Редактор, техред, корректор, худред. Ю. Д. Петухов
Сдано в набор 25.12.91. подписано в печать 29.03.92 г.
Формат 84x108/32, Бумага тип. № 2. Печать с высокой. Усл.
печ. л. 9 Уч.-изд. л. 18. Тираж 50 тыс. экз. Заказ № 413.

Издательство «Метagalактика», 111123, Москва, а/я 40
Отпечатано в Московской типографии № 13.
107005, г. Москва, Денисовский пер. 30.

Алексей Курганов

НОЧНОЙ ПОСЕТИТЕЛЬ

фантастический рассказ

В тот декабрьский вечер я, как обычно, к шести часам вечера приехал в больницу на дежурство. Декабрь, по моему, не самый лучший месяц в наших краях, имею в виду погоду. Вот и в тот вечер на дороге был сильный гололед, мела поземка. Над крышей моего старого "жигуленка" тускло мерцали холодным цветом далекие звезды, а перед самым поворотом к больнице фары выхватили из чернильной темноты (дорога наша, как, впрочем и большинство дорог в сельской местности, совершенно не освещается) контуры одиночного барака, в котором до недавнего времени жил веселый народ — дорожные рабочие, которые, так и не достроив дорогу на Ильинку, уехали с первыми заморозками, и теперь в бараке никто не жил, вид у него был откровенно заброшенный, неприятно черневший провалами выбитых окон.

Да и сама больница встретила меня довольно унылой, будничной картиной: как и всегда, по коридору, томясь от

безделья, слонялись больные, которых мы относим к категории ходячих, дежурная медсестра занималась вечерней раскладкой лекарств. Хотя, если откровенно, раскладывать-то особо нечего: даже элементарный анальгин в последнее время поступает с перебоями. По старенькому "Рекорду" в буфете показывали каких-то патлатых, орущих в микрофоны юнцов, а в горшках на подоконниках пылились кактусы и с месяц назад привезенные из города нашим завхозом какие-то непонятные, ядовито-жёлтые цветы, которые я подумывал как-нибудь незаметно для нашей "завши", зав. отделения, по-командирски суровой и по-деревенски пышнотелой Анны Ивановны, страстной пропагандистки разведения в больнице всей этой больничной флоры... "Как вы не понимаете, Андрей Андреевич, что цветы, живые, заметьте, живые цветы, для больных представляют в некотором роде психотерапевтическое средство!" — "Да понимаю, понимаю, Анна Ивановна, но уж извините, больно казенный вид у ваших одуванчиков, или как их там..." — "Это амарант и гипосфила из семейства гвоздичных! А вы, Андрей Аркадьевич, оказывается, довольно злой человек..." итэ дэ, и тэ пэ. В общем, незаметно для Анны Ивановны я подумывал спровадить все эти "амаранты" куда-нибудь в другое место. Лучше всего — на помойку. Тем более, что у последнего увлечения Анны Ивановны, этой самой ядовито-желтой гадости, вид в последние дни был чересчур унылый, по-моему, эти цветы начали увядать, хотя особых причин для этого не было...

Дежурство проходило как обычно, без особых волнений и без ЧП. В восемь "скорая" привезла и после моего осмотра увезла в город, в хирургическое отделение, молодого парня с "острым животом". Было похоже на язвенную болезнь желудка, но кто знает — вдруг начинается аппендицит или прободение? Так что, как говорится, от греха подальше! Чуть позже пришла старушка. "Голова, милок, болит. А уж как кашляю, как кашляю!" После осмотра и обследования я поставил ей диагноз: токсическая форма гриппа и отправил в третью палату, там как раз утром освободилось место. Кто-то, возможно, удивится такому диапазону диагнозов — язвенной до гриппа — но ничего особенного здесь нет. Больничка наша обычная, сельская, пятьдесят коек, и жителей окрестных деревень мы с Анной Ивановной и терапевты, и хирурги, и гинекологи, и Бог весть чем приходится заниматься еще. Нет, сложных бо-

конечно, отправляем в город, там специализированные отделения, ну, а если считаем, что можем справиться сами, то оставляем у нас. Так что работа достаточно интересная, работать можно, да и само здание больницы, хотя и построено полтора века назад здешним помещиком-доброхотом Ильей Павловичем Шапошниковым, но все еще довольно крепко и еще простоит, пожалуй, не один десяток лет. Здесь как раз в пору по-стариковски посетовать: да, умели раньше строить, умели, не то что сейчас. А, впрочем, действительно умели: стены в нашей больничке толстенные, в три кирпича, так что тепло держат — будь здоров! Перекрытия и стропила на крыше из лиственницы, вечное дерево, рамы на окнах высокие, двойные. Отдельно можно сказать про двери, это краса и гордость больницы, если о наших дверях хотите узнать более подробно, почитайте "12 стульев" Ильфа и Петрова, наши двери — копия альхеновских.

Нет, больничка наша очень даже ничего, но зато этого не скажешь о месте, в котором она расположена. Представьте себе: огромный одичавший парк, почти лес, на самом краю деревни, и вот в самом центре этого парка-леса — мы. С освещением плоховато, всего два фонаря: один у съезда с дороги на Ильинку, другой — прямо перед больничным крыльцом. Честно сказать, в первые месяцы меня порой просто жуть брала, особенно зимой, когда у нас смеркается в четыре-пять пополудни. Бывало, глянешь в окно, а там — черные мрачные стволы и какой-то мертвенно-сизый свет между ними. И все. Ни огонька, ни звука, кроме тоскливого завывания ветра в оставшейся от дымохода трубе, все собираюсь ее разобрать, но никак руки не доходят. Даже когда работяги-дорожники в том бараке жили и то как-то повеселее было: то огонек мелькнет, то кто-нибудь по пьянке "русскую народную" исполнит во всю мощь своих закаленных легких. Все-таки людьми пахло. А сейчас — бр-р... Но время шло, и я постепенно к этой дикости привык, и сейчас даже испытываю странное удовольствие: там, за стеной — холод и мрак кладбищенский (не подумайте, что намекаю на то, как мы здесь лечим. Вырвалось исключительно из-за красного словца), а здесь — тепло, светло и, как говорится, мухи не кусают. Что ни говорите, в таких элементарных житейских удобствах тоже есть своя прелесть!

...Он появился на пороге больницы что-то около полуночи. Пришел сам, как говорят врачи и моряки —

своим ходом. Я в это время как раз находился в приемном покое, от нечего делать листал какой-то литературный журнал, оставленный здесь одним из больных. Больница уже давно спала, даже самые неугомонные — старики из седьмой палаты, — и те угомонились. Было тихо, и поэтому резкий двойной звонок от входной двери прозвучал до того неожиданно, что я вздрогнул, вскинул голову и взгляд мой случайно зацепил желтый цветок, ту самую "амаранту", стоявшую в горшке на подоконнике. Помню, у меня как-то неприятно сжало сердце: я увидел, что цветок тоже отреагировал на звонок! Да, да — отреагировал! Амаранта моментально съежилась, бледные лепестки безвольно, без всякого сопротивления, поникли и даже сам желтый цвет приобрел какой-то блеклый, умирающий оттенок...

В приемный покой, сонно зевая, вышла-выкатилась медсестра, Татьяна Федоровна, пожилая спокойная женщина, размерами, пожалуй, не уступающая нашей "завше". Я услышал как звякнул старинный, еще дореволюционной ковки, засов, услышал недовольно-сонное бормотание Татьяны Федоровны, отложил в сторону журнал (в котором все равно было нечего читать) и, в общем-то, с недовольным видом, повернулся к двери.

Следом за Татьяной Федоровной в дверном проеме показалась сгорбленная фигура. Мужчина. Судя по комплекции, по осанке — лет сорока-сорока пяти. Одет обычно: пальто с каракулевым воротником, пыжиковая шапка, зимние сапожки. Обеими руками держится за живот. Голыми руками, перчаток нет. Я удивился: в такой мороз — и без перчаток или варежек? Потерял? Пьяный? Да, судя по тому как он время от времени качается из стороны в сторону, как нетвердо стоит на ногах — пьяный...

— Откуда? — спросил я мужчину.

— Да молчит! — ответила за него Татьяна Федоровна — Застыл, что ли?

И в это время мужчина поднял голову. У меня пересохло в горле. На меня смотрел глубокий, если не сказать — древний, изможденный до крайности старик. Низкий скошенный лоб, бескровные кривые губы, волосы цвета пепла. Жуткие морщины по всему лицу, я никогда не видел таких ужасных, уродующих лицо морщин. Но самое страшное ожидало меня впереди, и когда я глянул под глубокие, мощные надбровные дуги, то с трудом заставил себя не вскрикнуть. Глаза у мужчины были мертвыми!

Нет, это не игра воображения, не погоня за красотой! Я до сих пор не могу объяснить, как это может так быть — живой человек с мертвыми глазами! Глазами мертвеца! Я заявляю это вполне авторитетно, потому что в институте пару лет занимался в паталогоанатомическом кружке и уж там-то насмотрелся на мертвецов, в том числе и на таких, глаза у которых оставались открытыми. Точно такие же глаза были и у странного посетителя: и радужные оболочки, и зрачки были покрыты сплошной молочно-голубой мутью...

Он стоял и ждал. А я молчал. Я не мог говорить. Язык почему-то вдруг отказался слушаться меня, да и что, собственно, я должен был сказать? Я вдруг ощутил себя в каком-то странном, сюрреалистическом мире. На миг я почувствовал себя подопытным кроликом, над которым кто-то дьявольски хитрый, изощренный в этой своей хитрости, задумал поставить эксперимент. И этот хитрый находился рядом. Я чувствовал его силу надо мной, но в чем она выражалась — убей Бог, не понимал. Знаете, бывают такие состояния: внешне вокруг тебя все вроде бы привычно-спокойно, все буднично, все так, как было и будет всегда. Но все-таки что-то не так. Какая-то тревога, какое-то неясное ощущение реальной опасности буквально витает в воздухе. Вот такое состояние испытывал и я, стоя истуканом перед этим престраннейшим посетителем.

Не знаю, как долго продолжалось бы наше обоюдное молчание, но, к счастью, в приемном покое находился и третий человек и этому человеку не хотелось, на ночь глядя, размышлять о разных-всяких странностях. А хотелось Татьяне Федоровне лишь одного — спать, спать, спать.

— Ну, садись, коль пришел! — буркнула она и, не таясь, смачно зевнула — Носят же черти, на ночь глядя...

— Да, да! — опомнился и я — Прошу! Проходите, садитесь! Замерзли?

Незнакомец не ответил, отрешенно глядя куда-то мимо меня. Может ненормальный, мелькнула мысль. Психколония всего в десяти километрах. Нет, понятно, что обычный, нормальный человек, со здравым рассудком, сейчас, конечно, на такую дорогу не решится. Да и зачем ему, нормальному, тащиться ночью по глухому лесу в такую даль? На меня посмотреть? А, с другой стороны, этот нормальный одет-то как раз во все нормальное. Так что "психушкой" здесь все-таки не пахнет. Тогда что? Пьяный? Все-таки пьяный?

— Слушаю вас, гражданин? Что болит?

А он опять — ноль эмоций, по-прежнему пялился за мою спину. Мне очень хотелось оглянуться, но я же буквально несколько секунд назад смотрел туда. Ничего интересного — окно, на подоконнике — цветок, за окном — темнота... А что если он от кого-то прячется? От кого? От милиции? Рецидивист? Но ведь обычно нас, врачей, предупреждают заранее о возможных "нежелательных" посетителях. Тем более я только вчера видел Вальку Фильшина, он бы меня наверняка предупредил и по дружбе, да и по должности: Вальке в том месяце, наконец, дали майора и теперь он зам начальника уголовного розыска. Правда, мы с ним согрешили коньячком, но неужели отличный марочный армянский коньяк начисто отшиб грозе уголовного мира его превосходную память?

— Пить... — вдруг произнес странный незнакомец.

Нет, опять не то. "Произнес", "сказал", "шепнул"... Не то! Он не произнес и не сказал, и уж тем паче не шепнул. Это был какой-то... что-то вроде полувздоха-полустона! Нечто начисто лишённое тембра и интонации, я уже не говорю об акценте и прочих лингвистических тонкостях. Я — смешно подумать, хотя это сейчас, только сейчас смешно подумать! — почему-то сразу подумал, что у него сильнейшая ангина. И в самом деле, почему у человека не может быть ангины? Ведь он же в больницу пришел, а не в магазин или, скажем, клуб. Хотя зачем ему туда идти — магазин уже давно закрыт, а клуб вообще не работает, некому там работать, нет сейчас дураков работать за сто рублей в месяц! Так что все логично: ангина — больница...

— Пить... — снова вздохнул-простонал мужчина.

— Татьяна Федоровна, чаю! Горячего!

— Шатаются по ночам... — пробурчала Татьяна Федоровна, совершенно не скрывая своего настроения перед мужчиной (какой смысл в моих лекциях по медицинской этике и деонтологии перед нашими медсестрами и санитарками? Что думают — то и говорят? Ну, что поделаешь с такой вот непосредственностью?).

— Ну, так я слушаю... — снова сказал я, но в этот самый момент страшная судорога прокатилась по лицу мужчины, на мгновение расправила морщины и на меня вдруг глянул довольно симпатичный юноша! Да, от силы лет шестнадцати—восемнадцати! Перемена эта была столь быстротечна, что я даже и не понял, что произошло. Тем более, что тут же складки-морщины появились снова, снова

налились цианотичной синевой — и передо мной опять сидел старик! Но на этом неожиданности не закончились: судорога перекадилась на тело, сломала мужчину в поясе, он, то ли застонав, то ли заревев, переломился пополам и издал утробный, какой-то звериный звук. И сразу же изо рта его фонтаном в пол ударила струя рвоты. Боже мой, как же его рвало! Рвотные массы в считанные секунды залили весь пол, а его, бедолагу, все рвало, рвало... И дело-то даже было не в этом вселенском потоке, а в том, что рвотные массы светились! Точнее сказать — флюоресцировали! И опять, опять все это длилось буквально считанные секунды, флюоресценция начала меркнуть, от пола поднялся, не знаю — пар, туман, дым с приятным озоновым привкусом — и когда этот "пародымотуман" рассеялся, на полу ничего не было! Ни капли! Перед глазами опять был знакомый, потертый, коричневого цвета, с каким-то дурацким орнаментом линолеум.

Есть такое выражение: "на человека нашло". Так вот — в тот момент на меня нашло. Это было что-то вроде сомнамбулического оцепенения, когда выглядишь вполне нормально, но мозг твой парализован и ты не ориентируешься ни во времени, ни в пространстве. Я не знаю, сколь долго продолжалось это со мною, но вышел я из такого состояния лишь тогда, когда почувствовал, как кто-то коснулся моего правого плеча.

— Андрей Аркадьевич, что с вами?

Я поднял глаза, взгляд мой зацепился за подоконник. Я уже знал, что там увижу, и не ошибся: цветок умер. И я был уверен в том, что это было связано с появлением странного посетителя...

Должно быть, вид у меня был все-таки достаточно обалдевший, потому что Татьяна Федоровна как-то уж очень подозрительно глянула на неподвижно сидевшего на кушетке посетителя и почему-то протянула чашку с чаем не ему, а мне.

— Чего здесь этот пьяница натворил?

— Какой пьяница?

— Какой... Вот такой! — и решительно ткнула пальцем — Разве не чувствуете как от него разит?

А ведь действительно — был запах, был! Я втянул воздух носом. Еще раз... Нет, это не алкоголь! Запах хотя и достаточно резкий, но с ощутимым сладковатым привкусом... Эфир! Да, да, именно эфир! Выходит, что этот... что он — токсикоман! Тогда все понятно — надыхался

эфиром, одурел, выпил какой-то флюоресцирующей краски... Момент, момент... А куда же в таком случае подевались рвотные массы?

В этот момент странный посетитель опять поднял голову. Лицо его приобрело уже более осмысленное выражение. Ненависть и злоба — вот что было сейчас написано на нем. Я подумал, что сейчас он может запросто полезть в драку.

— Но-но! — сказал я на всякий случай — В милицию захотел?

Что я говорил! Какая милиция! Только в этот момент я понял всю незавидность моего положения. На самом деле: до ближайшего милиционера, точнее — до его дома — пятнадцать километров, да и хорошо если Егоров дома. Так что, по сути дела, я один на один с этим... пьяницей, наркоманом, токсиком, короче — ненормальным. Татьяна Федоровна не в счет, больные тоже ничем не помогут, как нарочно подобрались одни старики со старухами, самому молодому — семьдесят два, да и тот еле шевелится: двусторонняя пневмония... Плюс ко всему он явно сильнее меня, мощный торс и сильные руки угадываются даже под пальто. И если это действительно психически больной токсикоман, то сил у него хватит на десятерых как я...

— Воды! — выдохнул-простонал незнакомец — Быстрей-быстрей!

— Быстрей... — проворчала Татьяна Федоровна (какое счастье, что она пока еще ничего не понимала!) — Не в ресторации!

Но чашку, тем не менее, протянула. Незнакомец бросил на чашку сторожкий взгляд, ноздри его чуть расширились, заиграла. Чего это он, интересно, нюхает? Зачем? Затем он решительно качнул головой.

— Нет. Просто воды. Если нет дистиллированной — просто воды. Аш два о. Водопроводной. С примесями. Но лучше дистиллированной! Вы поняли меня?

Он впервые за это время произнес такой длинный монолог, состоящий из коротких, рубленых фраз, но даже не это занимало сейчас мое внимание. Сразу возникли новые вопросы: зачем ему дистиллированная вода? Почему именно дистиллированная? "Аш два о" — химическая формула воды... Он что — химик? Или просто запомнил со школы? Почему?

Татьяна Федоровна вопросительно-удивленно посмотрела на меня и вдруг лицо ее исказила еще

полностью не осознаваемая, но все же тревога. Нет, нет! Сейчас она поймет, запаникует, закричит...

— Да-да-да! — чуть было не закричал я сам — Дистиллированной, только дистиллированной! У нас ведь была бутылка?

— Так это ведь на складе! — проскулила Татьяна Федоровна и вдруг моментально обиделась. — Откуда я знала, что понадобится! До утра, что ли, не может подождать?

— Татьяна Федоровна! — прикрикнул я.

— Иду, иду! — нет, она все-таки в тот момент сильно обиделась, и даже почему-то больше на меня, чем на незнакомца. — Шляются, черти, на ночь глядя... Иди вот теперь... А зарплата всего восемьдесят рублей.

Как только за ней закрылась дверь, незнакомец неожиданно цепко схватился за мою правую руку. Да, в своих предположениях я не ошибся: хват у него был отменный, не ниже перворазрядника по борьбе. Боже мой, подумал я с удесятерившейся тоской, а если придется драться?

— Вы видели? — дыхнул он на меня эфиром — Видели? Ну?

Я откинулся на спинку стула, сунул левую руку в карман халата, нащупал чехол, в котором еще со студенческих времен, с тех самых времен, когда на Казанском сильно пошаливали гомики, гомосексуалисты, а у меня не было общежития и приходилось каждый день ездить домой, так вот с тех времен и появилась у меня привычка всюду носить с собой скальпель. Терпеть не могу поножовщины, но, похоже, начинается первый раунд, и голыми руками мне его не выиграть...

— Вы в и д е л и? — напирал он — Я сейчас... А-а-а!

Хватка вдруг ослабла, он моментально посерел, по всему лицу выступил обильный пот, и новая, еще более яростная судорога навалилась на него, начала ломать тело.

— А-а-а!

И новый фонтан рвоты ударил из его разодранного судорогой рта. На этот раз никакой флюоресценции не было, напротив — рвотные массы были густыми и иссиня-черными, удивительно напоминавшими нефть. И опять я не успел ни в чем разобраться, как все начало дымиться, испаряться, исчезать...

— Да что сегодня с вами, Андрей Аркадьевич? — наплыл на меня откуда-то издалика знакомый, встревоженный голос. Кто это? И почему так болит голова?

Я с трудом открыл глаза. Стены, белый потолок. Шкаф. Рядом с моими глазами — дрожащее лицо Татьяны Федоровны. Ее глаза. Почему она так смотрит?

— Что с Вами, Андрей Аркадьевич? Заболели? Опять грипп привязался?

— Где... этот?

— Да где ж ему быть! — в ее голосе опять появились нотки раздражения. — А уж воняет-то, господа, сил нет! Пьянчужка чертов! И чего ж только не жрут!

Да, Татьяна Федоровна была права: в "приемнике" опять стоял резкий запах эфира.

— Да осторожней! — это она уже незнакомцу. — Ишь, как горит-то! Ну, похмелись, похмелись!

Незнакомец жадно выхватил из ее руки мензурку, даже не выпил — бросил содержимое в рот, вздрогнул и отвратительно, не стесняясь, громко отрыгнулся. Да, ему стало полегче, даже отвратительные морщины на лице, казалось, немного расправились. Он откинулся к стене, закрыл глаза, начал тихонько подхрапывать.

— Уснул, что ли? — спросила Татьяна Федоровна.

— Уснул — ответил я, ни на секунду не сомневаясь, что он не спит. Конечно не спит. Я чувствовал, я каждой клеткой своего тела ощущал, что он внимательно следит за мной. Нет, это не больно. Кто — не знаю, но не больно. И потому надо немедленно сообщить Егорову. Легко сказать — "сообщить" Как! Он же своих закрытых глаз с меня не сводит! А что если... В общем, появился у меня один план...

Он словно угадал мои мысли, открыл глаза. В тех глазах было безумие.

— Еще! Еще дистиллированной! — потребовал он, не сводя с меня глаз. Ладно, подумал я, была не была...

— Значит, так! Татьяна Федоровна! У нас там воды мало...

Татьяна Федоровна открыла было рот, но я решительно перебил ее.

— Да, мало! Позвоните в аптеку. — Я сделал над собой усилие. — Да, в аптеку, Егорову! Скажите, чтобы привез немедленно!

Татьяна Федоровна не двигалась с места и смотрела на меня так, словно я вот тут же сошел с ума. Я и сам понимал, что разгадать мой замысел смог бы даже первоклассник: какая может быть аптека в пол-первого ночи! Да, конспирация моя была липовой, я уже приготовился к разоблачению, сжал в кармане скальпель, но — странное

дело! — незнакомец на мои слова никак не прореагировал, во всяком случае — внешне, все так же сидел, привалившись спиной к стене и, казалось, опять впал в свой непонятный транс.

— Немедленно! Вы поняли меня, Татьяна Федоровна?

Медсестра открыла было рот, но я так посмотрел на нее... Как? А черт его знает — как! Главное, она тут же рот закрыла, как-то непонятно закаменела всем своим добродушным лицом и только тоненькая голубая жилка над ее правым глазом часто-часто запульсировала. Татьяна Федоровна, добродушная и ворчливая, умудренная прожитой жизнью и все равно недалекая, так вот Татьяна Федоровна, наконец, поняла.

— Хорошо, Андрей Аркадьевич — произнесла она спокойно, до того спокойно, словно находилась у постели тяжелого больного. — Все сделаю. Все, — подчеркнула она, — что вы сказали. Можно идти?

Я лишь слабо махнул рукой. Татьяна Федоровна степенно повернулась к двери и, так же не спеша, вышла в коридор. В последний момент все-таки не удержалась, оглянулась, и я увидел, что у нее мелко-мелко дрожит подбородок... Да, только бы Егоров был дома, только бы был! Если она сейчас дозвонится, то Егоров будет здесь минут через десять-двенадцать, тем более что совхозное начальство, наконец-то, раздобрилось и в прошлом месяце выделило старшему лейтенанту милиции, товарищу Егорову Николаю Ивановичу, женатому вторым браком, имеющему троих детей и застарелую язву желудка, совершенно новый "газик".

И тут меня пробил озноб. Это невозможно объяснить, но я понял, что этот... з н а е т все мои мысли! Я разоблачен! Я еще не успел до конца продумать свой план, а уже разоблачен! Как? А черт его... Но я знал, знал, я был уверен, что каждое слово, которое вспыхивало в моем мозге, тут же становилось известно и ему! И почему глаза у него по-прежнему з а к р ы т ы, но на сердце у меня такой камень, как будто он ежесекундно прожигает всего меня испепеляющим взглядом? Телепат? Он плюс ко всем своим загадкам еще и телепат?

Наркоман, психбольной, рецидивист, теперь еще и телепат... Мне вдруг стало, как говорит моя дочь, все по фигу. Разоблачен? Тем лучше! Значит, подошла пора раскрывать карты и перестать притворяться! А если терять нечего, то пойдём-ка ва-банк!

— Кто вы? — спросил я напрямую — Откуда? Фамилия? Документы есть?

Он молча поднялся. Я тоже встал, напряг руку со скальпелем. Начинается последний раунд...

Нет, он повернулся ко мне спиной, неуверенно шагнул к двери на улицу.

— Куда же вы? — растерялся я. Ожидал нападения, а он — назад, в мороз, в темноту!

Он схватился за дверную ручку, потянул на себя. Дернул сильнее, потом еще, еще... Бесполезно. Я вспомнил, что Татьяна Федоровна то ли предусмотрительно, то ли случайно унесла с собой ключ. Незнакомец навалился на дверь плечом, зарычал от натуги. Какое там! "Дверные механизмы были слабостью Альхена". Нет, что за молодец у нас "завша"! Я бы дурак, уже давным-давно сменил эти крепостные ворота на какую-нибудь фанерно-пластиковую легкомысленность, слетающую с петель от одного прикосновения.

Каюсь, мелькнула у меня спасительная мысль пойти, взять у Татьяны Федоровны ключи и выпустить его на улицу. Так сказать, на свободу. Но... Но куда он пойдет на этой свободе? Кого встретит? И что наделает? Так разве можно его отпускать?

И я решительно шагнул наперерез.

— Успокойтесь! — и, не увидев удара, отлетел в угол, сбив по пути новейший стерилизатор. Стерилизатор рухнул набок, что-то внутри него лопнуло, зазвенело, и вот этот звон вызвал во мне настоящую бурю бешенства. Дело еще и в том, что мне самому пришлось ездить за этим стерилизатором, тратить нервы, которые, как известно, не восстанавливаются, и вот теперь эта..., извиняюсь, этот гражданин, вернее, с помощью этого гражданина. В общем, негодий! Какое он имеет право распускать руки!

— Ну, гад!

Услышала бы Анна Ивановна как я величаю больного — ее бы наверняка удар, или, как говорит завхоз наш, Кузьмич, "кондратий" хватил. Только какой же это больной! Это бандит, а не больной!

Я вскочил на ноги. Короткий бросок. Нырок под его правую руку. Удар! Ну, приятель, теперь твой черед таранить лбом стены!

...И опять я отлетел в тот же угол, задел поверженный стерилизатор, отозвавшийся на удар жалостливым позвякиванием. Как же так? Первый разряд по боксу — не

шутка! И хотя я давно уже не заходил в спортклуб и заметно подрастерял форму, но ведь четыре года интенсивных тренировок чего-нибудь должны значить! Или, действительно, у меня теперь одна надежда — на холодное оружие? Но нападать с ножом на безоружного человека — извините, пардон, не так воспитан. Хотя, возможно, это дурацкое воспитание и будет стоять мне жизни... Я поджал ноги, и тут в поле зрения вдруг попал тот цветок. Вернее, какая-то обгоревшая былинка. Цветок, былинка... А, плевать! И я опять бросился вперед...

На этот раз от удара я все-таки ушел, перехватил его руку, заломил назад резким рывком. Я опять переборщил, рывок был настолько резким, что у него должно было порваться сухожилие или даже сломаться предплечье. Я понял это слишком поздно: почувствовал под рукой хруст костей (очень неприятное, доложу вам, ощущение) и правое предплечье незнакомца безвольно повисло в рукаве. Нет, интересный я все-таки доктор: мне лечить положено — а я руки ломаю!

— А теперь сядьте — устало сказал я.

Незнакомец молча (Господи, хоть бы охнул, хоть бы скривился! Неужели ему не больно? Да не может такого быть! Нормальный он, ненормальный — любой человек должен реагировать на боль! А этот — нет! Кругом одни чудеса) совершенно молча занял свое прежнее место — на кушетке, отвалился к стене. Надо ему шину наложить.

В это время зазвонил телефон. Я схватил трубку, не отрывая, однако, взгляда от здоровой, левой руки незнакомца.

— Николай Иванович? Да, да, Быстряков. Да, здесь. Что? Нет, ничего, побоксовали немного. Я ему руку сломал, правую. Как-как? Сейчас шину буду накладываю...

Страшной силы удар обрушился на мой затылок. Казалось, череп развалился на две половины. Последнее же, что я увидел: его левая рука оставалась спокойной. Значит, бил он правой! Но этого не могло быть! Не могло! Я же сам, можно сказать — собственноручно чувствовал перелом! Он не мог! Не мог!

Спать. Как это хорошо, как приятно и полезно — спать. Зачем мы вообще просыпаемся? И во сне можно слышать звуки, видеть окружающий мир, но видеть все это в приятном для спящего, в розовом свете. Спать. И не нужно трогать меня, если уж вам так хочется — стойте и смотрите

на меня, на спящего... Вот опять звуки, опять... Что за наказание? Такое ощущение, что мне с обеих сторон дышат в уши. Прекратите! Прекратите! И не нужно меня трогать! Оставьте меня в покое! Я хочу спать, спать, спать...

— Моргнул вроде. Ну и ладненько. Крепко он его саданул-то. Как еще череп выдержал! Крепкие затылки у наших эскулапов, елочки-палочки. Крепкие.

Я узнал Егорова именно по этим самым "елочкам-палочкам". Это любимая, известная всей округе присказка нашего местного Аниськина. Честно сказать, первой мыслью, которая пришла ко мне вместе с возвратившимся сознанием, так это послать дорогого товарища Егорова на... В общем, далеко-далеко! Где ж он, спрашивается, мотается, пока докторов, можно сказать, на их же рабочих местах темный элемент метелит почем зря и даже может запросто жизни лишить! Очень симпатичное положение вещей: я здесь должен в одиночку сражаться с каким-то уголовником, а товарищ старший лейтенант, вишь ты, улыбочки мне строит, в глаза заглядывает! Нет, если бы я тогда мог ворочать языком, то уж я выдал бы дорогому товарищу Егорову по первое число!

— Ну, как там, старлей? Жив наш доктор?

А это кто? О, четыре звездочки — капитан! А что это за хреновина у него в руках? Похоже на огнемёт... А где я мог видеть огнемёт? В кино? Да, в "Супершпионе". Еще один? И тоже с капитанскими погонами! Что-то серьезное случилось! Уж не из-за моего ли соперника по рингу собралась такая солидная компания? Кстати, где же он? Где он?

— Г-г-г-д-д-д...

— Очнулся, очнулся! Моргает! Андрей Аркадьевич! Андрей Аркадьевич-и-и-ч! Это я, Егоров! Узнали? Слышите меня?

— Узна-а-л. Елочки-палочки.

— Узнал-узнал! — и Егоров засмеялся. И капитан, тот, первый, с огнеметом, улыбнулся... И тот, у окна — тоже... Кругом одни улыбки. Прямо фонтан "Дружба народов" на ВДНХ. Я бы тоже с вами, граждане, улыбнулся, да только голова моя гудит сейчас как тысяча растревоженных улыев. И того гляди лопнет от этого гула. И тошнит, сильно тошнит. Этот бандит, кажется, все-таки устроил мне сотрясение мозга... Тошнит... Тошнота... Рвота... Флюоресценция... Мертвые глаза... Мертвые... Мертвец...

И тут меня, наконец, вырвало.

— Ну и слава Богу! — тут же засуетилась неизвестно откуда взявшаяся Татьяна Федоровна (да как это неизвестно откуда? Дежурит она сегодня, де-жу-рит! Она — спасительница твоя, Андрей Аркадьевич! Ведь это она Егорову-то позвонила! Догадалась тогда, догадалась...) — Сейчас, голубчик Андрей Аркадьевич, сейчас... А его, граждане начальники, накажите обязательно! Ишь, "машина у меня сломалась"! Пешком должен идти, если сломалась!

Это она уже Егорова чехвостит. Правильно, так его!

— А чего я сделать-то мог? — оправдывался Егоров, и я вижу как щеки его приобретают свекольный цвет. — Хорошо спецгруппа, — и он кивает на капитана с огнеметом, — вовремя приехала.

— Приехала... — переходит на свой обычный, ворчливо-поучительный тон Татьяна Федоровна — Чтой-то долго она ехала! А наш доктор в это время с такой страстью сражался!

— Местность прочесывали — глухим голосом ответил капитан — Ведь кто и подумать-то мог, что он на вашу больницу выйдет! Ему ведь самый путь был на Богдановку, на ракетную точку! А он — вишь ты как! Через лес, через болото! И ведь не утонул!

— Они не тонут — сказал тот, другой капитан, что стоял у окна, и поморщился.

— Кто? — простонал я.

— Клонги! — с жаром принялся объяснять Егоров. — Им эти болота — как тебе лужа! А в Богдановке его ждали! Его там капитально готовились встретить! Там три бластера ему приготовили! Нам на отдел никогда столько не выделяли! Сильнейшая штука, р-р-аз! — и от тебя одни молекулы остаются! Ведь придумают же, елочки-палочки!

Клонг. Ох, моя голова. Так вот они какие — клонги. Плод любви — хотя какая там любовь! — жителяницы Земли и инопланетянина. Гибрид — вот более точное определение. С тех пор как мы, земляне, наконец, вступили в контакт, клонги и появились. А эти штуковины, похожие на огнеметы, это, выходит, бластеры и есть. И ничего с виду особенного — ранец, трубка... Ох!

— М-м-м... Попить дайте!

И опять вспомнилось: попить... вода... дистиллированная вода... нефть... муть... эфир...

— Хорошо-хорошо, пусть его рвет! От этого ему лишь облегчение! — это опять Татьяна Федоровна. — Где ж конец-

то всему этому? Может, ехать пора? Ведь Андрея Аркадьевича в хирургию надо! Срочно! А?

— Да нельзя! — раздается раздраженный голос капитана с бластером — Как ехать? Ему же хуже будет! Как вы, гражданка, не понимаете — ведь мы же стреляли! Сейчас здесь зона! Помереть может по дороге! Надо выждать полчаса, минимум полчаса! Разрядится зона — и поедem! Или я не понимаю?

— А задержись вы все пропадом со своими зонами! — нимало не смущаясь, заявляет Татьяна Федоровна. — Напридумывали — "зона", "планетяне", штуковины вот эти, — кивает она на бластер. — Как же хорошо жили без всякой этой гадости!

...да, клонг. Не алкаш, не токсикоман — клонг! Как же я сразу не сообразил! Продукт грешной земной любви наших собратьев по разуму! И какая же все-таки двуликая штука — жизнь! Не бывает в ней только хорошего или только плохого. И где появляется плюс, там же, рядом обязательно ищи минус... Обязательно! Ведь сколько ждали, сколько искали, гибли в этих исканиях, опускали руки и снова загорались надеждой! А сколько экспедиций бесследно пропало в этой страшной бездне, в этой холодной могиле под названием Космос! И все это ради одной-единственной цели, ради к о н т а к т а!

И вот, наконец, встретились. Господи, что было! Казалось, мир перевернулся! В городах больших и малых, в деревнях, да что в деревнях — мы в нашей больничке, и то это дело праздновали! Всемирный праздник! "Необозримо раздвигаются горизонты науки и техники, культуры и мышления"! Экскурсии от н а с к н и м, от н и х к н а м, на Землю! Прорыв в дальние Галактики! Совместные многоцелевые программы, в том числе по регенерации мозга! Омолаживание организмов!

Нет, все это, конечно, случилось и сейчас происходит. И слава Богу! Хотя Господа, наверно, здорово тревожат все эти "фобосы" и "Снайки" со своими миллионами лошадиных сил, рвут небеса на части. Но рядом с этими успехами появились и другие успехи... Вчера по ТВ показывали судебный процесс: судили спекулянтов дачными участками на Астероидном Кольце. Да, появились и спекуляция, и межпланетные террористы (сначала угоняли самолеты в Стокгольм, теперь звездолеты куда-нибудь на Экс-Пятнадцатый), и аферисты... И в числе прочих успехов — "космодевочки", мгновенно переключившиеся с

сопланетников на инопланетян. Наши "девочки", они ведь по простоте душевной как решили: дружить так дружить! И не все ли равно под кем бабки зарабатывать, а инопланетянам / меняли больше, чем земным иностранцам, так что и расплачивались они щедрее. Да и ничего страшного в них вроде бы и нет, совсем как наши земные мужики... Только начали выясняться веселые неожиданности: оказалось, что беременность от этих совсем как наших мужиков длилась не девять месяцев, а всего-навсего неделю, семь дней, так что почиститься наши путаны просто не успевали, а, может, и не торопились, надеясь на счастливые межпланетные браки, за которые, как оказалось, инопланетяне по их законам карались весьма сурово: р а с п ы л е н и е м. Это делалось для того, чтобы поддерживать чистоту расы, но наши земные дурочки этого, понятно, не знали, да и вообще — весьма переоценивали свои женские чары. Вот так и появились клонги. Появление первых клонгов произвело настоящий фурор не только в медицине, но и вообще в человеческом сознании: дескать, ишь как быстро у них, товарищей наших по разуму, это дело получается! Момент — и вот он, карапуз! Через некоторое время умы человечества начали призадумываться: рождались-то все сплошь одни мальчуганы, и даже не это был главный повод для беспокойства — пацаны эти росли буквально как на дрожжах: через неделю начинали ходить, через полмесяца говорить, а в пять лет выглядели на все двадцать пять. Шутники острили: "Ускоренный выпуск!". Когда же им становилось двадцать пять, то внешне это были уже глубокие, почему-то все до одного с отвратительными, изможденными физиономиями, старики, хотя мускулатура у них оставалась еще довольно крепкой. Плюс ко всем этим чудесам — невиданные темпы регенерации, то есть восстановления тканей! На регенерацию нервных клеток, самых медленно-восстанавливаемых клеток человеческого организма (этот процесс у человека продолжается годами, десятилетиями, да и то редко ускоряется полным восстановлением), у клонгов уходило что-то около суток! Костная же ткань восстанавливалась в течение нескольких секунд! Значит, пока я разговаривал с Егоровым по телефону, кости правого предплечья у моего визитера успели с р а с т и с ь! И за свою недогадливость я жестоко поплатился.

— Вы попейте, попейте, Андрей Аркадьевич! — опять

услышал я голос Татьяны Федоровны — ...а я за ручку-то — дерг, дерг! Заперто! Ох, думаю, беда. Не зря же доктор намекнул мне, чтобы я Николаю Иванычу быстрее звонила... Не пора?

— Еще пятнадцать минут — ответил стоявший у окна. Он повернул ко мне голову, и я увидел молодое бледное лицо и ровный, ножевой шрам на подбородке.

— Ну, как вы, доктор? Болит голова? Сейчас, еще чуть-чуть! Поле рассеется — и поедем.

Я неосторожно качнул головой, и какая-то ко л о л ь н а я боль отдалась судорожным эхом в самом центре мозга. Судорожным... Судорога... Муть...

— А ведь если разобраться — несчастнейшие существа — вдруг тихо сказал тот, у окна. Лицо его теперь я разглядеть не мог, он стоял боком, наклонившись к ц в е т к у! Да, да, цветок опять расцвел! Воскрес! В чем причина? Нет, сегодняшняя ночь, похоже, навсегда врежется в мою память: чудеса за чудесами! И, словно услышав меня спиной, капитан сказал звонким голосом:

— Кстати, вот эти цветы, только они, амарант и гипсофила, семейство гвоздичные, реагируют на приближение клонга. Только они! — капитан задумчиво тронул лепестки и неожиданно рассмеялся — Что вы так смотрите, док? Все очень просто — я же вижу ваше отражение в окне! А вы что подумали: еще один клонг? Не волнуйтесь: они стаями не ходят. Это о д и н о к и е волки. А, кстати, вы не задумывались, почему это ваша завша так рьяно защищала от вас эти цветочки? Эту, как вы говорили... ядовито-зеленую гадость?

И он снова рассмеялся. А вот это уже интересно — что же у них здесь, микрофоны установлены?

— Да она сама рассказала мне на собрании в горздравотделе! — опять угадал мои мысли капитан. — Так что не надо обижаться! Просто было распоряжение из Центра: распространить эти цветы во всех общественных местах и учреждениях! Вот и весь фокус! Слово и так на этих несчастных клонгов мало напасти, так вот теперь и эти цветочки!

— Несчастных! — передразнил другой капитан, с бластером. — Ты, Сергей, у доктора спроси: кого он несчастным считает — себя или... — и кивнул в сторону входа. Глаза его зло сузились — Несчастные! Пожалел! Мускулатура-то у них в момент вырастает, зато мозгов — ни грамма! Вот и творят черт-те что! Вот, например, сюда он в

чем пришел? В пальтишке и пыжике? А где это он так приоделся, не знаешь? Это он продавца из Первомайского стопанул! И раздел! До трупов! А мороз — под тридцать! Как? Хорошо там до фермы недалеко, тот, бедолага, доскакал, а то бы чего? Труп? Нет, будь моя воля — собрал бы я всех наших подстилок — и на Сатурн, на шахты! Работайте и плодите там клонгов сколько влезет! Нечего Землю всякими уродами засорять, у нас и своего мусора хватает!

— А почему его все время рвало? — спросил я.

— Да он же облученный был! — пояснил Егоров — Он же сначала на АЭС залез от преследования, аккурат в цех сборки радиоактивных блоков! И ведь дурак-дурак, а сообразил, что в больницу надо! А мы тоже хороши — в Богдановке его ждали!

— Да, а зачем он на пусковую-то рвался? — опять спросил я.

— А они, клонги, все туда рвутся — пояснил хмурый капитан с бластером. — Инстинкт у них, что ли, такой: как чуть мозги у них поедут... — и он повертел пальцем у виска — то сразу рвутся к ракетам.

— Улететь, что ли, хотят? Куда?

Капитан неуверенно пожал крутыми плечами.

— Тут к нам в группу лектор приезжал, говорил: к отцам их, значит, тянет. В космос. Только глупость все это! Кого из них охрана еще в запретке бластерами рассеет, кого — на стартовой. А те единицы, которым все же удастся запустить двигатели и под н я т ь ракету, тех уничтожает наша ПВО или, на околземке — станции Межпланетного оборонительного комплекса.

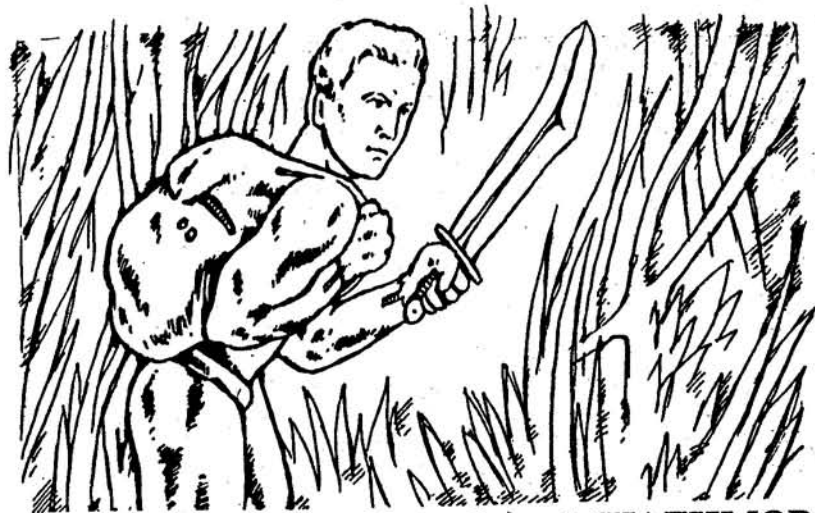
— И все равно пытаются улететь... — задумчиво сказал другой капитан.

— Я же говорю — дураки! — повысил голос первый — Смертники! Изгой! На рудники, на Сатурн, вместе с мамами... — он неожиданно закашлялся, наверное, простыл в засаде у Богдановки.

Да, клонг, клонг... В загоне ты оказался, клонг... Волком стал, одиноким, озлобленным волком. И, может быть, сегодняшней ночью, чувствуя как сжимается кольцо погони, ты впервые в жизни потянулся к теплу, к человеку, потянулся за помощью, за укрытием — и попал на меня. На доктора, который даже по профессии, я уж не говорю о призвании, должен привечать всех сырых и убогих. А доктор, выходит, тебя оттолкнул, отдал на распыл. И

хотя я пострадал сам от тебя здорово, но нет у меня к тебе ни враждебности, ни обиды. На кого обижаться, если само твое появление на этом свете — это большой и больной вопрос: зачем ты родился, с какой-то целью? Родился нелепо, нелепо просуществовал, наделал глупостей — но ведь не преступлений же, хотя раздеть на морозе — это преступление, но ведь ты и сам не понял, что преступил? Или все-таки понял? — испугался еще больше, допал сюда, в больницу и отсюда уже не вышел, сгинул бесследно. Да, бластер — штука серьезная. Серьезная...

Вот, собственно, и вся история. Из неврологического отделения я выписался в конце февраля. Прав оказался — сотрясение мозга, хорошо хоть кости черепа остались целы. В марте уже вышел на работу. С Анной Ивановной ругаться не стал. Хотя сначала и подмывало, но она встретила меня с таким виноватым выражением лица, что я махнул рукой — а, ладно, замнем это дело! Ночные дежурства пока беру редко, голова по ночам все-таки побаливает. Да и потом... Вот, в последнюю ночь — дежурил, как нарочно опять вместе с Татьяной Федоровной — во втором часу ночи раздался звонок — и с ней вдруг самая настоящая истерика, да и меня, если уж честно, начало колотить как в лихорадке. И смех, и слезы — на улице больной ждет, какой-то гадости съел, отравился — а медсестру и доктора хоть сейчас в психбольницу отправляй. А вообще, все вошло в обычную колею. Единственное, что все-таки изменилось в моей жизни — я теперь добровольно поливаю те цветы. Ну, те, желтенькие. Правда, иногда все же возвращается мысль: а не забросить ли их куда-нибудь подальше!

Сергей ШАЛИМОВ

ПАРЕНЬ С ТОРНО

Фантастическая повесть

— Берд, — укоризненно сказала мама, когда он протянул руку к тарелке с плодами кейво.

— Да, ма, — невинно отозвался Берд.

— Подожди немного, сейчас отец придет.

— Ну, ма, я голодный, как ошпеньгуа. А пока отец вернется с обхода, и картошка остынет.

— Ничего, ничего. Он уже должен подойти. — Она озабоченно посмотрела в окно. — А картошку мы подогреем.

Она захлопотала, схватила со стола блюдо с картофельным пюре и сунула его в коротковолновую печь. Пока мама проделывала это, на что от силы ушло десятков секунд, Берд умудрился все-таки стащить кейво и даже прожевать и проглотить его.

— Берд! — деланно рассердилась ма.

Но образцово-показательной выволочки не получилось. Хлопнула входная дверь, и вскоре в столовой появился глава семейства. Хмуро бросив взгляд на стол, прошел к умывальнику и начал мыть руки.

— Что случилось, Анджей? — Обеспокоилась ма.

— Черт меня подери! — Взорвался отец. — Будь я триж-

ды проклят, если когда-нибудь смогу спокойно смотреть, как дросы разоряют наши поля. Младшие дьяволы из их рода опять понабежали на плантации. Я посмотрел издали — ущерб от потравы кукурузы уже сейчас превышает несколько тысяч денежных единиц. А за то время, что я дошел до мэрии и заявил об этом, они наверняка утробили урожай еще больше.

— Что сделаешь, Анджей, — вздохнула ма, — колония дросов заплатит за потраву.

— На что мне их компенсация? Я хочу спокойно работать, чтобы мне никто не мешал. Иначе для чего мы летели сюда?..

Отец уселся за стол, на котором тотчас же появилось блюдо с горячей, дышащей паром картошкой. Отец словно нехотя положил себе на тарелку несколько ложек, добавил туда же салата и лениво начал ковыряться вилкой.

— Па, а почему бы не усилить напряжение тока на ограде? — спросил Берд.

— А что толку? — Тут же отозвался Анджей. — От диких животных ограда защищает поля, и защищает неплохо, а для дросов десятков тысяч вольт — приятная щекотка. И больше тоже нельзя. Ты ведь знаешь — существует конвенция, по которой на всем Торно не найдешь ни одного ствола оружия. А к нему приравниваются все устройства, способные нанести физический ущерб любому из четырех видов разумных существ, населяющих нашу планету.

Получив исчерпывающий ответ, Берд опустил голову, пряча лукавую улыбку. Как будто он сам не знает положение дел на Торно, но стоит только намекнуть кому-нибудь из взрослых на Конвенцию, так те сразу стушеваются, обида или злость отлетает от них со свистом пули, а на их месте приходит привычная апатия лояльности. Берд схватил один кейво и встал.

— Спасибо, ма, все было очень вкусно.

— Ты же ничего не съел, а был голодный, как ошпеньгуа, — удивилась мама.

— Уже сыт. Завтра экзамен по высшей математике, пойду готовиться. — И он выскочил из столовой.

Прежде чем закрыть дверь в свою комнату, Берд прислушался. Отец опять переживал случившееся, правда уже спокойнее, в который раз объясняя ма, как он подошел к кукурузному полю, как увидел бестолковых младших дросов. Как в очередной раз подумал, что мудрая природа недаром наградила высокоинтеллектуальных старших дросов таки-

ми глупыми симбиозниками, и что так им и надо, но почему, дьявол их бери, чужие проблемы приходится расхлебывать и людям.

Берд запер дверь и открыл окно. Он осторожно выглянул на улицу. Все спокойно. Оттолкнувшись от подоконника, он пролетел два этажа и мягко, словно кошка, приземлился на пластиковую дорожку.

Он бежал к кукурузному полю задами поселка, перепрыгивая через колючие кусты бижерии и блестящие в свете искусственной луны лужицы бездонных болотных ям.

Как он и предполагал, младшие дросы все еще безмятежно наслаждались минутами заслуженного отдыха. Несмотря на интеллект десятилетнего ребенка, а может и благодаря ему, им, видимо, благополучно удалось избавиться от опеки приставленного к ним старшего дроса. Одни из них, наевшись, грузно делали пробежку и поджав ноги к корпусу, прокатывались какое-то расстояние, приминая растительность, другие забрались в гущу кукурузы и, выдвинув свои телескопические руки, выбирали початки поспелей, а затем со смаком хрустели ими.

Берд отметил, что отец был прав: вытоптанные площадки на поле впечатляли. Если ждать, когда за ними придут старшие дросы, то можно остаться и без урожая.

Он надел перчатки из стекловолокна, укрепленные нитями из высокопрочной стали, которые закрывали руки почти до плеча, и выбежал на поле.

Первым его заметил один из молодых дросов. Он попятился назад и заверещал: — Человек, человек.

Судя по интонации, Берд понял, что этот парнишка помнит его по прежним детским стычкам. Все нюансы речи дросов Берд уловить не мог, несмотря на богатую языковую практику, но молодой дрос объяснял остальным, что этот человек — хороший боец и лучше с ним не связываться.

— Зачем вы сюда пришли? — Спросил Берд нарушителя кукурузной границы. — Вас ждут дома, уходите.

— Нам здесь хорошо. — Сказал взрослый дрос. — Ты можешь сам уходить.

— А я говорю — уходите отсюда, — разозлился Берд. — Это моя земля. Здесь мой дом.

— Твой дом далеко, — резонно возразил взрослый дрос. — А земля у всех одна.

Берд подумал.

— Растение, которое вы едите, сажал мой отец. Если вы уничтожите все эти растения, мы умрем с голода.

— Зачем вам так много растений? — Опять возразил дрос. — Все мы все равно не съедим, а то что останется, хватит и вам.

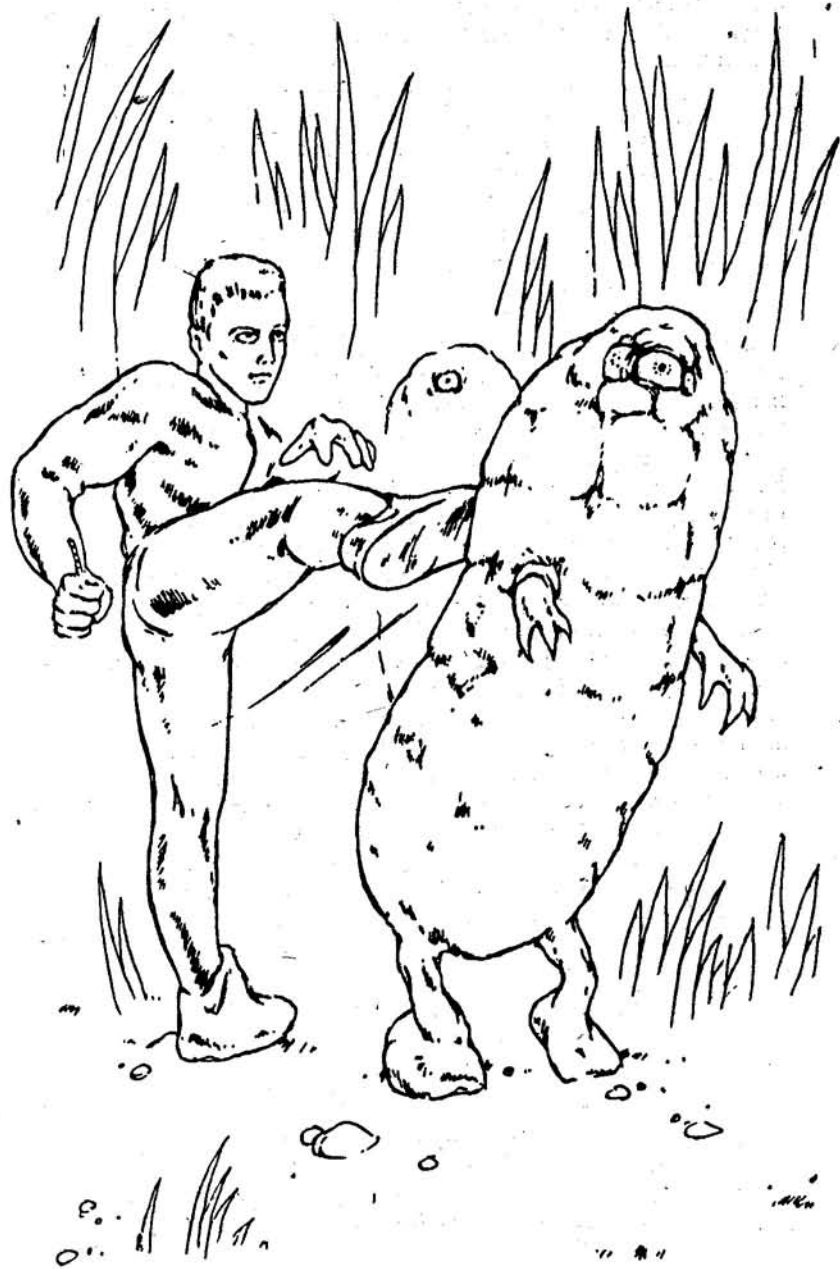
Берд понял, что спорить бесполезно. Понятие собственности младшим дросам неведомо. Как ни в чем не бывало они продолжали резвиться. Лишь несколько молодых сбилось в отдельную кучку и с опаской взирали на человека.

На своей родной планете младшие дросы выполняли две функции: участвовали в размножении и защищали своих симбиозников — старших дросов от хищных зверей. Постепенно с развитием машинной цивилизации необходимость для старших дросов в чьей-либо защите отпала, они теперь могли постоять за себя с помощью техники. Однако из этого не следует, что младшие дросы совсем утратили свои боевые качества. Туловище цилиндрической формы, покрытое толстыми роговыми пластинами, длинные гибкие и цепкие руки, которые младшие дросы могли выбрасывать вперед с большой скоростью и хватать практически любого противника на расстоянии в два-три метра, где клыки и когти не могли причинить вреда, все это делало их серьезными противниками. Один их глаз располагался посередине верхней половины туловища, спрятанный в глубине роговых пластин. Угол зрения был невелик, но этот недостаток вполне компенсировался повышенной защищенностью. Единственными, пожалуй, уязвимыми местами являлись органы слуха и обоняния, располагавшиеся на вершине туловища, поскольку головы у них, собственно говоря, как таковой не имелось. В случае точного удара сверху дросу вполне могли быть доставлены определенные неприятности. Однако кто из диких животных умудрится это сделать? Правда, ноги с подошвами полукруглой формы, обращенными окружностями в стороны, тоже были на удивление тонки и нежны. Но при опасности дрос втягивал их в туловище и превращался в почти идеальный бронированный бочонок. Передвигаться в таком положении он, разумеется, не мог, но по пробой его возьми. А в давние времена вокруг ног младшего дроса обвивался туловищем старший дрос и таким образом переживал в безопасности любые неприятности: от ураганов до нападений стаи кровожадных хищников. Как в танке.

Берд подошел к ближайшему дросу и толкнул его рукой.

— Уходи.

Тот не шелохнулся. Разные весовые категории. Берд ударил его по ногам, и когда дрос накренился от боли, снова

толкнул его, на сей раз успешно. Дрос завалился на бок и покотился по земле.

К Берду со всех сторон двинулись взрослые дросы.

Он отбежал на самую большую утрамбованную площадку, где легче было передвигаться, и занял боевую стойку. Незваные гости, возможно, не хотели причинить ему серьезного вреда, но проучить явно желали. Круг сжимался. Следуя вековым боевым и охотничьим традициям, дросы действовали наверняка: когда противник будет обложен, как волк флажками, разом выскочат несколько пар рук и намертво прижмут его к земле. А там, может быть, его потом спеленают местными лианами и оставят лежать до тех пор, пока не придут соплеменники Берда и не освободят его, а может быть, Берда здорово потрепят и отпустят восвояси. Это уж какая фантазия дросам в головы придет.

Но он не стал дожидаться подобной бесславной развязки. Берд подскочил к ближайшему дросу и, поднырнув под выскочившую его левую руку, схватил ее, резким ударом по ногам опрокинул врага, молниеносно развернувшись, оглушил. Через мгновение он уже стоял спиной к поверженному противнику, готовый к новым поединкам.

Следующему дросу он позволил схватить себя за руки, и когда жилистые лапы крепко уцепились в его перчатки, Берд оттолкнулся от земли и обрушил на эти лапы одновременный удар двумя ногами. Дрос от неожиданности и боли взвизгнул и отпустил Берда. Что ему и требовалось. Та же подсечка, тот же удар по верхней части туловища.

Остальные сообразили в чем дело и быстро окопались. Берда это только раззадорило. Он прошелся по "головам" неподвижных "жестяных бочонков", как звали их поселковые ребята, варьируя удары ногами и руками.

Молодые дросы семенили по полю, наступая друг другу на лапы. Берд отошел в сторону и подождал, когда придут в себя взрослые особи.

— Уходите, — сказал он им. — И не приходите сюда никогда.

Шесть здоровых полуторастокилограммовых "бочонков" постояли, поверещали и двинулись прочь.

Когда на следующий день в колледже появился секретарь мэрии, пришедший за ним, Берд понял, что вчерашнее небольшое приключение в тайне сохранить ему не удалось.

Его вызвали прямо с экзамена. Самое обидное заключалось в том, что билет, доставшийся Берду, содержал вопросы, ответы на которые он хорошо знал. И добрых полтора

километра, расстояние до мэрии, где собрался срочный Конвент, он чисто по-детски переживал это. Но как оказалось, ему пришлось в этот день пережить не только это.

Судя по обращенным к нему лицам, сосредоточенным и хмурым, члены Конвента уже успели обсудить пикантную ситуацию, в которую по молодости и глупости втянул земную колонию Берд.

— Садись, — сказал ему мэр Стивен Райс и показал на стул.

Берд сел.

— Зачем ты это сделал, Берд? — Не выдержав молчания, первым спросил отец, который тоже находился здесь, в зале заседаний.

— Я ведь несколько раз предупреждал тебя — не трогай ни дросов, ни карпуджей, ни фолов. Зачем?

— А что же они? — Обиженно промямлил Берд. — Ходят где надо и где не надо, на нас совсем внимания не обращают, словно эта планета принадлежит всем, но только не землянам.

— Берд Сэптон, — официальным тоном обратился к нему Райс. — Понимаешь ли ты всю деликатность положения нашей колонии? Неспроста ведь умные головы в Галактическом Союзе не один год бились над тем, как разделить Торно между четырьмя цивилизациями, какой статус придать нашей планете. Торно — планета уникальная. Так исторически сложилось, что она превратилась в полигон для проверки на прочность дружбы представителей различных цивилизаций. И, признаюсь, до сих пор не было другого такого случая, когда эта дружба подвергалась бы столь серьезному испытанию. Тебе, наверное, нелишне будет знать, что колония дросов заявила свой решительный протест в связи с негуманными действиями представителя нашей колонии, в результате мы сами уже не можем заявить протест по поводу вторжения в наши сельхозугодья младших дросов. А ты ведь, пожалуй, хотел помочь отцу?

— Хотел, — буркнул Берд.

— Так вот, ты ему не помог, скорей оказал медвежью услугу. Теперь компенсации от дросов не дождешься, а мы и требовать не будем. Обострять конфликт лично я не вправе. Более того, во избежании дальнейших недоразумений на период переговоров я от имени Конвента и как мэр колонии объявляю о временном заключении под стражу Берда Сэптона.

Райс обвел взглядом зал.

— Помню, возражения были только у доктора Линь Шэ?

— Да, — сказал пожилой китаец, — у меня они были. Конечно, поступок Берда Сэптона оправдать нельзя, однако, я просил бы уважаемый Конвент принять менее суровые меры по его наказанию. Я хорошо знаю Берда, он один из самых способных моих учеников. Очень талантливый мальчик. — Линь Шэ улыбнулся. — А в искусстве выживания ему нет равных. Возможно, поэтому он постоянно ищет приложения своим способностям. К сожалению, в нашей колонии эти способности пропадают втуне. И его ли вина в том, что он родился прирожденным исследователем и покорителем новых миров, когда почти все миры уже открыты. Мне кажется, к нему необходимо отнестись с большим пониманием и сочувствием. С разрешения Конвента, я бы поручился за Берда, он никогда больше не подведет колонию.

Мэр покачал головой.

— Вероятно, во многом вы и правы, уважаемый. Но каждый человек должен нести ответственность за свои поступки. Кроме того, я не считаю наказание таким уж и строгим. Скажем так, это мера превентивная. Через два-три дня Берд опять будет дома. Настоящим же наказанием станет другое. Насколько мне известно, после окончания колледжа Берд хотел работать в исследовательском отряде. Увы, известный инцидент заставляет меня просить Конвент об установлении для Берда длительного испытательного срока с тем, чтобы убедиться — сможет ли он вообще работать в этом отряде.

— Да что тут спорить, — подал голос фермер Таль. — Ставим на голосование. Риск хорош, когда он оправдан, но если нас с соседями может поссорить один мальчишка, то грош цена всем нашим словам и решениям. Если мы не накажем Берда, то поведение дросов может стать непредсказуемым. Они могут и бойкот объявить, наложить эмбарго на торговлю с нами. А учитывая, что коммерческий звездолет приходит к нам раз в восемь-девять лет, то выжить колонии не поможет никакая Конвенция.

Почти единогласно, за исключением Линь Шэ, Конвент решил временно изолировать Берда во избежание политических осложнений.

Из здания мэрии Берд вышел вместе с отцом и Линь Шэ. Он шел, повесив нос, и никак не мог уразуметь, почему с ним поступили так несправедливо. Как будто он не хочет добра своей колонии, словно он не готов все сделать для ее благополучия.

Отец посмотрел на него, ласково провел рукой по голове и сказал, что в одиночестве Берд пробудет недолго. А потом все образуется. Ну, будь мужчиной, сказал отец, не вешай подбородка на грудь, от этого бывают вмятины. Берд постарался улыбнуться.

Когда отец отошел, ему надо было зайти на плантации, проверить как функционируют роботы, Берд остался наедине со своим учителем.

Он посмотрел на Линь Шэ исподлобья.

— Вы находите это правильным, учитель?

Тот развел руками.

— Человеку слишком часто приходится считаться со многими факторами...

— Но почему Райс собирается не пустить меня в отряд?

— Он считает это разумным шагом.

— Выходит, я не совсем разумный.

— Никто этого не говорил, Берд, — укоризненно заметил Линь Шэ. — Ты научился в колледже многому, я бы сказал очень многому. Технические дисциплины тебе даются без труда, ты физически развит, у тебя прекрасная реакция, ты овладел в совершенстве восточными единоборствами Земли, знаешь основы гэдо. Но самое клавное — ты развил в себе способность постоянного восприятия нового. Твой мозг впитывает любые знания, как губка. Ты способен в кратчайшие сроки адаптироваться к почти любой физической среде обитания. Но, боюсь, единственному, чему ты не научился, а я и другие учителя не смогли тебя научить — это терпению. — Линь Шэ улыбнулся. — И это вполне естественно. Терпение приходит с возрастом.

— Я улечу отсюда, учитель, — неожиданно сказал Берд. — Я не могу здесь оставаться.

— Может, ты и прав. Но подумай, что ты будешь делать в нашей колонии еще четыре с половиной года. Лишь спустя четыре года к нам прибудет очередной звездолет.

Берд пожал плечами. Может, вы что подскажете?

— Право не знаю. Хотя, — вспомнил учитель, — в полутора тысячах километров на северо-восток от колонии находится горнодобывающая станция международной кампании "Галактика", персонал там, кажется, из землян. У них более частая связь с другими планетами. Однако мы не поддерживаем никаких отношений с ними. Согласно Конвенции. Впрочем, тебя, вероятно, там и не примут. Да и мэр не даст планетолет, чтобы отвезти тебя туда. Так что вопрос остается открытым. Думай.

— Хорошо, учитель, подумаю.

— Все, Берд, возвращайся в мэрию, тебя там, наверное, ждут не дождутся.

Увидев его, секретарь мэрии Лесли Кэртвид, заулыбался.

— А, хулиган собственной персоной. Уже успел попроситься с родными и близкими? Ничего, ничего, как говорили в старину, быстрее сядешь — быстрее выйдешь. — Он распахнул дверь одной из комнат. — Прощу.

Берд прошел в комнату. Дверь за ним закрылась, повернулся ключ в замке.

— Извини, дружок, — услышал Берд сквозь дверь, шаги Лесли постепенно стихли.

Полночи Берд и в самом деле предавался раздумьям. Что делать? Фермером он стать отнюдь не мечтал. Не хотел он быть ни радистом, ни специалистом по сельскохозяйственным роботам, ни даже мэром. Привлекала его только служба в отряде по исследованию и освоению территории Торно, закрепленной за колонией Земли. Но выходит, теперь ему путь в отряд закрыт. Правда, на какое-то время, но... Терпения Берду действительно не хватало. Он не мог ждать год, два, а может быть, и больше. Не такое это интересное занятие — ждать. Он любил действовать, любил риск, любил борьбу. И вообще он был человеком действия. И сидеть в тиши запертой комнаты он тоже не мог, тем более, что тишину ему навязали, можно сказать, силой. И тут... Тут ему на ум пришла любопытная мысль: рудники "Галактики". Вот место, где его никто не знает, где он никого не знает. Место что надо. И не требуется ему планетолета. Отнюдь. Конечно, далековато, но разве он не пропадал в былые времена с приятелями сутками в джунглях. Хоть и были эти джунгли близкими, облагоустроенными отчасти уже человеческой рукой, но кой-какой опыт все же есть.

Берд посмотрел на дверь. Ладно, махнул он про себя рукой, одним проступком меньше, одним больше.

Дверь открывалась наружу, что облегчало дело. Он отступил на несколько шагов в глубь комнаты, резко выдохнул и, развернувшись изящно и чуть манерно, локтем вышиб замок из двери. В мэрии царила тишина. Все правильно, конфликт, вероятно, уже в стадии консенсуса, высокие договаривающиеся стороны отчасти успокоились и их представители отправились по домам.

Берд выбрался из мэрии и минуту постоял у входа, обдумывая дальнейшие действия. С запада, со стороны моря, ветер нагнал тучи, и они ровным слоем укутали вселенную,

скрывая ее от излишне любопытных человеческих глаз. Лишь в одном месте облачный покров истончился, прогибаясь под тяжестью обязательной луны. Здесь обычный голубоватый свет преломлялся и выпадал на землю уже зловеще красноватым осадком. В такое время, подумал Берд, на древней Земле выходили, наверное, на охоту всевозможные бандиты и любители легкой наживы. Эта мысль его не смущала, он вышел лишь за приключениями.

В свою комнату он проник по стене, дабы не разбудить родителей. В течение десяти минут собрал свой походный рюкзак, и так же бесшумно через окно удалился.

Идти было легко. По крайней мере первые пятьдесят километров. Джунгли в этом районе были разбиты на квадраты, выцарапанные в зелено-коричневом массиве людьми и роботами. Берд то и дело пересекал очищенные от растительности тропинки, иной раз довольно долго шел по ним, но потом углублялся в заросли и продирался напрямую. Он опасался, что его могут засечь задолго до того, как он дойдет до девственного леса и не затеряется в его бескрайних путаных просторах. Когда Берд выбирался на тропинку, он припускал бегом, до рассвета хотел быть в безопасности. В безопасности, как он ее понимал. Сейчас он меньше всего боялся диких зверей, впрочем людей он тоже не боялся, но если он задумал выполнить поставленную перед самим собой задачу, то должен был опасаться, что колонисты могут помешать ему сделать это.

Перед самым рассветом, когда первые лучи солнца уже шарили по верхушкам деревьев, словно выслеживая зазевавшуюся добычу, он услышал приближающийся шум двигателей планетолета. Берд быстро сошел с тропинки и посмотрел вверх. В выпавшемся, отдохнувшем за ночь небе он увидел плывшую круглую платформу. Она неспеша двигалась галсами, прочесывая приборами лес. Берд определил, где пройдет планетолет, если будет следовать тем же курсом, и рванул в другую сторону: лучше всего быть как можно дальше от вертикального луча инфракрасного радара. Когда планетолет приблизился, Берд прислонился к дереву и на всякий случай принял позу лесной кошки. Пускай попотеют, злорадно думал он. Обида еще не проша, и ему доставляло наслаждение сознавать, как он их одурачит.

Часа через два планетолет опять настиг его. Теперь из динамиков машины разносился над лесом голос отца:

— Берд, где ты? Вернись домой. Берд?!

Ему было жалко ма и отца. Он внезапно почувствовал

укол совести. Но потом пожал плечами: нет, все, у него своя дорога, рано или поздно это произойдет, и он покинет колонию. Так почему не сейчас. Да и в оставленной записке он просил никого не волноваться. Чего же они всполошились.

Он не верил, что его будут искать долго. Ну, день-два, от силы три. В колонии много работы, стоит ли отвлекаться на поиски взбалмошного мальчишки. Побродит по лесу и вернется, куда он денется. У каждого бывали в дестве моменты, когда хотелось превратиться в Робинзона или Маугли, у Берда, мол, именно такой момент. Наверное, так и станут рассуждать эти важные взрослые. Пусть. А Берд между тем успеет добраться до рудников "Галактики". О, эти загадочные, притягательные рудники. И слово то какое — "Галактика". Оно манит и притягивает.

Прошло двадцать суток его похода. Он выбрал оптимальный метод движения: с наступлением сумерек продолжал двигаться вперед еще час-полтора, затем высматривал в почти уже полной темноте наиболее высокое дерево, освещал его фонариком, взбирался чуть ли не на самую вершину подвешивал гамак и спокойно засыпал. В любой момент он готов был проснуться и схватить мачете, сон его стал чуток, как у дикого зверя. Пять — шесть часов сна и еще задолго до рассвета он уже был опять на ногах. Опять махал направо и налево мачете и упрямо двигался вперед. Мышцы Берда, и до этого натренированные до чрезвычайной силы, уподобились по крепости келиту. Он мог спокойно подтягиваться на суке одной рукой, держа в другой неразлучное мачете, мог передвигаться по верхушкам деревьев, прыгая с ветки на ветку, мог сбить ногой с трехметровой высоты кейво, мог... Впрочем, он мог все, или почти все, что требуется живому существу в джунглях, чтобы выжить. Частые встречи с обитателями лесного царства его перестали беспокоить через неделю. Он выучился узнавать по голосам, кто есть кто в джунглях. Правда, иногда он слышал совершенно незнакомые ему звуки, вполне могущие принадлежать каким-либо неведомым зверям, но вполне резонно полагал, что когда-нибудь увидит и их. Несколько раз Берд подвергался нападениям древесных крыс, но успешно отбивался от них, нанося удары вокруг как мачете, так руками и ногами. Эти смысленные зверьки быстро поняли, что при встрече с этим странным двуногим типом неоправданно возрастают потери среди их коллег и вскоре отказались от каких-либо конфликтов с пришельцем. Система связи у них была налажена отменно.

Зато немало хлопот доставляли Берду орпы. Они тихо стояли за каким-нибудь деревом, почти незаметные хамелеонистые твари, и если он не успевал их засесть, то эта, на первый взгляд, безобидная, коряга бесшумно отделялась от ствола и падала на невнимательного путника, на лету выделяя смолистый клей. Перчатки, которые Берд не снимал никогда, разве тогда лишь, когда мыл руки, уже все были залепаны этим клеем-соком. И хорошо, что перчатки. Попадая на кожу такой клей начинал разлагать ее на ферменты, и не только кожу. Орпы слыли, да и являлись таковыми, на редкость непривередливыми тварями. Медленно, но уверенно они пожирали даже кости. Что поделаешь, при их гиподинамии поступать иначе было бы непростительной роскошью.

На двадцать четвертый день своего турне Берд всей кожей ощутил на себе чей-то взгляд. Не оборачиваясь, он попытался понять, с какой стороны он исходит. По всей видимости, сзади. Неужели ошпеньтуа?

Берда невольно пробрал холодок. Среди известных людям на Торно зверей он был самым опасным. Помесь земной обезьяны и крокодила ошпеньтуа мог лазить по деревьям, довольно сносно бегать по равнинной местности, хорошо плавать. И еще его отличала дьявольская осторожность и хитрость. В сочетании с солидным зубо-пасте-жевательным аппаратом эти качества внушали определенный пиетет.

В этот день Берд еще при свете солнца подобрал себе крупное дерево. Он выбрал редко встречающуюся в джунглях породу хьяно — высокая и стройная, без сучьев внизу, она лишь на самой вершине увенчивалась зеленой кроной. Берду пришлось лезть на самую вершину. Там он и провел беспокойную ночь, раскачиваясь в гамаке под порывами ветра. На сей раз ошпеньтуа не спешил атаковать противника на дереве. Значит, ждет на земле.

Берд размышлял. Ошпеньтуа не любит долго ждать, в этом заключается одна из его слабостей. Сутки-другие и он либо нападает, либо, плюнув ядовитой слюной на трусливую жертву, удаляется восвояси и, как ни странно, уже не пытается закусить ею в дальнейшем. Самый благородный представитель зеленого ада.

Не в правилах Берда было прятаться, он решил продолжать путь. Осторожно слез с дерева, осмотрелся. Поправив рюкзак, подтянув пояс на комбинезоне и перчатки, неспеша зашагал. И тут раздался треск ломаемых веток, сзади слышалось боевое повизгивание ошпеньтуа. Берд увидел

просвет впереди и что было сил рванулся в сторону полянки. Он опередил зверя на какую-то долю секунды, что оказалось вполне достаточно, чтобы развернуться к нему лицом, прыгнуть и вонзить мачете в пролетавшее над ним мохнатое брюхо едва ли не по самую рукоятку.

Берд поднялся с земли. Подошел к неподвижно лежащему зверю. Фасеточные глаза были открыты, и мальчику показалось, что в них застыла почти человеческая тоска.

Он ногой перевернул животное и выдернул мачете. Коричневая кровь медленно стекала по лезвию. Он обтер его о траву, вздохнул и сказал?

— На этот раз победил я, извини.

Продукты, захваченные из дома, кончились много дней назад. Берд питался плодами кейво, лиспиты и некоторых других, названий которых он не знал, но был уверен, что есть их можно. Изредка прибегал к охоте. Выстругав лук, он привязывал к нему прочный пластиковый шнур, точил бамбуковые веточки для стрел и садился в засаду. Как правило, добыча не заставляла себя долго ждать. Как только Берд замирал, лесная жизнь вокруг него пробуждалась. Он лишь выбирал подходящую цель и посылал в нее стрелу, одной всегда хватало.

Иногда он набредал на небольшую речушку или ручей, здесь он задерживался подольше. Ловил рыбу, варил уху, вялил ее, ну, и конечно, купался, отсыпался.

Однажды на его пути повстречалась большая река. Возможно, она уже имела какое-то название, но Берду оно было неизвестно. Для него река оказалась препятствием неожиданным. По слухам, в местных реках водились мерзкие твари, купаться и даже хоть на время погружаться в воду категорически запрещалось. В земной колонии подобного искусства не имелось, да и при каждом доме имелся бассейн. Земные пираньи, аллигаторы, водяные змеи представлялись милыми ягнятами по сравнению со здешними обитателями. Берд не стал рисковать. Он срубил несколько десятков толлов, связал стволы вместе и смастерил что-то вроде плота с полуметровым бордюром по краям, некоторые речные жители умели прыгать не только в длину, но и в высоту. Внимательно осмотрев и подергав свое сооружение, Берд остался доволен, ему казалось, что он неплохо потрудился. Дождавшись, когда солнце замерло в зените, а разогревшийся воздух проник во все подземелья лесной обители, он спустил коцег на воду.

Сотню метров, больше половины реки, плавание проте-

кало благополучно, плот мерно покачивался в такт небольшим волнам и продвигался к другому берегу. Берд споро орудовал самодельным веслом, торопясь быстрее выбраться из водной стихии. Здесь он чувствовал себя не очень уверенно. Но когда до берега оставалось немногим более двадцати метров, плот сильно качнулся. Берд заработал еще быстрее. Снизу в днище плота опять что-то ударило, на сей раз гораздо сильнее. А через минуту, после очередного погружения весла в воду, Берд обнаружил, что от него осталась только рукоятка, древко лопатообразного папоротника было нахально перекусано.

В темной, мутной воде происходило непонятное движение, она то вскипала бурунами, то успокаивалась, и тогда дрожал под ударами плот. Постепенно тонкие стволы деревьев начали расходиться, десять-пятнадцать минут и Берд окажется в воде, а в отличие от земного океана или реки, здесь не спасешься на обломках кораблекрушения. Несчастные оставшиеся до суши метры Берд никак не мог преодолеть. Течение относило плот все дальше от намеченного Бердом курса, потом придется возвращаться, чтобы не плутать. Но сейчас его волновала другая проблема — как добраться до берега. От очередного удара Берда подбросило, тихо отсоединился и поплыл рядом крайний ствол с "бордюром". Берд лихорадочно перебирал варианты. "Эврика", неожиданно вскричал он так громко, что, похоже, речное чудовище тоже его услышало и озадачившись, несколько минут плот не трогало.

Берд схватил лук, который он предусмотрительно не выкинул перед отплытием, затем одну из стрел, прикрепил к ней конец пластикового шнура, другой конец обмотал вокруг руки и, выбрав на берегу дерево потолще, пустил стрелу в него. Бамбувая стрела не подвела, шнур натянулся и плот перестало сносить, под воздействием течения он плавно прибил к берегу.

Берд оттолкнул плот и резво отбежал на десяток шагов в глубь леса. Видимо, от ярости, что добыча ушла, на плот словно обрушилась тысяча чертей. Мгновение — и дальше по течению поплыли только щепки. Берд вытер пот со лба, не хватало еще стать закуской, это в его планы не входило...

Спустя два месяца с начала старта он вышел к саванне. Лесной отрезок маршрута он прошел достаточно успешно. Лес грозил немалыми опасностями, но лес и спасал от них. В саванне его ждали новые. Разумеется, по этому поводу Берд не испытывал уныния.

По предварительным подсчетам до рудников оставалось немногим более четырехсот километров, они располагались ровно посередине саванны, окруженной с трех сторон джунглями, с четвертой стороны она выходила к океану. В принципе оставалось пройти всего ничего, пустяк.

Учитывая, что по ровной местности идти намного легче, Берд предполагал дойти до рудников за неделю, ну может, дней за десять, и то, если он не будет торопиться. И хотя длительное пребывание в лесу, где приходилось мокнуть под тропическими ливнями, стараться не быть схваченным и съеденным, порядком утомило, торопиться он не спешил. Новые места сулили новые впечатления. Впервые за почти семнадцать лет своей жизни Берд смог по-настоящему узнать планету, на которой родился. Увиденное и пережитое им не могло сравниться ни с какими даже очень хорошими учебниками и наглядными пособиями. Он даже подумал, что будь он учителем, то непременно бы ввел за правило иногда заниматься с ребятами на лоне природы — походы, рыбалка, охота, то да се. Правда, греша эгоцентризмом молодости, он всех равнял по себе, не учитывал, что желающих последовать его примеру оказалось бы не столько много, как ему хотелось бы. Да и не каждый мужчина выдержит те нагрузки, которым Берд подвергал себя. Что уж говорить об его одногодках.

Первой живой тварью, которую повстречал Берд в саванне, оказался колесный удав. Несколько часов тот катился за ним, перебирая лапками и выставив на тонких усиках по бокам, как перископы, бусинки глаз. Берду это преследование надоело, и он остановился, поджидая, когда удав подойдет к нему вплотную. За несколько шагов перед Бердом круг двухметрового диаметра распался и удав, плюхнувшись на все восемь лапок, обрадованно заспешил к человеку, услужливо открывая пасть. Берд рассмеялся. Он подождал, пока челюсти едва не защемили ему голову и, отпрянув в сторону, в воздухе сделал ногами "ножницы". Челюсти удава обиженно стукнулись друг о друга.

Плотноядный прохиндей не оставил попыток познакомиться поближе. Изобразив колесо, он опять закружил вокруг Берда. Подкатив почти к самым ногам его, удав, словно в игре в кольца, набросил лассо из своего тела на человека. Берд остался стоять в середине кольца. Тело удава судорожно дернулось и, если бы Берд не подпрыгнул, оно неминуемо зажало бы ему ноги. Удав повторил это движение несколько раз, столько же раз попрыгал и Берд. Но в конце

концов любая игра утомляет. В очередной раз он подпрыгнул и приземлился уже на шею удава, которая не выдержала такой неожиданной нагрузки.

— Начальник, ребята хотели бы поохотиться, — сказал Джонсон.

— Не век же работать, как проклятым, — поддержал его Энсон.

Михаил Торли, начальник рудников компании "Галактика" на Торно внимательно посмотрел на них. Поняв, что спорить сейчас не следует, равнодушно кивнул.

— О, кей. Сколько вас отправляется на охоту? Учтите, кто-то должен остаться дежурить в центре.

Парламентеры обрадовались.

— Джек и подежурит, он больше книжки читает, до охоты не любитель.

— Ладно, завтра объявляется выходной.

Два джипа бодро катили по саванне. В первый набилось девять человек, во втором находился только водитель. Договорились, что во втором джипе они повезут добычу.

Первое стадо аритид они увидели через час. Набрав скорость, джипы неслись прямо на них. Загрохотали выстрелы. Стадо сорвалось с места, но пули настигали их, валили одну за другой. Самцы сначала гордо развернулись и пошли навстречу врагу, но были тут же скошены шквалом огня. Из двух сотен аритид от побоища ушла едва ли половина.

— А что, неплохо, — важно заметил Джонсон. — Если так и дальше пойдет, я, пожалуй, доведу свой счет до тысячи.

— Зачем тебе столько, ты же их не съешь, — сказал кто-то из браконьеров.

Джонсон презрительно усмехнулся.

— Да их здесь тысячи, сотни тысяч. Тебе жалко что ли?

— Да не очень, — пробурчал его оппонент.

Джонсон лишь безнадежно махнул рукой, тюхня, а не мужчина.

Туши аритид они забирать не стали. Решили выследить еще одно-два стада. Но как назло саванна словно вымерла. На пути никто им не попадался. Пришлось повернуть назад, надо было привезти на станцию хоть что-то.

— Эй, ребята, — воскликнул водила, — это случайно не зур, вон там, сбоку?

Все уставились в ту сторону.

— Кажется, он.

— Четырех или шестипалый? — Спросил кто-то.

— Энсон, у тебя же бинокль.

— Шести, — неуверенно сказал тот. — И... и он движется в нашу сторону.

— А, черт.

Водитель нажал педаль газа до упора. — Вы сможете его уложить? — Нервно выкрикнул он.

— А кто его знает?

— Ты, приятель, не забывай на газ жать...

— Эх, почему бластер начальник не разрешает на охоту брать...

Зур постепенно догонял машину.

— Спятивший какой-то, — прохрипел Джонсон и сглотнул слюну.

— В прошлой смене вот такой же монстр раздавил двоих ребят в джипе, — вспомнил Энсон.

— Стреляйте же, чего ждете?

Чтобы не мешать друг другу, семеро заряжали винчестеры, двое непрерывно палили в зура, как в небо. С тем же результатом.

— О мама мия, — взмолился Флир, — не дай умереть под чужим солнцем.

Джип петлял из стороны в сторону, но от шестипалого зура убежать не так просто. На одном из резких виражей джип опрокинулся, и сидевшие в нем поползли в разные стороны. Зур добежал до незадачливых браконьеров и... остановился.

— Эй, куда вы?

Джонсон оторвал голову от земли и оторопел.

— Па...па...парень, ты что там делаешь?

Ничего глупее он, конечно, спросить не мог. Берд засмеялся.

— Сижу. А вы что делаете?

— Л-лежим.

— Садитесь, подвезу. А то ваш второй джип уже далеко.

Все охотники собрались вместе и с опаской взирали на мальчишку, сидевшего, подобно погонщику слонов, между двумя рядами рогов на голове зура.

— Это ты что ли убежал из колонии? — Пришел в себя Джонсон.

— Я, — вздохнул Берд. — Ну, так что, едем?

* * *

— Да, кашу ты заварил, парень, — задумчиво протянул Торли. — Что же мне с тобой делать?

— А вы попробуйте ничего не делать. Вы меня здесь ос-

тавьте, я многое умею, — убеждал начальника горно-добывающей станции Берд. — За функциональными роботами следить буду, охотиться для кухни стану, всегда свежее мясо у вас будет. Оставьте, а?

Михаил Торли покачал головой.

— Право, не знаю, Берд. Вообще-то я не против, хотя это и идет вразрез с правилами компании, но в центре, я думаю, меня не слишком осудят. Рабочих приходится сюда набирать с бора по сосенке, так что лишние руки не помешают. Но... Давай так, парень: твои из колонии скоро сюда придут, разбирайся сам. Если они тебя оставят, я тоже не буду возражать. О, кей?

— О, кей, — обрадовался Берд.

Расстались они вполне мирно. Старший Сэптон, успокоенный и какой-то постаревший, махнул рукой, ладно, мол, поступай, как знаешь, главное — жив и здоров. Мэр колонии тоже особо не настаивал — лишняя проблема с плеч. Он лишь оценивающе посмотрел на Берда и сказал: — Ну, орел, ты даешь...

И Берд остался на станции.

На первых порах на руднике ему было все в новинку, а потому интересно. Запутанные лабиринты пробитых штолен, более современные, нежели в колонии, функциональные роботы, звездолет компании, постоянно нацеленный в небо. Да и немногословные, грубоватые на первый взгляд, но мужественные парни из обслуживающего персонала тоже вызывали уважение. Однако со временем Берд начал скучать, тем более, что завалив себя всевозможной работой, он слишком мало внимания уделял тренировкам. Последнее обстоятельство он решил исправить: теперь каждый день после ужина, когда весь персонал предавался безделью, он уходил в спортзал и занимался до изнеможения.

Однажды его застал во время тренировки Джонсон. Посмотрев, как тот махает руками и ногами, Джонсон немного протрезвел после только что выпитого с приятелями виски.

— Черт возьми, парень, — вскричал Джонсон, — почему бы тебе не сразиться с Ви Энсоном? Он, кажется, тоже что-то там изучал.

Берд обтерся полотенцем.

— Я бы с удовольствием, сэр, — неуверенно сказал он, — но согласится ли мистер Энсон?

— Ха, — проревел Джонсон, — согласится ли он? А куда он денется? Сейчас же пойду и переговорю с этой скотиной. Через денек-другой устроим классный мордобойчик. — Он

повернулся к выходу. — Вот будет потеха, — сказал себе под нос.

Джонсон не подкачал. На следующий день уже все говорили о предстоящем поединке и обсуждали сумасбродство мальчишки, да и инициатива Джонсона не встретила единодушного одобрения. Подраться между собой под пьяную лавочку — еще куда ни шло, но обижать ребенка — как-то не солидно. Однако предстоящий бой обещал хоть какое-то развлечение, и мужчины специально отвлекли с рудников двух роботов для расчистки площадки под ринг, те поставили столбы и натянули канаты. Решили, что на свежем воздухе у спортсменов кровь по жилам бежать будет бодрее.

Ассистентом Берда вызвался быть Джек. Его привлекали в мальчишке самостоятельность, такт и любознательность, и ему не улыбалось видеть Берда избитым. Лучше быть к нему на всякий случай поближе.

Роль судьи, после некоторых колебаний, взял на себя сам начальник станции Михаил Торли. По тем же соображениям, что и Джек.

Перед первым раундом Берд поинтересовался у Джека, чем занимался Энсон.

— Если не врет, то он одно время был ассистентом мастера гэдо с Проксимы. Непонятно, правда, только, как его туда занесло, — сказал Джек. — Ты с ним поосторожней, — добавил Джек, — мужик он сильный, почти как зур.

Берд кивнул.

— Внимание, — перекрывая шум, зычным голосом крикнул Торли. — На помост вызываются два титана нашей станции со славными именами Ви Энсон и Берд Сэптон. Предупреждаю бойцов и зрителей, что поединок должен вестись по правилам галактической борьбы гэдо. За нарушения начисляются штрафные очки.

Торли сошел с помоста. Он мог бы и не напоминать о правилах гэдо, поскольку их фактически не было. Основной запрет — не убей, в остальном же полная свобода действий.

Энсона никак нельзя было назвать поджарым и гибким, зато отсутствие этих качеств компенсировалось большой массой тела и недюжинной силой. Первую минуту противники не торопясь прощупывали друг друга. — Ха! — Энсон неожиданно попытался сделать обманное движение левой ногой и провести двойной удар правой ногой и рукой. Берд легко проскользнул между двумя свистящими конечностями соперника и еще успел удивиться: неужели это все, на что Энсон способен. Он испытал что-то похожее на разоча-

рование, не таким он представлял человека, хоть немного владеющего гэдо. Он не торопился. Коли парни желают поразвлечься, он доставит им такое удовольствие.

Удары в воздухе не настолько мощны, чтобы уложить противника на пол, но они достаточно эффективны, и Берд то и дело в прыжке отгонял ногами воображаемых мух от лица Энсона, ерошил волосы на его голове, вынуждал становиться в самые невыгодные и нелепые позы, а затем уж начал валить его на ринг легкой подсечкой или броском под хохот окружающих помост зрителей.

Михаил Торли, сначала было решивший прекратить поединок, как только мальчишка окажется под угрозой мордобоя, облегченно перевел дух и смеялся вместе со всеми. Правда, после того как Энсон закричал, что это нечестно, и он не собирается больше участвовать в этом спектакле и драться с маленьким дьяволом, и сошел с ринга, а Берд, разгорячившись, объявил в запале, что готов сразиться со сколькими угодно соперниками, Торли не на шутку перепугался. В квадрат чуть больше боксерского ринга полезло сразу пятеро. Учитывая трогательную привязанность большинства рабочих станции к пиву и другим нестандартным напиткам, все они были под хмельком. Торли поднес свисток ко рту, но так и замер.

Берду, похоже, пьяные особенно не нравились, он прошелся по рингу всего один раз, этого оказалось вполне достаточно.

Больше никто не пожелал попробовать свои силы.

После шоу-мордобоя Торли подошел к Берду и Джеку, который обтирал победителя.

— Молодец, парень. Только... Помяни мое слово, теперь ты здесь будешь чувствовать себя неудобно. Правда, Джек?

— Ваша правда, сэр, — подтвердил Джек.

— За исключением меня и Джека на станции, пожалуй, нет больше ни одного высококвалифицированного специалиста, Бред. А люди, которых набирает компания, это в основном или неполадившие в прошлом с законом или неудачники. Если бы у компании в этом секторе хватало гуманоидов для обслуживания рудников на планетах с кислородной атмосферой, поверь мне, этих ребят здесь бы не было.

— Не беспокойтесь, сэр, мне они ничего плохого не сделают.

— Так оно, может, и так, — задумчиво промолвил Торли, — но ты оказался слишком шустрым пареньком, многим это придется не по нраву. Мне было бы спокойнее, если бы ты побыстрее выбрался отсюда.

Берд посмотрел в глаза начальнику станции.

— Вы хотите этого? — Он никак не мог встретиться взглядом с Торли.

— Да, сынок. Думаю, так будет лучше.

— А куда же мне податься? Кругом джунгли. Обратного поселка я не хочу.

— Через месяц к нам должен придти грузовой звездолет. Его капитан — мой хороший знакомый. Он тебя возьмет. Разве ты не хотел бы побывать на Гильоме, Медее, Тшои? Звездолет пойдет по этому маршруту. Ты сможешь высадиться на любой из этих планет.

Лицо Берда постепенно опять разгорелось, как минуту назад на ринге.

— Это здорово. Я всегда мечтал стать исследователем новых миров или путешественником. Через месяц... Спасибо, сэр.

— Не за что, Берд, — обрадовался и Торли. — Рад тебе помочь.

После памятного поединка отношение к Берду действительно изменилось. Если раньше его почти не замечали, ну приболудился парнишка и ладно, кому какое дело, то теперь его подчеркнуто сторонились. Собравшись вместе рабочие рудника обсуждали его искусство борьбы, вспоминали каким образом он появился на станции.

— Нет, что-то тут не так, — убеждал коллег Джонсон, — сдается мне, что в него вселились волновики. Простой человек так драться не может.

— И я говорю — дьявол, — поддержал его Флир, — смотри, как он командовал зуром.

— Но он же объяснял, что у зура на голове есть болевые точки, нажимая на которые можно заставить его слушаться, — ради объективности напомнил кто-то.

— Ну-ну, — мрачно съязвил Джонсон, — иди и понажимай на эти точки. Мне лично что-то не хочется.

— Рассказывали, — подчеркнуто спокойно и как бы между прочим влез в разговор Энсон, — что на планете Берта таких вундеркиндов распыляют из бластеров. Там часто происходят непонятные мутации, вот колонисты и воюют таким образом с мутантами. От греха подальше.

— Полагаешь, что он мутант?

Энсон пожал плечами.

— Откуда я знаю...

Когда Энсон и Джонсон остались одни, последний сплюнул и проскрипел сквозь зубы:

— Надо бы его еще раз проверить. У меня появилась тут одна идея...

Джек связался по радиобраслету с Торли.

— Сэр, все роботы собраны для профилактического осмотра. Нет только одного. Функционального белкового робота последней серии — Р-211.

— Куда он мог запропасться?

— Понятия не имею. Может, забрел в "пьяную" штольню?

— Кто их сегодня программировал?

— Большинство — я, сэр.

— И что же, ты посылаешь кого-нибудь в эту штольню?

— Нет, конечно, — обиделся Джек.

— Ладно, ладно. Не мог же он сбежать, — Торли попытался улыбнуться. — Я пошлю кого-нибудь на поиски.

Он вызвал комнату Берда.

— Чем занимаешься, сынок? А-а, высшую математику зубришь. Ты не мог бы спуститься в рудник? Куда-то один робот пропал. Может, найдешь его в "пьяной" штольне. Номер робота — 211.

— Хорошо, сэр, сделаю.

— Будь осторожен, надеюсь, ты уже слышал о "пьяной" штольне?

— Немного.

— Учти, что белковый робот в этой штольне подвергается сразу множеству лучевых воздействий, все они в совокупности распрограммируют его. В памяти робота иной раз такая белиберда появляется, что спаси и помилуй. Главное, ты его отключи — потом мы его вытащим.

— Будет сделано.

Берд остановился перед входом в горловину наклонной шахты, поджидая, когда пустая тележка пойдет обратно. На ней быстрее.

Он уже запрыгнул в тележку, когда услышал скрежет и треск из шахты. Тележка скатывалась по пологой поверхности вниз, лампочки слабо освещали своды туннеля. И вдруг Берд увидел пропавшего робота. На корпусе фосфорисцировала цифра 211. Р-211 уверенно шествовал вперед. Берд выпрыгнул из тележки.

Приблизившись к мальчику, робот не сделал попытки остановиться, он и впрямь действовал как пьяный, не замечая никого и ничего вокруг. Однако самое страшное заключалось не в этом — робот на ходу поднял свою многопудовую стальную клешню и опустил ее на то место, где за се-

кунду до этого стоял Берд. Проманувшись, манипулятор выбил из пола туннеля несколько кусочков породы. Р-211 не остановился из-за своего промаха, как ни в чем не бывало он шел дальше, за бегущим впереди Бердом.

Берд выскочил на поверхность.

— Мистер Шнайдер, Р-211 нашелся.

— Знаю, — равнодушно отозвался Шнайдер, дежуривший у пульта, на котором теперь светились все огоньки.

— Да, но он меня едва не убил.

— Едва не считается. Необходимо соблюдать технику безопасности.

Берд разозлился.

— Надеюсь, вы его сейчас выключите?

— Я это и пытаюсь сделать вот уже пять минут, с тех пор, как опять засек Р-211. — Он все более и более нервно щелкал переключателями. Лоб его вспотел. — Эй, база, Р-211 не слушается руля. Что делать?

— Говорит Торли. Дик, попытайся еще раз. Что говорит мальчишка?

— Утверждает, что робот хотел его убить.

— Даже так... Берд, где ты?

— Здесь, сэр.

— Это правда?

— Абсолютная правда, сэр. Мне кажется, он слишком пьян даже для "пьяной" штольни.

— Хорошо. Дик и Берд, оставьте первый пост, отходите. Я вышлю грузовых роботов, они его утихомирят.

Четыре грузовика натужно скрежеща, выползли из ангара и двинулись к шахте. Р-211 уже давно покинул рудник и шел по направлению к зданиям жилого сектора и звездолета. Грузовики попытались остановить своего собрата, но оказались слишком неуклюжи для такой роли. Р-211 легко, словно он неоднократно проделывал это, провел комплекс противозахватных движений и двинулся дальше.

Весь персонал станции собрался в центре управления станции.

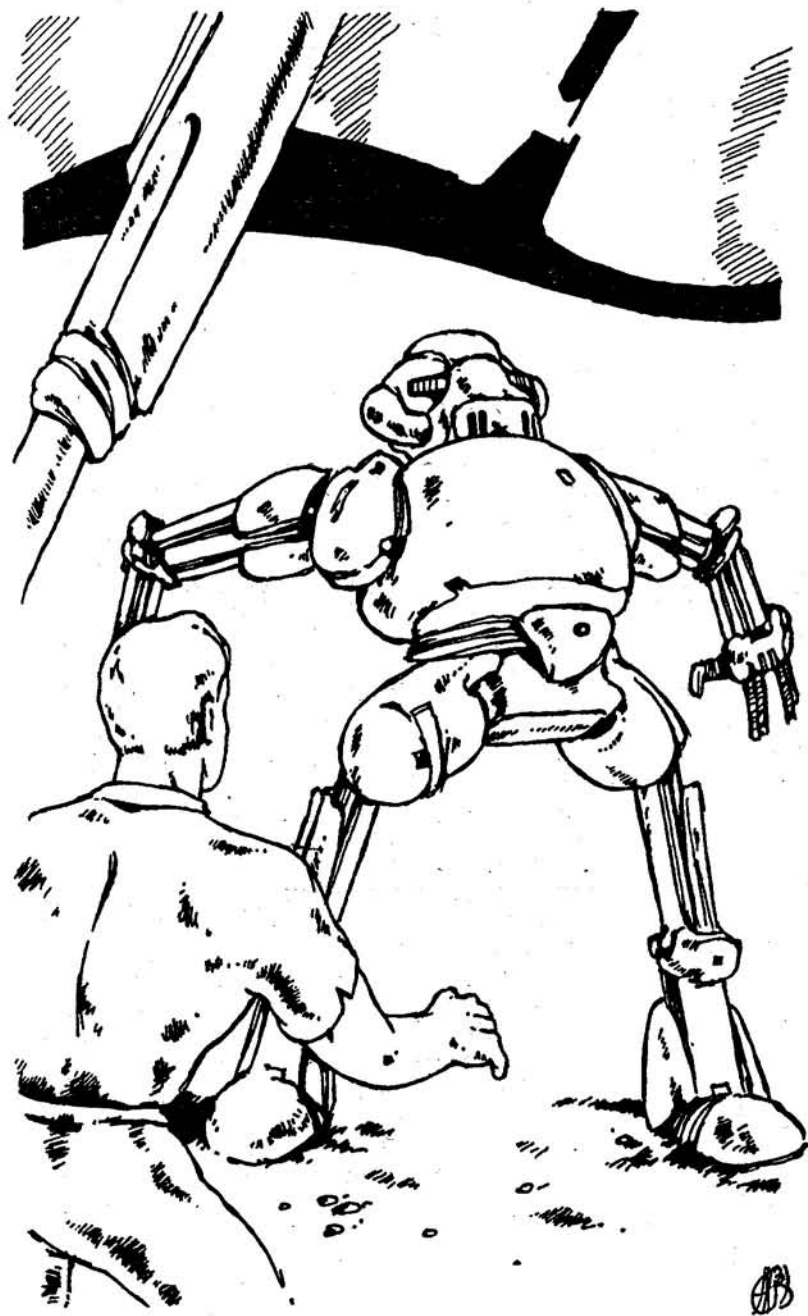
— Странно, — сказал Торли. — "Опьянение" давно уже должно было пройти, а робот все не успокаивается.

— Это же новая модель, — успокоил его Энсон. — Скоро выдохнется.

— Сомневаюсь...

Начальник рудника открыл сейф и вытащил из пирамиды один бластер.

— На всякий случай, — пояснил он.

— Дик, попробуй еще, может, образумится.

Шнайдер подошел к центральному пульта станции и снова пощелкал переключателями.

— Глухо, сэр.

Торли медлил. Его бережливая натура никак не могла смириться с тем, что придется пустить в распыл дорогую и самую высокоэффективную модель. Но в конце концов он повесил бластер на грудь и пошел на улицу. Уже там его догнал Берд.

— Сэр?

— Да.

— Подождите минуту. Может, я попробую остановить его?

— Напрасный риск, Берд. Его не остановишь.

— Но если вы скажете, где у него блок спокойствия, я его отключу.

Торли с сомнением посмотрел на Берда.

— Откуда такая уверенность?

— Если не получится, можете спровадить меня обратно в колонию. Идет?

— Ну... Ладно. Хотя я и сомневаюсь, что в подобных обстоятельствах его возможно отключить. Эта модель специально создавалась для работ на рудниках. В целях предохранения от возможного обвала, падения камней центр спокойствия смонтирован во-он в той узенькой щелке между корпусом и головой.

Берд обрадовался.

— И всего то? Я же не кирпич. Этого вполне хватит.

Берд вернулся в центр управления и поискал подходящую палку или дощечку. Ничего подобного он не обнаружил, зато увидел деревянный ящик, оставшийся от какого-то груза. Одна узкая дощечка его вполне устроит. Он отбил ее и выбежал на улицу. За ним подалась и все остальные, слегка озадаченные, а от этого изрядно заинтригованные.

P-211 подобрался уже к корпусу звездолета и, запутавшись в лапах амортизатора, сделал попытку согнуть их в бараний рог. Берд со своей дощечкой подоспел вовремя, звездолет уже дрожал, а два из десяти амортизаторов начали прогибаться. Вести огонь из бастера было уже поздно, оставаться без звездолета рано — до окончания смены было еще нескоро.

Все поразились, увидев, что Берд выманил робота на себя. Не было еще случая, чтобы робот по своей инициативе, тем более во второй раз, напал на человека.

Как только P-211 выбрался из-под звездолета, он сразу был остановлен.

Торли подошел к Берду.

— Молодец.

Но выглядел начальник станции нерадостно. Он задумчиво осматривал своих сотрудников, собравшихся вокруг P-211 и Берда. Все, казалось, восхищались мальчишкой и выражали ему самое искреннее дружеское расположение. Торли было над чем задуматься.

— Робота в центр, — распорядился он.

— Зачем? — Возразил Энсон. — Давайте, я посмотрю, что с ним приключилось.

— В центр, — жестко повторил Торли. — Я сам разберусь, в чем там дело.

Вечером того же дня Торли разобрал робота, просмотрел блок памяти и впрямь довольно скоро уяснил себе причину странного "опьянения" P-211.

Погрузка в звездолет заканчивалась. Михаил Торли и капитан "Орла" Тэд Грасс неспеша шли по плитам маленького космодрома.

— Две недели назад у нас тут произошла неприятная история, — сказал Торли. — Возможно, ты уже о ней слышал.

— А-а, ну как же, взбунтовавшийся робот. Ребята твои травили байки.

— Тэд, он не спятил, его перепрограммировали.

— Веселенькое дельце.

— Я провел расследование, в тот день в ангар для роботов заходил не только Джек Миллер, дежуривший там, но и Джонсон. Поскольку в Джеке я уверен на все сто, то с такой же долей уверенности могу сказать, что здесь замешан Джонсон. Этот негодяй настроил P-211 на убийство человека. Причем конкретного человека — Берда Сэптона.

Грасс присвистнул.

— Это так же верно, как то, что у меня две руки и одна голова, а не наоборот. Не понимаю только, зачем ему это понадобилось делать.

— Давай выясним?

Торли облегченно вздохнул.

— На тебя всегда можно положиться, Тэд. Надеюсь, ты их препроводишь на какую-нибудь планету, где есть специалисты службы безопасности жизни. Сопроводительные документы я подготовлю.

— Вечно у тебя какие-то приключения, Майкл. Конечно, я выполню твою просьбу.

Торли остановился.

— Тэд, в таком случае я собираю сейчас весь персонал станции в центре. Захвати, кстати, двух-трех своих парней с оружием.

Грасс, усмехнувшись, кивнул.

— Сделаю.

Когда все собрались, начальник станции сделал объявление.

— Как вам известно, должностные лица международной компании "Галактика", работающие на планетах со специальным статусом, а также на тех планетах, где отсутствуют исполнительные органы власти Галактического Союза, обязаны следить за строгим исполнением законов Союза, в случае необходимости они имеют право проводить следствие и даже суд. Согласно этим полномочиям, я провел расследование инцидента с белковым функциональным роботом Р-211 и пришел к выводу, что этот робот предполагался быть использованным в качестве инструмента убийства. По счастливой случайности, а также благодаря Берду Сэптону никто из персонала станции не пострадал. Я выдвигаю обвинение в подготовке умышленного убийства против Оливера Джонсона. Я также выдвигаю обвинение против Иви Энсона, который знал о готовящемся преступлении, и не только знал, но и принимал самое непосредственное участие в его подготовке.

Вокруг Джонсона и Энсона образовался вакуум.

— Выполняя свой долг, — заключил Торли, — я приказываю взять вышеназванных лиц под стражу.

Несколько человек было двинулись к Джонсону и Энсону, но последний выхватил из-за голенища высоких сапог солидных размеров нож и оскалился.

— Кто попытается подойти — располовину.

— Не дури, Джонсон, — сказал Торли. — Отсюда ты все равно никуда не денешься. Лучше скажи, зачем тебе понадобился робот?

— Суки, — дурным голосом взвыл Джонсон, — живым не возьмете, убью, гады. Всех убью.

Тэд Грасс медленно и как-то лениво достал из кобуры бластер.

— Бросай железяку, придурок, — почти ласково попросил он.

— Нет. — Джонсон и Энсон попятнулись к двери. — Нет, — бормотал Джонсон, — не возьмете.

Берд посмотрел на шефа, тот улыбнулся и кивнул. Торли положил руку на бластер друга и прошептал: — Подожди.

— Ты с ума сошел... — начал было Грасс, но через пять секунд его волевой подбородок отвис от удивления. Ровно столько понадобилось Берду, чтобы обезоружить преступников.

Когда они прощались, Грасс виновато опустил глаза.

— Прости, Майкл, я сначала не поверил.

— Ты о Берде? — Рассмеялся Торли. — Замечательный парень, но ты с ним поостороже, а то он с метеоритами драться начнет.

До ближайшей планеты Федерации Земли любой звездолет, пусть даже с самыми мощными двигателями, добирается от Торно не менее двух с половиной месяцев. "Орел" полз до Гильоме целых четыре. За это время Берд, который пришелся по душе как капитану, так и его немногочисленной команде, успел проштудировать высшую математику и сдать ее капитану в зачет экзамена в колледже; согласно международным правилам капитаны межзвездных кораблей имели право при дальних перелетах выполнять некоторые функции юридических органов.

Более того, астронавигатор Куэльяс подготовил Берда к сдаче курса звездной навигации для института космонавтики. Правда, принять этот экзамен капитан уже не мог. На весь земной сектор галактики имелось всего восемь институтов, и подготовка в них велась на самом высоком уровне, контроль за ходом учебного процесса осуществляли как правительство Федерации, так и наблюдатели из Галактического Союза.

Но все равно, Берд в течение этих четырех месяцев времени даром не терял.

В предпоследнюю неделю полета, когда старые, латанные и перелатанные аппараты гиперсвязи "Орла" наконец-то стали ловить позывные Гильоме, Берда вызвал капитан.

Тэд Грасс сидел у пульта приемопередатчика и просматривал какое-то сообщение.

— Берд, — спросил он, — ты хотел бы увидеть международный чемпионат по гэдо?

— Разумеется, мистер Грасс. Я всего лишь несколько раз видел видеозаписи двух последних чемпионатов, поэтому с удовольствием посмотрел бы еще.

Грасс поморщился.

— Я не о том. И не называй меня, пожалуйста, мистером. Зови просто — Тэд. Хорошо?.. — Он покачал рукой с пистолетом. — Я имею в виду настоящий чемпионат по гэдо. Согласно жребью, очередной чемпионат по гэдо примут в

своем секторе кены. Соревнования начнутся через восемь земных месяцев после объявления о них, и будут проходить на планете Оосуин. Кстати, это не так далеко от этого района Галактики. И должен тебе заметить, после окончания маршрута на Тшои, местное отделение компании планирует отправить наш звездолет с грузом товаров непосредственно в сектор кенов. Если не ошибаюсь, в списке планет, подлежащих посещению, стояла и Оосуин.

— Вам остается только позавидовать, — вздохнул Берд. — Я всегда мечтал посмотреть на борьбу мастеров гэдо. Тем более, не в записи, а живьем. Это, наверное, нечто необыкновенное.

Грасс улыбнулся.

— Вот я тебя и спрашиваю: ты хотел бы побывать на чемпионате?

— Конечно! А... разве это возможно?

— Что ж, если ты согласишься стать членом экипажа "Орла", то через восемь месяцев я гарантирую, что твоя мечта осуществится.

— Вы... вы берете меня в экипаж?

— А почему бы и нет, ты нам подходишь. К тому же среди моих предков было немало моряков, а продолжать их традиции кому-то надо. Ты будешь у нас юнгой, — торжественно заявил Тэд.

— Гип-гип, ура, — выкрикнул радист Ярош, который только что зашел в рубку. — Поздравляю, — протянул он руку Берду, — полагаю, мы сработаемся.

"Орел" приземлялся ночью. Центральный космодром Оосуина был ярко расцвечен лучами прожекторов, вспышками фейерверков, гирляндами миллионов лампочек. Столичный сити гостеприимно раскрыл свои объятия для всех кораблей — пассажирских и грузовых, всех, даже тех, что несколько недель ожидали разрешения на посадку, находясь на стационарной орбите. По случаю международного чемпионата гэдо правительство Оосуина пошло на такое нарушение правил безопасности. Ц-космодром был забит почти под завязку, пилоты все новых прибывающих кораблей проявляли чудеса мастерства и изобретательности, дабы не задерживать при посадке уже стоящие на приколе аппараты. А вышедшие из кораблей гости сразу вливались в праздничный карнавал, гудевший буквально во всех без исключения уголках столицы. Из самых отдаленных звездных систем прибыли не только гости, зрители, но и исполнители эстрадных номеров, известнейшие в Союзе музыканты, художники,

писатели. Эта интеллектуальная и творческая элита Галактического Союза придавала всему празднику необыкновенный шарм: ровный огонь веселья не затухал ни на минуту, но и взрывов буйства не наблюдалось, все участники предварительного карнавала лучились добротой и доброжелательством.

Берд изумленно, с некоторым даже недоверием, наблюдал это смешение красок, лиц, звуков и песен, форм разумной жизни. Трудно было поверить, глядя на вселенский праздник, что где-то существует спокойный провинциальный Торно, немногим менее скучные Гильоме, Медее, Тшои. Новые впечатления вытеснили на время из памяти картины непроходимых джунглей, комплекс горнодобывающей станции "Галактики", впервые увиденные им другие планеты Федерации, и Берд окунулся в этот праздник с головой.

Посол Земли на Оосуине Ирвин Багров встал поздно. Всю половину прошлого дня и всю ночь ему пришлось участвовать в праздничном карнавале по случаю чемпионата гэдо. Немного болела голова, что вполне естественно: советник Юйель постоянно подливал ему олии. Оосуин принимал Галактический чемпионат, хозяева стремились показать верх возможного гостеприимства и внимания, обижать их было бы грех, в том числе и с политической точки зрения.

Он налил себе в рюмку немного русской водки, залпом выпил. В голове вакуум по-немногу заполнился мыслями, и Багров вспомнил, что на сегодня, перед днем начала соревнований, он послал приглашения всем экипажам звездолетов Федерации. Ирвин поморщился, во второй половине дня опять придется проявлять любезность, на этот раз уже по отношению к своим ребятам-землянам. Да, что там пускай не говорят о дипломатической работе, а она — проклятая, ей Богу.

...Когда все собрались, посол сразу взял быка за рога.

— Господа, — сказал он и поправил галстук. — Я собрал вас сюда затем, чтобы ознакомить вас с инструкциями правительства Федерации Земли относительно поведения граждан Федерации на чемпионате.

Насколько вы должно быть знаете, Галактический чемпионат представляет собой уникальный спортивно-политический институт. Да, да, и политический. Главная задача чемпионата вот уже почти на протяжении пятидесяти лет — укрепление дружбы, культурных, экономических и социаль-

но-политических связей между различными расами Галактического Союза. Поэтому вам должен быть понятен тот интерес, который проявляет наше правительство по отношению к этому спортивному празднику. Во время самих соревнований на планете, принявшей чемпионат, заключаются коммерческие сделки, устанавливаются более тесные контакты между правительствами. Мне хотелось бы в связи с этим выразить надежду федерального правительства, что все земляне, находящиеся на сегодняшний день на Оосуине, понимают всю ответственность, которая лежит на них, как представителях земной цивилизации, и не позволяет себе действий, порочащих нашу расу перед лицом Галактического содружества...

Берд повернулся к Тэду и тихо спросил:

— А наши спортсмены будут участвовать в чемпионате?

— Нет, — так же тихо ответил Грасс.

— Почему?

— Земляне четырежды участвовали в соревнованиях, но ни разу мы не вышли даже в двадчатку лучших бойцов. А это, как выразился бы посол, отрицательно сказывается на авторитете Земной Федерации.

— И что, теперь никогда земляне не будут выступать на чемпионате?

— Наверное. Победить никто не надеется, а в случае проигрыша планета, выставившая спортсмена, может опасаться навлечь на себя недовольство Федерации.

Глаза Берда загорелись.

— Тэд, давай попросим посла, чтобы он разрешил мне участвовать в соревнованиях.

Грасс покачал головой.

— Бесполезно. Хотя... Почему бы не попробовать... Сэр, — громко обратился он к послу. — Разрешите один вопрос.

— Конечно, — посол излучал добродушие.

— Капитан звездолета "Орел" Тэд Грасс, порт приписки планета Тшои. Могу я поинтересоваться: если у нас есть кандидатура для участия в чемпионате, где спортсмен должен зарегистрироваться?

— Что? — Опешил Багров. — Какая кандидатура? Да вы что, господи?! Ни в коем случае!

— Вы нам не рекомендуете?

С языка посла едва не сорвалось более резкое выражение, нежели те, что он произнес, оправившись от шока.

— Разумеется, нет. Э-э, а кого вы имеете в виду?

Тэд показал на Берда, тот поднялся из кресла.

— Этот молодой человек, — сказал Грасс, — отлично владеет гэдо.

Багров пристально и с легким намеком на насмешку посмотрел на Берда.

— Это несерьезно, — заявил он, как отрезал.

Посол прошелся по большой гостиной, где разместились приглашенные звездолетчики.

— Поймите, господа, все не так просто, как может показаться на первый взгляд. Почему, вы думаете, из тысяч и тысяч видов спортивных соревнований, существующих на тысячах планет, для Галактического спортивного чемпионата подошла только борьба? Да потому, что биологические цивилизации не могут, к примеру, освоить гонки на машинах, а технологические цивилизации зачастую не могут многого из того, что умеют представители другого типа цивилизации. Сколько форм жизни, столько и типов мышления. Некоторые существа не могут уразуметь, что такое шахматы, мы, скажем, никак не поймем, что такое гарбианская пай-пу. Но всех, всех без исключения разумных существ объединяет одно — процесс эволюции, в результате которого они и стали разумными. А эволюция — это постоянная борьба, день за днем, год за годом, век за веком. До тех пор, пока на смену когтям и клыкам не приходит разум. Борьба универсальна для всех живых существ. Существует три подгруппы гэдо: водное, воздушное и наземное. В последней подгруппе могли бы участвовать и мы, но... — Багров многозначительным взглядом обвел аудиторию. — Есть расы более древние, чем человеческая, а значит, искусство борьбы многими из них освоено лучше, и не только искусство, сами некоторые такие существа почти неуязвимы для человека с его весьма хрупкими отростками — руками и ногами. Человек, таким образом, по своей физической природе обречен на поражение.

Багров мягко улыбнулся.

— Ну, а зачем нам добровольно стремиться выглядеть в смешном свете? А?

Берд хотел что-то возразить, но Тэд толкнул его.

— Ша, парень. Есть идея. Потом объясню.

После приема у посла, они вернулись на корабль.

— Ну и перестраховщик! — Возмутился Берд. — Из-за таких, как он, Земля действительно теряет свой авторитет. То один территориальный спор проиграем, то другой. Все боимся обидеть кого-нибудь, показаться агрессивными...

Тэд Грасс тихонько посмеивался. Однако запальчивость

его юного друга отчасти даже радовала. Как любой другой честный гражданин Федерации, Грасс искренне переживал все неурядицы и просчеты последних лет во внешней политике. Он тоже понимал, что не все ладится у федерального правительства. И образ мышления посла Багрова лишнее подтверждение того, что старая политика самобичевания и самоунижения перед лицом Галактического сообщества давно исчерпала себя. Неуверенность, отсутствие стратегических планов и замыслов, некомпетентность членов Совета Федерации, но и Галактического Союза в целом. Если в цепи дает слабину одно звено, то рвется вся цепь. Человечество, как и некоторые другие молодые расы, не настолько далеко ушло от своих предков — животных, чтобы напрочь забыть об инстинктах развития и самосохранения. Об этом не уставали напоминать правительству видные ученые, политики, но блок гуманистического развития все-таки одержал победу на выборах. Как ни странно. А в итоге — кризис.

Что касается чемпионата, то на самом деле, конечно, большой позор для землян заключался в неучастии в соревнованиях, чем в ожидаемом поражении спортсменов Федерации.

— Малыш, ты точно желаешь драться на чемпионате?

Берд перестал бегать по комнате.

— Конечно. А что?

— Ты будешь драться, — убежденно сказал Тэд.

— Но ведь посол сказал, что нельзя.

— А я говорю — можно.

— Правда?

— Кое-что надо обмозговать...

Гигантский спортивный комплекс, специально выстроенный к чемпионату, занимал площадь в несколько сотен гектаров. Два его этажа уходили под землю, еще четыре возвышались над ней. Каждый этаж был разбит на три части, по количеству подгрупп. На втором этаже размещались три основных ринга. Здесь будут проходить финальные поединки на звание чемпиона гэдо. По традиции здесь располагались и ложи для важных персон: послов, консулов, военных атташе, известнейших на всю Галактику деятелей искусств и, конечно, оставлены были места для победителей прошлых лет, прибывших на сегодняшний чемпионат.

Берд с Тэдом заняли места на первом подземном уровне еще с утра. Они осматривали великолепное убранство огромного помещения, восхищались хитроумными приспособлениями технического комплекса. Постепенно зал за-

полнялся зрителями.

Берд немного нервничал.

— Ты думаешь, он не связался с Тшой?

— Хм, не думаю. Ему и в голову, наверное, не придет.

— А тебе не влетит потом, Тэд? Не хотелось бы подводить тебя.

— За меня не беспокойся, парень. Ты настраивайся на предстоящий бой. Если ты и не попадешь в двадчатку лучших, но победишь хоть в нескольких поединках, мы утрем нос всем этим Багровым. А юридически все чисто, комар носа не подточит: как собственность планеты Тшой наш корабль обладает правом экстерриториальности, а мы соответственно — официально представляем эту планету.

— Но я ведь не с Тшой...

Грасс небрежно отмахнулся.

— Неважно. Я все выяснил. Главное — тебя выдвигает наш экипаж, этого достаточно для регистрации.

Пока они разговаривали, динамики что-то объявили сначала на кензи, потом на гелианском, дросском и наконец на эсперанто:

— Заканчивается регистрация участников чемпионата. Просьба ко всем спортсменам и представителям спортивных делегаций обратиться в жюри...

Диктор продолжал передавать объявление минимум еще на двух десятках языков.

— Ну, я пошел, — бросил Тэд и исчез в толпе.

Через полчаса он появился, радостно улыбаясь.

— Дело выгорело. Я свалился к ним, как снег на голову, в самый последний момент. Зе-мля-ни, — передразнил он удивленные возгласы членов жюри и регистрационной комиссии. — Земляни, земляни. — Он посмотрел на выданную карточку участника чемпионата. — Итак, Берд, тебе надо пройти в комнату 168. Действуй. Ах да, тебе нужен ассистент.

Грасс оглядел зал, где-то здесь расположились ребята с "Орла". Он увидел Яроша и закричал, замахал ему руками.

— Что такое, командир? — Спросил радист, когда с трудом пробился к ним через еще не успокоившуюся, не усевшуюся, не улгшуюся, назлектризованную толпу зрителей.

— Берд будет выступать, — весело заявил ему Тэд. — Не желаешь стать его ассистентом?

Ярош от неожиданности затих за свой знаменитый нос, была у него такая скверная привычка. Он яростно чесал его, пока не справился с волнением.

— Без шуток?
— Абсолютно.
— Согласен. А-а... А что мне делать то?
Тэд тоже почесал затылок.

— Я как-то об этом не подумал... Берд, ты не в курсе?
— Ну, разумеется, капитан. У меня был очень хороший учитель. Не волнуйся, все будет отлично. Пошли Иржи.

Грасс остался один. Впервые за много лет межзвездных скитаний он чувствовал себя на чужой планете, как дома. Может, это чувство возникло из внезапно вспыхнувшей гордости за свою расу, за то, что есть еще такие отчаянные ребята, как Берд, готовые сразиться хоть с чертом, хоть с дьяволом. Но тут поток радужного настроения прервал вызов браслета связи.

— Тэд Грасс, где вы?
— Слушаю.
— Это Ирвин Багров.
— Я так и понял.
— Тэд, какого черта!
— А что такое?

— Тэд, вы превышаете свои полномочия. — Посол сначала пытался вести разговор в сдержанной манере, но не выдержал и сорвался чуть ли не на крик. — Какое право вы имели выставлять на ринг землянина?

— Я тоже землянин, поэтому мне безразлично, что о нас думают на других мирах. Побольше путешествуйте, Ирвин, и вы почувствуете то же, что и я.

— Не занимайтесь, демагогией, Грасс, немедленно отзовите Сэптона.

— Ни-ког-да, -ухмыльнулся Тэд.

— Вы ответите за это, — прошипел посол, — вы ответите, вы...

Грасс тряхнул рукой и браслет отключился, тем самым он стряхнул разом и противный голос посла и не менее противную его физиономию. Сегодня Тэду не хотелось ни с кем спорить, перед кем-то оправдываться, он собирался делать только одно — болеть за Берда.

Динамики снова ожили.

— ... Открывается первый день Галактического чемпионата по гэдо.

Огромный головизор, подвешенный под потолком зала, показывал прямую трансляцию из центрального зала. Президент планеты Кен вышел на ринг и, поклонившись на четыре стороны, исполнил священный танец возрождения. После еще целого ряда церемоний Тэд услышал:

— ...Чемпионат открыт.

Головизор переключился теперь на тот ринг, над которым он находился и рядом с которым сидел Грасс.

— Ринг № 17. Вызывается спортсмен Пикьюили с планеты Авсил и спортсмен Йопи с планеты Сури.

Тэд посмотрел на номер ринга, возле которого сидел семнадцатый.

Двери раздевалки раздвинулись в стороны и в зале один за другим появились борцы. Авсилиеца казался слишком щуплым и легковесным, правда, общее впечатление несколько улучшалось благодаря двум парам рук и расширяющимся книзу, подобно конусу, ногам, судя по всему, довольно устойчивых. Суриец же, словно его специально подобрали в пару авсилийцу, а не сделал это компьютер по жребью, напоминая детский волчок, по ободку которого шевелились многочисленные щупальца с утолщениями на конце. Ног как таковых у сурийца не было вообще, но он весьма ловко передвигался, подпрыгивая и отталкиваясь нижней частью своего тела от пола.

Грасс, старый космический маугли, впервые оказался на чемпионате, и на все вокруг смотрел с почти детским удивлением. Но, однако, ни на минуту не забывал о Берде. Тот, наверное, тоже сейчас сидит с Ярошем в раздевалке и внимательно изучает спортсменов. Уж для Берда подобные зрелища и давно необычны, несмотря на всю его драчливость.

Авсилиеца, а за ним и суриец повторно прошли через контрольно-измерительный пункт спортивного компьютера. После секундной задержки компьютер вывел на экран головизора последние данные обоих спортсменов. Параметры, по мнению компьютера, почти у обоих спортсменов одинаковы, нет никакой надобности прибегать к утяжелителям. Судьи однако, посоветовавшись, сочли будущее судейство сложным и передали его полностью машине. Их смущало различие в способе передвижения. В таких случаях полагаться на человеческие органы зрения трудно.

Сработали звуковые и световые сигналы. Поединок начался.

Грасс посмотрел на краткий физиологический обзор организмов соперников, запрещающие удары, выданные на экран головизора. Он решил почему-то сразу, что сурийцу не светит в этой схватке. Но к его удивлению, суриец так, похоже, не считал, он повел себя на ринге довольно энергично и вопреки прогнозам Тэда, показывал себя с лучшей сто-

роны, демонстрируя разнообразнейшие трюки. То он в самом деле завертелся как юла и его обод с "бахромой" коротеньких ручек превратился в сплошное темное кольцо, которое несколько раз солидно припечатало сунувшегося было в атаку авсилийца. Но вот Пикьюили сменил тактику, делая подкаты, он сразу четырьмя кулаками наносил болезненные удары снизу вверх в несколько уязвимых мест сурийца одновременно. Йопи среагировал мгновенно: как выпохиший волчок он завалился на пол и перекатываясь таким образом по рингу сумел не только вновь перехватить инициативу, но и ухитрился нанести единственный, но решающий удар противнику тем местом своего тела, где по идее должны быть ноги. Авсилиеца на секунду остолебенел, и тут же подав световой и звуковой сигналы компьютер. Он объявил завершение поединка и засчитал Йопи с планеты Сури полную победу. Авсилиеца вдруг начал спорить, но его вежливо оттеснили от ринга и успокаивая, уговаривая, увели в раздевалку. Что поделается, кто-то выигрывает, кто-то проигрывает. Спорт есть спорт.

Следующих борцов, по земной терминологии, Грасс окрестил бы тяжеловесами. Это были огромные существа, опять же словно специально подобранные друг к другу. Они редко наносили удары, но коли последние достигали цели, раздавались глухие звуки, как после падения метеорита средней величины на голову торсианского зура.

Впрочем, дальше Грасс уже мало следил за ходом поединков. Он все спрашивал себя, когда же вызовут Берда — сегодня или завтра. После того, как он увидел многих борцов, Тэд понял, насколько безрассудным решением было выставить для участия в чемпионате землянина. Неужели Багров и впрямь — прав, и человеку не место на этом ринге?

Капитан все более и более нервничал. Он не представлял себе, как Берд сможет оказать достойное сопротивление всем этим страшным бойцам. Он хотел уже пойти в раздевалку и отговорить Берда от участия, но следующее объявление пригвоздило его к креслу.

— Ринг № 17. Вызываются спортсмен Крустус с планеты Видд Содружества зельжей и спортсмен Берд Сэптон с планеты Тшош Федерации Земли.

Внешний вид Берда несколько успокоил Грасса. Тот неплохо смотрелся в эластичном спортивном комбинезоне. Под упругой тканью специального костюма рельефно выпирали мускулы, а голубой цвет ткани подчеркивал вызывающую безмятежность лица юнги.

Спортсмены прошли через компьютер, поднялись на ринг.

Только тут Тэд обратил внимание на соперника Берда как и он, гуманоид, по данным компьютера имеет почти столько же уязвимых мест, как и человек. Правда, мысль о схожести двух рас казалась крамольной при взгляде на зельжа. Если у Берда по земным понятиям была мускулатура сверхразвитого человека, то у зельжа она не вписывалась ни в какие понятия: горы мускулов как будто грозили сползти с груди, а мощные руки под весом мышц в спокойном состоянии были прижаты к туловищу, как у солдата на плачу.

Компьютер заверил судей в равных шансах обоих спортсменов, но Тэду показалась эта оценка несправедливой, по его мнению, на руки и ноги зельжа необходимо было навесить утяжелители, и как можно побольше. Если, конечно, говорить о честном поединке. А когда схватка началась, Грасс понял для чего служила гора мускулов у зельжа помимо чисто боевых наступательных задач — они также выполняли и роль брони, амортизатора ударов, которыми Берд щедро осыпал противника.

Грасс вспомнил старинную земную басню про моську и слона, так вот, Берд походил на первую, а зельж на последнего. Спортсмены делали круги по рингу, обманные движения, подкаты, внезапные броски, двойные, тройные удары, но ни Берд ни Крустус не показывали явного превосходства. В таком вялом противостоянии прошел первый раунд.

В минутном перерыве Берд глазами отыскал в зале Грасса и подмигнул ему. Тэд возрадовался, мальчишка держится. Может, проиграет с не очень большим счетом?

Прозвучали сигналы: второй раунд.

Спортсмены поклонились судьям и друг другу, поединок начался.

На сорок шестой секунде, когда Берд нанес очередной удар ногой по корпусу зельжа и, убрав ногу, на мгновение открылся, тот сумел использовать момент: огромный кулак вынырнул снизу и вонзился Берду точно в грудь. Он успел лишь выдохнуть и дико крикнуть: —О-о-о!

Некоторые из зрителей в предвкушении финального удара привскочили, привстали, подпрыгнули с мест. Но Берд устоял, дыхание сбилось, в глазах зарыбило, но он устоял. Он быстро передвинулся подальше от страшных кулаков зельжа и спустя несколько секунд, постоянно маневрируя, полностью пришел в себя.

Грасс обратил внимание, что панель спортивного компь-

ютера замигала в сомнении, и испугался, что Берда могут снять с соревнований. Но судьи, рассмотрев выданные им результаты, посоветовались и ничего не предприняли.

На второй минуте Сэптон продемонстрировал несколько изумительных финтов, словно оправдываясь перед зрителями и своими товарищами за предыдущие мгновения слабости. Зал одобрительно загалдел, закаркал, засвистел, зацелкал. И после этой серии, запутав зельжа лавиной подсечек, поворотов и ударов, Берд занял свою коронную позицию нападения и в два шага набрав скорость нанес ответный удар йоко-геря в грудь противника. А дальше все происходило, словно в замедленном кино: Тэд виден, как дрогнула и заколыхалась массивная грудь зельжа, готовая выпрыгнуть из комбинезона, затем он согнулся пополам, ноги его подкосились, и он рухнул на ринг.

Компьютер опять замигал и на экране галавизора обозначилось абсолютная победа Берда Сэптона, Федерация Земли. Поколебавшись, если подобное определение временно к компьютеру, он выдал еще одну информацию землянин, в случае будущих поединков с зельжами, обязан одевать утяжелители, равные массе в 1 килограмм 35 грамм для каждой ноги. О руках машина ничего не упомянула. И Тэд Грасс понял причину, по которой компьютер испытывал нерешительность в первый раз: видимо, Берд превысил возможности среднестатистического землянина, выдержав прямой удар рукой зельжа. А теперь Берд и сам полностью смешал все карты — пробил защиту, рассчитанную, похоже, кое на кого покрупнее человека.

Вечером того же дня весь экипаж "Орла" собрался в ресторане шикарной гостиницы "Мета", дабы отпраздновать победу Берда Сэптона.

Именинник скромно сидел в углу острываного стола и, чуть ли не стесняясь, принимал поздравления.

— Ребята, ура Берду! Качать его!

При этой операции победитель едва не слыл кюстру из топазина, не по своей вине, правда, таково было усердие звездолетчиков.

На столе перед Бердом было хоть шаром покати, стояли только банки с мясными консервами, ребята внимательно следили за тем, что он пил, и что он ел, никто не хотел загубить талант на корню. А выпившие осли, при обращении к Берду старались дышать в сторону, таково было уважение экипажа "Орла" к своему юнгу.

— И все-таки это несправедливо, — огорченно сказал

Грасс после очередной опрокинутой рюмки экзотического напитка. — Это чертовски несправедливо.

— Что ты имеешь в виду, Тэд? — Спросил его Берд.

— Да то, малыш, что этот растреклятый компьютер присудил тебе носить кандалы.

Берд усмехнулся.

— В этом нет ничего странного, командир. Ярош тебе может все объяснить, он уже успел освоиться со своими обязанностями.

Радист, услышав свое имя, оторвался от тарелки с фирменным блюдом "Меты" — "волновик под паром и соусом жизни", посмотрел в их сторону. И расплылся в улыбке.

— Точно, шеф. Все в порядке. У них такие правила на чемпионате. Принцип аукциона. Чем больше прыти показывает претендент, тем точнее эту прыть взвешивают, оприходывают и сводят на нет. Соперники должны быть равны.

— Все равно не пойму, — возразил Грасс, — почему сильнейший боец обязан быть уравнен со слабым. Несправедливо... — Он уже успел забыть, как несколько часов назад сомневался в победе Берда.

— Зато у них нет весовых категорий, мне кажется, это лучше: выявляется один, подлинный чемпион. Вне зависимости от веса, роста, возраста. Важнее здесь — стремление к победе, интеллектуальная и психологическая гибкость, умение правильно и быстро реагировать на любую новую ситуацию, — объяснял Ярош. — Во всяком случае, так мне говорил консультант чемпионата... Не так ли, господин посол? — Вдруг сказал Ярош.

Разговоры за столом стихли. Все знали историю с запрещением, теперь ждали ее продолжения.

Багров был один, он за руку поздоровался сначала с Бердом, затем с Грассом; благосклонно кивнул остальным.

— Отдыхаете? — Он старался говорить непринужденно. — А я вот тоже с коллегами из берийского представительства решил проветриться. Поздравляю, вас, молодой человек, с выдающимся достижением. Я ознакомился с последним рейтингом сильнейших рас Галактики, так вот, земляне с 96 передвинулись на 53 место. Это благодаря вам... э-э...

— Берд, — довольно сухо подсказал Грасс.

— Да, господин... э-э...

— Сэнтон, — не менее сухо подсказал Берд.

— Да, господин Сэнтон, это было удивительно. Впервые в истории чемпионата гэдо гражданин нашей Федерации сумел одержать победу в спортивном поединке. Вы ведь, на-

верное, знаете, — доверительно наклонился к Берду Багров, — мы принимали участие в чемпионате гэдо дважды — в первом и втором. И в обоих случаях кроме разочарования наши спортсмены ничего не привезли с них.

— А вы и испугались, — презрительно бросил Грасс.

— Ну что вы, — примирительно воскликнул Багров, — в большой политике неведомо понятие страха, мы, — он очень значительно произнес это слово — мы, — мы оперируем более глобальными понятиями. Впрочем, все это для вас, должно быть, скучные материи. — Он состроил лукавую физиономию. — Насколько я осведомлен, господин Сэнтон мечтал поступить в Институт космонавтики. Если он не передумал, то завтра отправляется пассажирский звездолет на Землю, и я мог бы отправить вас, Берд. Кроме того, с этим звездолетом я отправлю и мое подробнейшее донесение правительству Федерации с описанием ваших заслуг. С тем направлением, которое я вам дам, поступление в Институт для вас гарантировано. Итак, господин Сэнтон, рад вам помочь. Что скажете?

Берд сразу и не нашелся что сказать.

— Но ведь впереди еще шесть дней соревнований. Чемпионат идет семь дней...

— О, можете не беспокоиться, вы свою миссию выполнили. Теперь спокойно учитесь, готовьтесь к проявлениям ваших талантов на другом поприще. Не все же кулаками махать. Кстати, Институт космонавтики Земли самый лучший в Федерации. Многие, очень многие молодые люди стремятся туда попасть, но увы, удается лишь редким счастливым.

Грасс нахмурился.

— Но я не могу не участвовать в чемпионате, я должен продолжить поединки, — сказал Берд.

— Уверю вас, что это не так, — заверял Багров. — Вы свой долг выполнили перед человечеством. Ну да ладно, я не тороплю вас, звездолет отправляется в одиннадцать часов по местному времени, так что в запасе у вас времени много. Буду ждать ответа до десяти утра. Иначе, — посол развел руками, — не успею оформить все документы. До свидания, господа. — Он раскланялся.

Когда Багров отошел, Грасс бросил ему вслед: — Пройдох. Неспроста он прибыл сюда со своими "коллегами".

— Его понять можно, — задумчиво заметил Берд. — На нем лежит большая ответственность перед всеми планетами Федерации. А во время чемпионата гэдо особенно.

Тэд подозрительно покосился на Берда.

— С чего это ты вдруг начал ему сочувствовать? Лично я не считаю нужным прислушиваться к его паршивым советам. Впрочем, на твоём месте я бы, может быть, все-таки это сделал. — Грасс избегая смотреть на Берда. — В одном поспорю, редкому счастливицу удастся попасть в Институт Земли.

— Оставим это, Тэд, — устало сказала Берд, — я буду драться завтра, послезавтра, до тех пор, пока не проиграю.

Лицо Грасса прояснилось.

— Честно говоря, я подумал, что ты применишь его предложение, согласись, оно чертовски привлекательно.

— Предложение неплохое, — вздохнул Берд, — только я не уверен, что оно мне подходит.

— Ну, коли так, то выйдем. Кроме тебя, конечно, Берд.

На второй день чемпионата Берд участвовал в трех схватках и во всех из них ему удалось победить. На третий день количество участников снизилось до тридцати, obviously до того уровня, где подпольные игроки начинают делать ставки, а искушенные зрители присматриваться более внимательно к каждому претенденту. Следующие два дня было уже по одному поединку. К шестому дню соревнований осталось восемь бойцов. И среди этих восьми лучших спортсменов оказался Берд. Его стремительное восхождение к вершине таблицы стало одной из многочисленных сенсаций чемпионата, во всяком случае аккредитованные на Олимпийские земные журналисты раструбили об этом на всю Федерацию.

Столь высокие достижения Сэйтона расстроили посла Багрова, в глубине души он переживая случившееся, да и как не переживать, когда с минуты на минуту могли выплыть неприятные воспоминания о его деятельности до начала соревнований, его собственная инициатива с Институтом космонавтики. Карьера висела на волоске. Но посол делал хорошую мину при плохой игре и вместе со своими соотечественниками весь расцветал улыбками при упоминании о Сэйтоне и разражался длительными комплиментами по его адресу. Тэд Грасс от души потешаясь над этим психологическим спектаклем.

В один из дней Берду пришлось сразиться с... младшим дросом. Ему снова показалось, что это галлюцинация. Но нет, знакомый "бочонок" и впрямь стоял перед ним на ринге. Судя по объявлению, этот боец прибыл из дросианской метрополии и, следовательно, сталкиваться с Бердом раньше ему не приходилось, и напрасно. В первой же минуте по-

единка Берд набрал максимальное количество очков и заработал заслуженную победу. Они поклонились друг другу и дрос едва прошептал: — Поздравляю. — Традиционное поздравление победившего соперника. Берд усмехнулся и тоже прошептал на дросианском: — Спасибо, приятель.

Надо было видеть изумленные покачивания "бочонка".

В полуфинале Берд выиграл поединки по очкам. Все-таки судейство в гэдэ и в самом деле отработано до совершенства, учитываются малейшие нюансы, особенности физиологического строения того или иного спортсмена. В этот раз даже Грасс признал наконец справедливость установленных правил.

Берду попался удивительный тип: гладкий, скользкий, весь какой-то эластичный. И с планеты-то он прибыл мало кому известной, на чемпионате больше слышали о землянах, нежели об этих оных; однако, на тебе, получи, едва не укатай торнианскую сивку. От его скользких ударов-пощечин у Берда потом все щеки болели, больно они у этого парня здорово получались — плюх, и ваших вегу. Все удары, старательно проводимые Бердом, приходились словно в жидкость, нога и рука выскакивала из тела оня, а тот как ни в чем не бывало переходил в контратаку. Гутаперчивый да и только.

Грасс и Берд потом на досуге обсуждали этот бой и от всей души веселились, настолько им понравился этот онь.

Этот поединок Берд все же выиграл и вышел в финал. Об этом не уставали напоминать зрителям информационные табло. Наряду с его именем звучало еще одно: Бер Сикс, цивилизация Зеленых Полей.

— Ты когда-нибудь слышал о такой? — Озадаченно спросил Берд капитана "Орла".

— Не-а, — озадаченно же ответил Грасс. — А этого Бера я даже и не видел на соревнованиях, он, наверно, выступал на других уровнях.

— И я не видел, — вздохнул Берд. — Интересно, что хоть он собой представляет. Когда знаешь противника, как-то и драться веселее, — заметил он, словно в оправдание.

— Айн момент, — сказала Тэд и выбежал из номера гостиницы, который занимал Берд.

Он вернулся через два часа. Грасс находился в том состоянии, которое нередко обозначается словом — невеселе, но веселым назвать его было трудно.

— Я все узнал, Берд, — Тэд в ботинках завалился на кровать и понарял в кармане своего фирменного костюма. —

Куда она проклятухая запропастилась? А, вот... — Он приложился к бутылке.

— Не хочу тебя пугать, малыш, но судя по сплетням телепатов, эта какая-то помесь волновика, или дьявола, не знаю как точнее, в общем, нематериальной материи с материей самой обыкновенной, ощущаемой и чувствуемой...

— Эх, Тэд. Тебе уже пора спать, — покачал головой Берд.

— Нет, Берд... правда, Берд... — Пробормотал Грасс и погружился в сон.

Берд уложил старшего товарища в постельку, а сам вышел в соседнюю комнату, приспособленную им для тренировок. Завтра ему предстоял сложный и, пожалуй, самый ответственный день в его жизни.

— На помост вызываются...

— Ну, успеха тебе, — шепнул Грасс.

— К черту. — Берд осмотрел свой комбинезон и собрался уже выйти на ринг, но тут кто-то схватил его за локоть. Он обернулся.

Рядом с ним стоял посол Багров, внешний вид этого блестящего дипломата вызывал чувство сочувствия к одежде по поводу преждевременного оставления его магазинного манекена. Багров явно был не в духе. Да и лицо у него странно пошло, уж не бежал ли он? И хотя Берд уже настроился на поединок, при виде посла не мог сдержать улыбку.

— Одну минутку, господин Сэптон, одну секунду, — забормотал посол. — Я только хотел... предупредить я хотел. Десять минут назад я получил данные разведки Федерации. Вы должны знать Берд, что цивилизация Зеленых Полей — это, собственно, не цивилизация Зеленых Полей, а совсем другая цивилизация... То есть я хотел сказать, что это не представитель этой цивилизации, а совсем другой... Уф...

Багров очень волновался. И на этот раз был очень серьезен. Тэду Грассу, который с Ярошем не отходил от Берда, было отчасти и скучно с ним сейчас. Но все трое постарались прислушаться к словам посла, хотя Берд и не переставал поглядывать на экран головизора.

— Физиологические особенности настоящего "зеленого" аборигена сильно отличаются от того, кто сейчас будет драться с тобой. Они ввели в заблуждение и компьютер и судейское жюри, это квазибиоволновой андроид, последнее достижение науки этой загадочной цивилизации. Возможности его пока еще до конца не известны, канал прямой связи сейчас задействован постоянно, с минуты на минуту жду новых данных. Голубчик, — взмолился Багров, — вы долж-

ны его победить, не знаю как, но должны. Вы не представляете, что может случиться, если чемпионом гэдэ станет этот представитель Зеленых Полей. В Галактике произойдет немало бед, поверьте. Разведка Федерации никогда не ошибается. Престиж чемпионата настолько высок, что его без труда можно будет использовать не только для укрепления мира, но и для психологической войны, политики устрашения слаборазвитых цивилизаций. — Казалось, Багров заплачет. — Забудем старые обиды, голубчик, вы будете сражаться за Землю, за человечество, за Галактический Союз... Не подведите...

— Обратитесь в жюри...

— Они мне не верят, не верят...

Берд пожал плечами и пошел на ринг.

Абориген Зеленых Полей уже находился там. Берд сначала подумал, что у него зарибило в глазах, но нет — десять (или больше?) конечностей противника опоясывали шар тела, шевелились в предкутисах воссидинка, источали энергию силы и едва уловимого недобржелательства. Неволеный холодок пробежал по спине. Треугольные глаза противника, нет — врага, излучали что-то нечеловеческое, нечто всепроникающе злое. Берд сразу почувствовал неприязнь к этому существу. Не ту неприязнь, что испытывал к дросам или другим аборигенам Торно, предыдущим партнерам по детским играм и спортивным схваткам, нет, это была внезапно возникающая, стойкая, настоящая неприязнь, если... Если даже не испависть.

Компьютер дал сигналы, противники осторожно приближались.

После первых обрушившихся на него ударов, Берд понял, что таких существ не бывает в реальной жизни, как опытный боец, он чувствовал необычность поведения "паучка". Движения того были едва ли не идеальны, удары точны и результативны. Никогда еще за все дни чемпионата Берду не приходилось стоять столько блоков, напрягать столько мышц, смягчать удары, и буквально убегать по рингу от лавины мелькающих кулаков. Перейдя в глухую защиту, Берд сразу вспомнил все слова Багрова. Но как остановить эту ужасную боевую машину, где ключик к ней, если в основе ее структуры лежит теория силовых полей и современные бионкуственные материалы?

Но нет, должен быть хоть один уязвимый участок тела и у нее. Должен быть...

Берд внезапно перешел в контратаку, вызвав взрыв вос-

торга у зрителей. Странно, но почему-то большинство из них явно болело за землянина. Неужели о чем-то догадываются? Вполне возможно. В зале присутствовало немало представителей рас тепепатов, они могли слышать и мысли Багрова, и мысли Берда, и, возможно, мысли этого много-рукого и многоногого дьявола.

Несколько раз Берду казалось, что ему удалось провести удары по болеевым точкам "паучка", однако, эффекта это не дало. Видимо, и в самом деле спортивный компьютер был жестоко обманут, а с ним заодно Берд, жюри, зрители.

Складывалось впечатление, что время остановилось, отрезки безвременья странным образом делились на раунды и перерывы между ними, но время-то, время не двигалось. Иначе чем объяснить, что в течении уже длительного времени спортивный компьютер все никак не мог определить — кто же обладает явным преимуществом, а может, согласно заложенной в него программе, ожидал чьей-либо полной победы? Учитывая, что поединок финальный. С него все ставится. Однако поединок шел уже долго. Достаточно долго, чтобы Берд, неутомимый, стальной Берд, начал ощущать признаки усталости. И несмотря на все усилия, несмотря на его нечеловеческие усилия, он никак не мог нащупать у противника слабинку. Эх, коли бы появился какой-нибудь Торли и шепнул на ушко, что блок спокойствия этого робота находится там-то и там-то... Но никто на помощь не шел. Надейся на себя, это лучше всего.

Удар — отбит, удар — отбит... Пот застилал глаза, саднили разбитые бровь и губа. Чем сильнее Берд раздражался, злился на себя, тем, казалось, сильнее становились удары противника, тем активнее шел он в наступление и наседал, наседал...

Закончен очередной раунд. Какой по счету? Пятидесятый, шестидесятый? Всего лишь одиннадцатый. Фантастика... Берд невольно улыбается. Что-то совсем он сдал. Расклевлся. Улыбка не сходит с его лица. Рядом суется Тэд, Ярош. Держись, малыш, держись, герой. Берд опять улыбается. На его лице улыбка застывает, словно он забыл ее стереть. Но нет, не забыл. С этой блуждающей улыбкой он и выходит на ринг. Теперь он знает, что победит, он уверен в этом.

Раунд. Берд принял свою любимую защитную стойку — гэдэ довин, и, делая вид, что готов отразить любую атаку, попробовал сконцентрировать внимание на своем лице. Вдох через нос, выдох через рот, задержка дыхания при выдохе на

восемь секунд — все, как учил Лишнь Шэ. Впервые он решил на практике применить свои парапсихологические задатки, до этого случая он как-то не испытывал в этом особой нужды. Берд Сикс действовал вяло, словно опасаясь какого-то подвоха, Берд как бы нехотя отбивал его удары, и спустя минуту смог полностью сосредоточиться. Он посмотрел на противника: Берд Сикс как зачарованный замедлил движения, пару раз даже споткнулся, если он вообще способен на это при его многоножии.

Противники остановились и со стороны могло показаться, что они внимательно присматриваются друг к другу. "Ты, бездушная кукла, — мысленно убеждал робота Берд, — ты, раб, ты не можешь противостоять Человеку. Ты слабее меня, ты проиграешь, ты уже проиграл."

Берд ощутил, как едва уловимая дрожь пробежала по телу робота. Берд Сикс сделал движение вперед, сделал последнюю попытку противостоять непонятной силе, но вдруг неожиданно воля его, воля искусственного существа сломилась, и он покачнулся. Берд плавно подошел к нему и мгновенно перебросив часть энергии в правую руку, несильно ударил "лаучка" между безвольно обвисших рук. Это удар, пожалуй, носил более символический характер, нежели практический. Представитель Зеленых Полей, как проколотый воздушный шарик, истек на пол.

Еще секунду Берд постоял над поверженным врагом не в силах поверить в победу. Потом обернулся к друзьям и улыбнулся. Грасс, Ярош и даже Багров, от переживаний вспотевший и совсем не вельможный, от радости прыгали рядом с помостом. Павильон огласился приветственными криками, свистом, воплями, вибрациями в ультразвуковом и прочих диапазонах. Зрители отдавали должное новому чемпиону гэдэ.

Багров, в очередной раз отерев платочком счастливо взмокнувшую лысину, поспешил к столику жюри — заявить протест в связи с участием в соревнованиях искусственного существа. А рефери уже признал победу Берда и заставил его пройти круг почета по рингу.

До апартаментов гостиницы "Годс", где жили спортсмены, команда "Орла" несла Берда на руках. Шумной кампанией они ввалились в вестибюль гостиницы, служащие вместо замечаний присоединились к растущей толпе поклонников. На седьмой этаж чемпиона затащили уже в полупридушенном состоянии, дверь закрылась за победителем, а за ней остался бурлящий забитый представителями всевозможных галактических рас, коридор.

Утром следующего дня через заслон добровольных хранителей покоя чемпиона пробился-таки посол Багров. От него исходил крепкий аромат дорогого одеколона "Кирна", а на лицо была надета маска официальной любезности.

— Дорогой мистер Сэптон, — сказал посол. — Федерация Земли в лице ее правительства и лично меня, как полномочного представителя на этой планете, выражает вам свои поздравления и признательность за укрепление дружбы и мира между галактическими расами, а также высокий патриотизм и силу духа, проявленные вами в спортивной борьбе. — Багров откашлялся. — Хочу также уведомить вас, что правительство Федерации уполномочило меня заявить, что любое ваше пожелание будет удовлетворено. Воспринимайте это, как награду за поднятие авторитета человечества. Для вас открыты все институты Федерации, все правительственные и общественные организации. Вы теперь, дорогой господин Сэптон, звезда первой величины. Ах, да... Оргкомитет чемпионата попросил меня напомнить вам, что сегодня в 15.00 по местному времени состоится торжественное вручение вам силидоновой медали и почетной грамоты, а также денежной премии в размере... э-э... 50 миллиардов денежных единиц.

Берд поблагодарил посла и обернулся к Грассу. — Ну, что капитан, ты не передумал?

— Тэд затряс головой.

— Тут и думать нечего. Надоели мне эти грузовые рейсы хуже горькой редьки. А вам, ребята?

Большинство звездолетчиков из экипажа "Орла" выразилось аналогично или чуть покруче.

— Значит, вы согласны отправиться в сектор ЕД-361?

Грасс важно кивнул.

— Итак, господин посол, — обратился к Багрову Берд, — я передумал поступать в Институт космонавтики. Мы неоднократно мечтали с капитаном Грассом об исследовании одного из немногочисленных уголков Галактики, находящихся на границах земного сектора влияния, который еще не изучен досконально. И поскольку нашим мечтам, похоже, суждено сбыться, я прошу правительство Федерации купить у компании "Галактика" грузовой звездолет "Орел" и передать его в мое распоряжение, оставив на нем имеющуюся команду, если она, конечно, согласится.

— Да, но ведь это именно грузовой корабль... — В растерянности сказал Багров.

— Поэтому, уважаемый господин посол, я прошу вас

взять на себя труд израсходовать из моей премии 25 миллиардов на реконструкцию корабля, закупки всего необходимого, то есть: современного астронавигационного оборудования, оружия, систем жизнеобеспечения... Впрочем, капитан Грасс потом вам продиктует весь список. Остальные же деньги я просил бы вас перевести на счет земной колонии на моей родной планете Торно. И еще, господин Багров...

— Да.

— Не могли бы вы достать еще один пузырек того великолепного одеколона, которым подъезжаете сами? Дело в том, что одному моему хорошему знакомому весьма не помешало бы приобрести столь благопристойный аромат...

Капитан Грасс закашлялся, отставил рюмку с оливи и укоризненно посмотрел на Берда.

Из восемнадцати человек экипажа оставить корабль надумали только трое. После совещания звездолетчики решили, что добирать команду нет необходимости. Переоборудованный "Орел" управлялся теперь почти автоматически, существенные переделки помогли облегчить обязанности остальных членов экипажа. Более того, модернизированный "Орел" позволил освободить еще несколько человек для формирования десантно-исследовательского отряда, планируемого для действий на вновь открываемых мирах.

— Ну что, мой мальчик, теперь ты будешь капитаном, передаю бразды правления в твои руки, — хлопнув Берда по плечу, заявил Грасс.

— Ничуть не бывало, — возразил тот. — Командуешь кораблем по-прежнему ты.

— Э-э, так дело не пойдет. Я, понимаешь ли, один из сотен тысяч капитанов, бороздящих черную прорву Галактики, и вдруг под моим началом чемпион гэдо, к тому же собственник корабля... Ненормально как-то.

Берд рассмеялся.

— Тэд, отвыкай от традиций своей бывшей компании "Галактика". Мы — совершенно другая компания, некоммерческая. Ну, ладно, — сказал Берд, оценив упрямую складку на лбу Грасса.

— Тогда ты будешь командовать в открытом пространстве, я — на неизученных мирах. Идет?

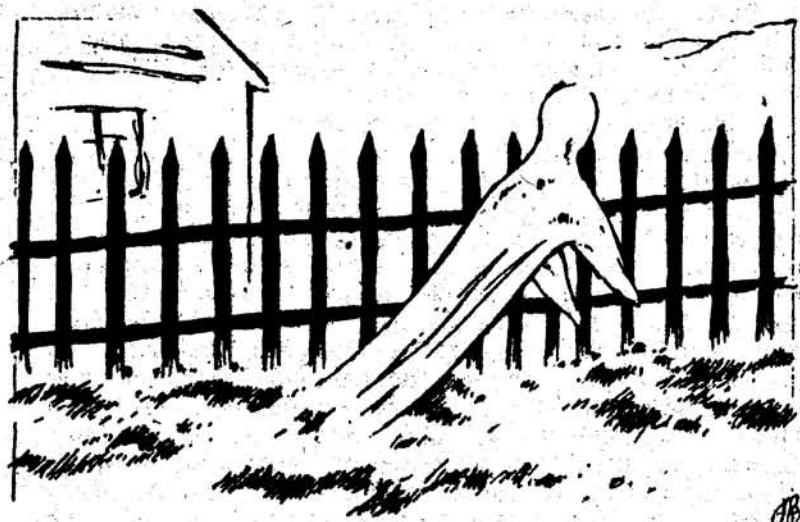
Грасс подумал.

— Идет.

— Тогда командуй.

Берд удобно устроился в противоперегрузочном кресле

и, слушая четкие команды Тэда, подумал, что, вероятно, он наконец-то нашел свое место в этом чересчур дипломатичном, на редкость скучно устроенном мире.

Ярослав Старов

МСТИТЕЛЬНИЦА

Обыденный кошмар

С самого начала предложение показалось мне подозрительно хорошим. Не зря же при трудоустройстве станут предлагать сразу и дом, и подъемных пять тысяч. Да и специалисты этому колхозу нужны были самые разные — от животноводов до продавцов. И это при том, что до Ореховки — так назывался ПГТ, в который заманивали этими шикарными обещаниями — от города минут сорок езды электричкой. Волей-неволей подумаешь, что происходит там что-то не то.

Но мне выбирать не приходилось: уже третий месяц я жил "на содержании" у собственной жены — на ее крошечную учительскую зарплату, и совесть меня проела, как серная кислота. К тому же и Алене из-за легких врачи советовали пожить в сельской местности, и я был бы полным идиотом, если бы отказался от такого заманчивого предложения только из-за смутного предчувствия.

Услышав про Ореховку, Алена загорелась и вскоре мы собрали чемоданы.

Тогда же появились и первые настораживающие известия. За несколько дней до отъезда я переговорил с одним своим старым знакомым из управления РАПО.

— Ореховка? — нахмурился он.

— Именно. — подтвердил я. — А что?

— Да ничего... Не нравится мне что-то эта Ореховка — пожал плечами он и поведал странную историю о том, что был там некогда колхоз-миллионер, безо всяких приписок и надувательств процветающее хозяйство, но вдруг четыре года назад начался из него массовый исход, о причинах которого добиться сведений оказалось невозможным. С другой стороны, статистика выдала и совсем уже странные вещи, которые бегство людей из Ореховки объясняли, но задавали новую загадку: неслыханно возросло там количество несчастных случаев со смертельным исходом, а число самоубийств в один месяц и вовсе было фантастическим — около тридцати процентов всех по области. А область наша по территории почти равна Швейцарии... Потом этот показатель спал, хотя и не до ноля, но объяснялось это резким сокращением количества самих жителей. Было следствие — но впустую — и несчастные случаи сомнений не вызывали, и самоубийства никто не инсценировал: почти всегда это подтверждали незаинтересованные свидетели. Так что можете представить мое состояние, когда я все это узнал.

Но даже безо всяких слухов Ореховка не понравилась мне с первого взгляда. Что-то удручающее, неестественное крылось в виденной нами картине: Буйно цвели цветы в палисадниках, ломились от спелых яблок и груш ветки, но все равно всюду чувствовалась запущенность, впрочем, недавняя. Неприятно было видеть среди августовского великолепия заколоченные бельма окон. "Как в зоне радиоактивного заражения" — шепнула мне Алена и я подумал, что зря мы не взяли напрокат дозиметр. Правда у меня все это ассоциировалось скорей с декорациями для фильма ужасов. Когда в таком безлюдьи оказывается старая деревня, это печально, но естественно. Здесь же мы видели современный ПГТ, жизнь в котором теплилась, казалось, только возле правления колхоза и почты.

Петр Семенович — председатель — принял нас вежливо. Вначале среди его не по возрасту многочисленных морщин промелькнула даже радость, но ее быстро убрало какое-то скрытое ощущение неловкости, о причине которой я сразу догадался. Что уж тут скрывать — слишком явно видно, что

происходит в его "владениях" что-то нехорошее. И тем не менее...

Тем не менее скоро мы шли по пустым улицам в поисках жилья — Петр Семенович посоветовал нам выбирать самим. Пустующие здесь дома действительно почти все никому не принадлежали. При более внимательном рассмотрении мы обнаружили, что не так здесь и пустынно, как кажется с первого взгляда. Мы с Аленой набрели на несколько заселенных целиком кварталов, где помимо всего было и два магазина. Разумнее было бы подселиться к ним, но любопытство остановиться не позволило, и мы поставили себе задачу осмотреть здесь все целиком...

Наиболее безлюдной оказалась северная часть поселка. Если с южного края на каждой улице жило хотя бы по одному человеку, то здесь дома пустовали все, и кое-где явно давно: дворы покрывал мощный бурьян, напрочь заглушивший культурную растительность. На одной из улиц сорняки "проели" даже асфальт. Улица эта называлась Вишневой и дома здесь были на редкость добротные. Скорей всего Вишнева опустела одна из первых, хотя...

Именно на этой улице окликнул нас тоненький голосок. Он шел из-за зеленого забора, относительно нового на вид, и скрывавшего почти полностью передние окна дома. Присмотревшись, я убедился, что окна эти не были заколочены. За забором я заметил кое-какое движение, что-то поднялось над его верхним краем и мы увидели говорившего, точнее — говорившую.

Это была самая обыкновенная девчонка, худая, немного нескладная и угловатая: на вид ей было не больше пятнадцати, а покрашена она была, как индеец на тропе войны. Исходя из моего опыта, я сказал бы, что она мало похожа на деревенских девушек, которые обычно днем (тем более в будни) такую "боевую раскраску" не употребляют. Но уверенность в этом заключении у меня отпала, как только она перекинула через забор ногу в старой изношенной кроссовке. Да и одетый на ней полосатый свитерок лет пять как вышел из моды. — Ну что смотрите? — подмигнула она. — Если хотите, будем соседями. Меня зовут Наталья. Наташка.

Наташка улыбнулась задорно и приветливо. Ей шло это имя и именно в такой форме: На-таш-ка. "Сестренка Наташка теперь первоклашка" — вспомнил я почему-то, хотя от первоклашки у нее ничего не было, кроме разве что

редкой искренности во взгляде серых, почти круглых глаз. Была она не то, что некрасивой — почти страшенькой: волосы соломой, рот до ушей, но внутреннему обаянию это не мешало.

— Ну что ж, будем знакомы, Алена! — протянула руку жена. Представился и я.

— Здесь на нашей улице почти все дома пустые, — сообщила Наташка давно нам известное. — Вон этот, Лопухинский, самый лучший. Не пожалейте И мне веселей будет — а то даже поговорить не с кем.

— Так ты одна живешь? — поинтересовалась Алена.

— Ага. Папа с мамой уехали. Я их понимаю — им здесь грустно было...

— А ты что же? — я не скрыл улыбки. Наташка с каждой минутой нравилась мне все больше. Чем — я даже не объясню. Чистотой, что ли?

— Да так... Куда я денусь! — дернула Наташка худеньким плечиком.

Дом нам действительно понравился, но Петр Семенович нашим выбором, похоже, был удивлен, хотя опять-таки удивление свое скрывал, как мог. Так что ушел я от него с полным убеждением, что если в Ореховке происходит нечто сверхъестественное, мы заехали в самый эпицентр.

Останавливаться на подробностях нашего вселения не буду: ничего интересного в них нет. Загрузили вещи — кровать, столы, шкаф и стулья там остались от старых хозяев, не Бог весть какие, но пользоваться можно. Пока я осваивался на рабочем месте, Алена все прибирала, мыла и чистила, так что пришел я в дом на вид совершенно обжитой. Наша общительная соседка ей помогала и только обедать убежала к себе домой, сколько мы ее не упрашивали остаться. В ее отсутствие мы принялись делиться впечатлениями; рассказывал в основном я, но все пустяки. Об Ореховской тайне я ничего не узнал. Все словно сговорились пожимать плечами и разводять руками: "не знаем — не ведаем". А вот сам я стал свидетелем эпизода опять-таки почти из фильма ужасов. Во многих таких фильмах есть штамп с кошкой, нинящей перед дверью комкаты, в которой затаился монстр. Вот и я видел нечто подобное — за мной увязалась дворняжка и прорвала почти половину поселка. Но стоило мне ступить на Вишневу, она заскулила, поджала хвост и бросилась от меня (или от этого места?) подальше.

Вечером мы вновь продолжили "рекогносцировку"

местности. Наташка охотно приняла на себя роль гида. Вскоре мы знали об Ореховке почти все, за исключением главного — в этом пункте и Наташка присоединилась к общему заговору молчания, ясно показывая нам при этом, что разговоры на эту тему ей неприятны.

Так мы дожили до первой ночовки. На новом месте я обычно сплю крепко, без фокусов, но тут бессонница посетила и меня; скорей всего от неприятных впечатлений. Я безуспешно старался уснуть, считал слонов, но все зря. Я очень хорошо понимал в этот момент Наташку, почему она так старалась зазвать нас в соседи. Уж если даже я чувствовал себя неуютно, то каково было ей? Как вообще родители решились оставить ее здесь одну? Найти бы их и потолковать как следует...

— Юрик, — услышал я вдруг испуганный голос Алены. (я и не знал, что она тоже не спала).

— Что случилось?

— Мне кажется... Кажется кто-то перелез через забор к нам во двор.

Я глянул в окно. Там ничего не было видно, кроме странно пляшущих по стеклу теней и одинокого фонаря. Потом посмотрел на Алену. Ее лицо было напряжено, губы беззвучно шевелились. В широко раскрытых глазах застыл страх.

— Успокойся... Тебе дать валерианки? — нарочно громко произнес я. Громкий голос обычно помогает рассеивать ночные страхи, но тут вышел сбой — громкость моя оказалась испуганной, как и Аленин шепот.

Я не видел ничего и ничего не знал, но все равно был охвачен какой-то тревогой, как очень давно в детстве, когда меня бросали одного в темной комнате. Усиленно подавляя свой страх, я заставил себя подойти к окну. Пляшущие тени и впрямь создавали иллюзию, что кто-то перелезает через забор в палисадник, но никак не может перелезть. Увидел я и "источник" этих теней — их отбрасывали ветки дальнего тополя, перекрывавшие фонарный свет. Я открыл было рот, чтобы успокоить Алену, но тут я заметил... не знаю, что это было: какая-то белая тень, облачко с человеческими очертаниями пересекло улицу и завернуло за угол дома с противоположной стороны. Я был готов поклясться, что видел сквозь него соседние заборы. И вместе с тем это было похоже на человека... потом я услышал глухой стук и вздрогнул, прежде чем понял, что стучит у меня в висках.

— Юрик, что там? — Алена дернулась и глаза ее раскрылись еще шире.

— Ничего... Это тени, просто тени от тополя. Завтра утром я тебе покажу.

Возвращаясь к кровати я старался, чтобы Алена не заметила моих рук. Впервые в жизни они дрожали...

Бессонная ночь сделала свое дело: наутро вид у нас был, как говорится, бледный, вдобавок у меня болела голова.

— А вы ночью не спали. — Вместо "с добрым утром" выпалила Наташка, возникая над соседним забором. — Зря!

— Жутковато тут у вас... — шевельнула бровью Алена.

— Да ну! Главное, ничего не бойтесь. Ничего с вами не случится.

— Наташенька, милая! — взмолился я, — если ты что-то знаешь, объясни нам! Что же тут творится по ночам?

— По ночам у нас все спят и вообще ничего не происходит. Как всюду. — Уверенно заявила она. Вот и весь сказ.

Был еще один не понравившийся мне эпизод. В правлении у стены валялся ватманский лист с отпечатками каблука.

— А это у вас тут что? — поднял я его с пола. Это была карта реки Соты, вся испещренная красными точками.

— Статистика несчастных случаев, — ответил Петр Семенович, — только можете ее сразу выбросить.

— Ничего себе... — Для указанных двух лет количество утопленников было великоватым даже для крупного курорта. — Что ж это за речка у вас такая?

— Речка как речка.

— Дно, что ли нехорошее? Или подводные течения?

— И дно нехорошее, и течения тоже, только все это не важно.

— Как же неважно? — я специально поддразнивал его в надежде, что он проговорится.

— А так. Купайтесь себе на здоровье, а на карту эту плюньте.

— У вас что, подозрение, что этих людей кто-то... скажем, помог утонуть?

Лицо Петра Семеновича приняло страдальческое выражение.

— Я вам сказал, плавайте, как хотите, и об этом не думайте!

— Но все же? — настаивал я.

— Если хотите, то можете считать, что так. Помогли.

— Наташа...

— Спокойной ночи! — немного капризно потребовала она, и я был вынужден уйти. Что ж, может она не врал, а это я — псих...

На следующий день я собрался с Наташкой поговорить по душам и выяснить, что же за ночных гуляк я видел. Если они существовали, она не могла этого не знать. Но вместо этого разговора вышел у нас совсем другой. Во время обеда мы с Аленой разговорились о политике — всё же август еще не закончился и тема ГКЧП была свежа. Когда пришла Наташка, мы еще обсуждали недавние события. И вот тут Наташка меня удивила и даже напугала. Не помню уже после какой реплики, она вдруг вскочила и едва не закричала:

— Не смейте так говорить! Так нельзя говорить ни об одном человеке, каким бы он ни был. Проклинай: становишься проклинаемым. Люди не должны этого делать. Они не умеют незаинтересованно судить, а, значит, не имеют такого морального права. — Она горячилась, задыхалась, и было неясно, что вызвало эту неожиданную вспышку. — Будь человек даже тысячу раз подлецом — не вините его, потому что он или болен, или создан вами же. Если он опасен — убейте, обезвредьте, сразитесь один на один, но заклиная вас — не судите.

— И не судимы будете. — вспомнил цитату я.

— Да, и не судимы будете.

— Ну хорошо. Судить никого нельзя. — Алена сложила на столе ладони, она еще не оценила Наташкиной метаморфозы. — А как по-твоему быть... ну, хоть со Сталиным? Неужели его можно простить?

— Можно, нужно знать, что и почему действовать. И неправда, что зло можно победить злом. Злом можно только наказать, а наказание тоже зло. И ответом на него будет зло новое, и так — без конца. Пока мир не утонет в этом зле, но ведь зло — это не жизнь. Жизнь — это равновесие добра и зла, которое вот-вот нарушится. Значит — нужно научиться прощать.

Мы с Аленой переглянулись. Что-то возникло между нами, не дающее так просто ее перебить. Только дослушав до паузы — вряд ли это было концом мысли, Алена по своей учительской привычке осаждала расфилософствовавших учеников, недовольно хмыкнула.

— И Сталина простить, говоришь? Вот уж у кого защитников и так хватает!

— Нет. Между защитой преступления и прощением человека нет ничего общего. Первое губит, второе спасает то, что еще можно спасти. — удивительно серьезно ответила Наташка. "Ай да девчонка! — подумал я — "Не ожидал". Я не мог согласиться с ее странной философией, но то, что в ее размалеванной головке могли прятаться такие мысли, мне просто понравилось. Я вообще всегда любил в людях оригинальность. К тому же мне показалось, что не соглашаюсь я с ней и потому, что чего-то недопонимаю. Не всякую позицию можно четко выразить словами и уже совсем легко спутать ее с какой-либо известной, на самом деле пересекающейся всего в паре пунктов.

— И потом, прощение не означает отсутствия наказания, — я пропустил несколько слов и слушал ее с середины фразы. — Это наказание без прощения часто теряет смысл. Наказывая, не прощая, вы создаете момент противостояния, заставляя этим преступника поверить в свою правоту. Прощение же дает возможность понять вину самостоятельно, если эта вина действительно есть. — И как это понимать? — Алена совершенно по-учительски вздохнула. — Что это — философия или религия?

— Ну как вам объяснить... — Наташка прищурилась, ища нужные слова. Не то и не другое. Просто я так живу. Для меня нет в мире ни правых, ни виноватых. Люди делятся только на тех, кто судят и кого судят. И не важно, каково обвинение — в убийстве или в том, что человек одел штаны не того цвета. Есть только обвиняющие и обвиняемые, которые время от времени меняются местами. А я — не меняюсь. Я всегда на стороне того, кому хуже в данный момент. Но прощаю я и тех и других. Одних, чтоб им стало легче, чтобы они знали, что мир и они сами не потеряны друг для друга, а других — наверное, чтоб задумались... Я ведь не мысленно — если кому-то суждено умереть — это судьба. И если совесть решит за кого-то, что не стоит жить — тоже. Я только прощаю...

Почему-то мне стало страшно от ее слов. Я не понимал их уже совсем, но чувствовал, что присутствую при ЧЕМ-ТО.

— И меня простишь? — я не знал, зачем спросил это. Слова вырвались у меня сами.

— И тебя, — без колебаний, серьезно ответила она. — За те твои слова. Зря вы говорили так... Я не хочу, чтобы с вами что-нибудь случилось здесь...

Я понимал все меньше. Мне казалось, что я сплю.

Застыла как-то и Алена. Наташка же и вовсе пошатывалась, как пьяная или наркоманка. Она говорила уже не с нами, а вообще, взгляд ее смотрел мимо меня, голос был глух, словно говорила не она, а спрятанный где-то под свитером магнитофон.

— Я ненавижу людей потому что люблю их... Меня боятся, потому что я прощаю... Я беру чужое зло, чужую ненависть на себя и не отдаю их, чтобы забрать их из мира... В этом моя страшная месть, месть добром... — Я слушала и засыпая на ходу. Гипноз? — А теперь я уйду туда, где я нужнее, я... — и тут она пообещала такое, что я несмотря на всю демократию, гласность и прочее повторить не решусь. Это оказалось новой поворотной точкой нашего разговора — сработал инстинкт самосохранения, я очнулся, шикнул и обзввал ее маленькой дурочкой, которая может такой болтовней поломать себе всю жизнь. В ответ она посмотрела на меня совсем по-чужому, горько усмехнулась (я вздрогнул от такой усмешки) и выговорила как-то в сторону: — жизнь... что вы в этом понимаете...

Внезапно она побледнела, вскочила и выбежала из комнаты, оставив нас с Аленой в легком шоке. И я увидел... нет, мне показалось, как промелькнуло за окном прозрачное белое облачко...

На этот раз я заснул мгновенно — едва дошел до кровати и не проснулся бы, даже если меня стал бы кто-нибудь есть. Сон мой был сумбурный и мрачный. В основном мне снилась Наташка. То она повторяла свои несвязные слова о мести добром, то прощалась, обещая уйти отсюда навсегда. Потом вдруг передо мной возник сарай, с потолка которого свешивалась петля. И Наташка на табурете. Я проснулся в холодном поту.

На следующий день Наташка не пришла. Не видел я ее и утром, и после работы. Забеспокоившись я пошел к ней. Что-то подсказывало мне, что больше я ее не увижу.

Дверь была незаперта и я вошел сразу в дом. Комната, в которую я попал, пройдя через темные сени, была уютной и аккуратной, но на засохших в цветочных горшках растениях, на вилочке с иконами да и почти всюду виднелись залежи пыли. Даже не почти — пыль была всюду. Старая, давняя пыль. И было тихо. Неестественно тихо — даже назойливые осенние мухи не толклись об стекла. И вдруг я понял, чем поразила меня эта пустота. Она была нежилкой, как и всюду по этому краю поселка.

Признаюсь, по спине у меня пробежала дрожь. Ничего

себе — почти у меня на глазах исчез человек. Исчез загадочно и странно, будто и не жил. Да нет же, не может быть... Она просто обманула меня, а сама живет в каком-то другом месте... Она не могла пропасть!

К Петру Семеновичу я заявился едва сдерживая волнение. Разговор, который я собирался начать казался мне изначально нелепым; я чувствовал себя непроходимым идиотом, и вместе с тем страх за мою странную соседку заставил меня его начать.

— Петр Семенович. У меня к вам такое дело... Извините, конечно... Вы же всех здесь знаете, так вот, одна моя соседка... — я с трудом выбирал слова. — Мне кажется, она пропала.

— Какая соседка? — изумился Петр Семенович.

— Вы должны знать. Девчонка, лет пятнадцати, которая красится так... вызывающе. Ну, Наташка...

— Наташка? — переспросил он. — Наташка?!!

Господи, я еще не видел, чтобы человек так резко побледнел: в лице Петра Семеновича не осталось ни кровинки, губы его плотно сжались в щелочку и он как-то судорожно заглотил глоток воздуха.

— Вы знаете? Что с ней? — тревога словно вырвалась и захватила меня целиком. Сцена из сна — сарай, веревки и табурет стояли у меня перед глазами.

— Наташка... Снова... — едва ли не простонал он, потом схватился за кружку, отхлебнул воды и принялся вдруг рассказывать, после небольшой паузы биографию Наташки. Начал он издали, с самых первых лет ее жизни. В детстве ребенком она была некрасивым, ее родителям все откровенно сочувствовали, а над самой Наташкой, конечно, ребята смеялись. И в школе тоже смеялись: была она для всех таким "шутком поневоле", каждое движение которого вызывает град насмешек, нередко злых и жестоких (Уж не отсюда ли ее философия? — мельком подумал я). Но после четырнадцати лет она вдруг подправилась, став неожиданно для всех звездой только что открывшейся дискотеки. Как? А очень просто. Она стала вызывающей — во всем, от способа красить лицо до полной раскованности в манерах. Она брала реванш за годы непризнания, но по-своему, почти по-детски. Стала курить, ругаться матом, дерзить учителям — и сверстники ее зауважали. Мало кто из них рискнул бы "плыть против течения", Наташке же в белых воронах было не привыкать. Но тут на нее обрушился шквал с другой стороны — до сих пор не замечавшие ее учителя и прочие

"взрослые" принялись ставить выскочку на место. Упрашивали, стыдили, угрожали. Наташка в ответ хихикала. Что ей, привыкшей к общей травле, могли сделать пахнувшие нафталином нотации! А угрозы? Кого ей бояться, после того, как она прошла через ад общего презрения и унижительной жалости... Здесь Петр Семенович сделал паузу. То, что я узнал дальше было страшно. Я не верил, что такая мерзость могла произойти на самом деле, но...

Итак, со строптивой девчонкой хотели — просто жаждали расправиться, и вдруг она сама дала им в руки козырь, да еще какой! Кое-кто помнил, как однажды она вернулась домой только к утру с синяком под глазом, вся трясущаяся и испуганная. Расспросами от нее ничего не добились. А полтора месяца спустя районная акушерка сообщила в школу, что Наташка сделала аборт. Выслушав весть, директриса едва ли не радостно прошипела: "Доигралась наконец!" В тот же день вся "общественность" была мобилизована и проинструктирована на дальнейшие действия. Когда Наташка, слабая и похудевшая, рискнула вновь заявиться в школу, классная руководительница торжественно взяла ее за руку и отвела на общешкольное собрание, посвященное "аморальному поведению некоторых учениц". Напрасно Наташка старалась защититься, объяснить, что ее изнасиловали, и что она может назвать имя насильника, судилище было открыто. Директриса, потная от злости, трясла в воздухе рукой и ее палец тыкал чуть ли не в лицо Наташке — "позору нашей школы". К этому моменту классная руководительница успела заручиться поддержкой пионерско-комсомольского актива. Наташку осудили дружно. От нее отвернулись — деревня не город, на такие вещи здесь еще обращают внимание. Во всем поселке не нашлось ни одного человека, сказавшего хоть слово в защиту попавшей в беду восьмиклассницы. Родители, разумеется не в счет (от них она свое получила еще раньше). Поскольку позор все равно был раскрыт, подали в суд. И хотя медэкспертиза подтвердила "факт изнасилования" и прежнюю ее невинность, Наташку исключили из комсомола, в школе ей тыкали почти на каждом уроке, ходить туда она перестала, из-за чего ее сходу поставили на учет в милиции. Насильник, местный шофер, на суде заявил что, дескать, с Наташкой у него все было по согласию: сама соблазнила, возбудила до нестерпимого, а потом начала брыкаться. Вот он и подумал, что она просто

кабризначает, сделала свое... Его выслушали, прочитали Наташкину школьную характеристику (директриса красок не пожалела), справку, что она стоит на учете, и решили дело закрыть.

На этом месте Петр Семенович замолчал.

— Ну и что было дальше? — подтолкнул я его.

— Дальше... А дальше Наташка повесилась. Не стало Наташки... — с нажимом тяжело произнес он.

Смысл сказанного с трудом дошел до меня. Когда я вник в суть, у меня вырвалось глухое:

— А как же так? — на что Петр Семенович исподлобья глянул на меня, с упрёком, и закончил:

— Ты не бойся. Тебя она не тронет. А вот всем, кто был в этом деле замешан, несладко пришлось. В живых почти никого не осталось. Ты спрашивал, что у нас происходит? Да вот это самое, пятый год уже. Не может она никак усмириться, так и ходит. Все такая же, как в свой последний день...

И он рассказал о том, что я уже слышал: поведал печальную статистику "Наташкиной мести".

Я поверил во все, кроме самых последних слов. Это не Наташка вложила своему насильнику в руки ружье, чтобы он нажал ногой на курок, не она заставила директрису вином выпить серную кислоту, классную руководительницу — наглоглотаться спотворных, а акушерку — ввести себе смертельную дозу морфина. Она просто пришла к вам, и простила, перепоручив их судьбы куда более странному судье — проснувшейся и изголодавшейся совести... Понятно было и окружавшее ее молчание — слишком личное, интимное, будила в людях Наташка.

Эх, Наташка, Наташка! Даже когда взрослый человек уходит из жизни — это страшно. А когда подросток, почти ребенок? Для такой ли судьбы произвели тебя на этот свет, жестокости которого ты не выдержала? Всеми отвергнутая, несчастная Наташка... И после этого ты еще готова этот мир защитить! Я бы не смог. Даже сейчас я только близок к пониманию твоей странной мудрости и... — не знаю, как это назвать — благородства? Святости? Или чего-то третьего, чему нет названия в человеческом языке... Маленькая Наташка, кутившая своей жизнью право прощать, чтобы сделать отвергший ее мир хоть немножко лучше.

Я не стараюсь гадать, куда она ушла, выполнила ли свое брошенное обещание или просто ушла туда, куда однажды

уйдем все мы. Я знаю одно, с этого момента мне не суждено успокоиться. Тем более я не смогу никого осудить, даже если это будет необходимо. Да и может ли это быть необходимо? Наташка, я постигаю твой азы! И я навсегда унесу ее образ с собой: Наташка навсегда останется для меня той худенькой фигуркой, смело плывущей против течения...

Виктор Потапов

ПЯТНО

Апология безысходности

Фотограф пришел в среду, после шестого урока. А два часа спустя несчастный случай уложил Жеку Яковлева в больницу. Славка узнал обо всем лишь на следующий день, в школе, и не сразу догадался связать эти события.

О том, что случилось с Жекой, рассказал Сашок, он сам видел. Перед историей рассказал. Потом начался урок, кого-то спрашивали, кому-то делали замечания, но Славка пропустил все мимо ушей — думал о Жеке. У НЕГО, НАВЕРНО, ЧЕЛЮСТЬ СЛОМАНА, сказал Сашок. Поделом, не будет предавать. И все-таки... глупо как-то. Будто по заказу. По заказу его, Славки.

Они дружили с первого класса — Жека, Сашок, Славка и Майкл — Мишка Боев. Майкл в их компании главный, он на год старше. Вместе играли в войну, вместе пугали по вечерам прохожих, вместе ходили на рыбалку. Все вместе, хоть и жили в разных концах города: Майкл за рекой, Сашок с Жекой на Советской, в пятиэтажных, а у Славкиных родителей был свой деревянный дом с огородом, неудобно примыкавшим к складу деревообделочного завода — самого

большого местного предприятия. Срывающийся бас гудка этого завода был слышен даже в близлежащих деревнях. Четыре раза в сутки, хоть часы проверять: в восемь утра, в полдень, в четыре и в полночь.

КАК РАЗ ЧЕТЫРЕ ГУДЕЛО, КОГДА ОН РАСКАЧИВАТЬСЯ НАЧАЛ.

Фраза, случайно оброненная Сашком, вертелась в мозгу, перекатывалось, точно нерасколотый грецкий орех во рту. Сбивала с мысли. И С КАЧЕЛЕЙ, подумал вдруг Славка.

Он живо представил, как все произошло. Чересчур живо. Увидел расшатанные железные качели, с которых прыгали Сашок с Жекой. Это очень здорово — прыгать с качелей. Волнуясь, сжимать холодные трубы, на которых крепится толстая доска-сидение, сжимать до боли в суставах и нестись навстречу ветру, он свистит в ухах, слышишь? И сладко замирать от ужаса, когда сидение на миг застынет на самой большой высоте, словно отдыхая перед тем, как снова ринуться вниз. Раскачавшись сколько можешь, надо вовремя разжать руки — и воздух подхватит тебя, окунет на несколько мгновений в невесомость и вдруг швырнет в мягкий песок... если повезет и ты долетишь до песочницы. Или чуть ближе, на вытоптанную землю, и тогда ты отшибешь ноги. Чтобы получился хороший прыжок, надо вовремя разжать руки.

А Жека замешкался. Его подбросило вверх, но не вперед. Он приземлился с л и ш к о м близко от качелей. Настолько близко, что сидение, вновь летевшее вперед, эта толстая отполированная задницами доска, которую ничем нельзя остановить, могло врезаться в него, если он не отскочит в сторону. Жека не отскочил. Не успел. Он успел только повернуться лицом к мчавшемуся на него сидению. И был удар, отличный боксерский удар в нижнюю челюсть, жестокий и х р у с т к и й...

Вечером на месте происшествия никого уже не было, но испачканное кровью сидение поскрипывающим жутким метрономом все качалось, сказал Сашок, будто Жека только-только спрыгнул с него.

КАК РАЗ ЧЕТЫРЕ ГУДЕЛО...

Словно гудок виноват. А может, и гудок, но уж во всяком случае не он, не Славка. Он не имеет никакого отношения к несчастью с Жекой, он был в это время дома: сначала сидел на диване, а потом... Что же потом? Стал делать домашку?

Славке показалось, будто он что-то упустил, что-то очень важное. Он еще раз попробовал проследить за собой, вернув-

шимся вчера из школы. Он вспомнил, как разговаривал с мамой. Вспомнил, как запыкало радио. И гудок, протяжный и сильный — ХОТЬ ЧАСЫ ПРОВЕРЯЙ. Вспомнил, что настроение было поганое. Как ручку взял, тоже вспомнил. И как... Вспомнил.

"ПРЕДАТЕЛЬ. БАБА. КОЗЕЛ."

Славка оторопело смотрел на учительницу. Та продолжала говорить, но он не слышал голоса и видел только беззвучно открывающийся рот. Как у рыбы. Внезапно учительница исчезла. Появились скрипучие железные качели; сидение, которое замерло на высоте; вот оно приходит в движение, поначалу медленное, потом быстрее, еще быстрее, оно летит, летит на... Славка зажмурился.

БУДТО ПО ЗАКАЗУ.

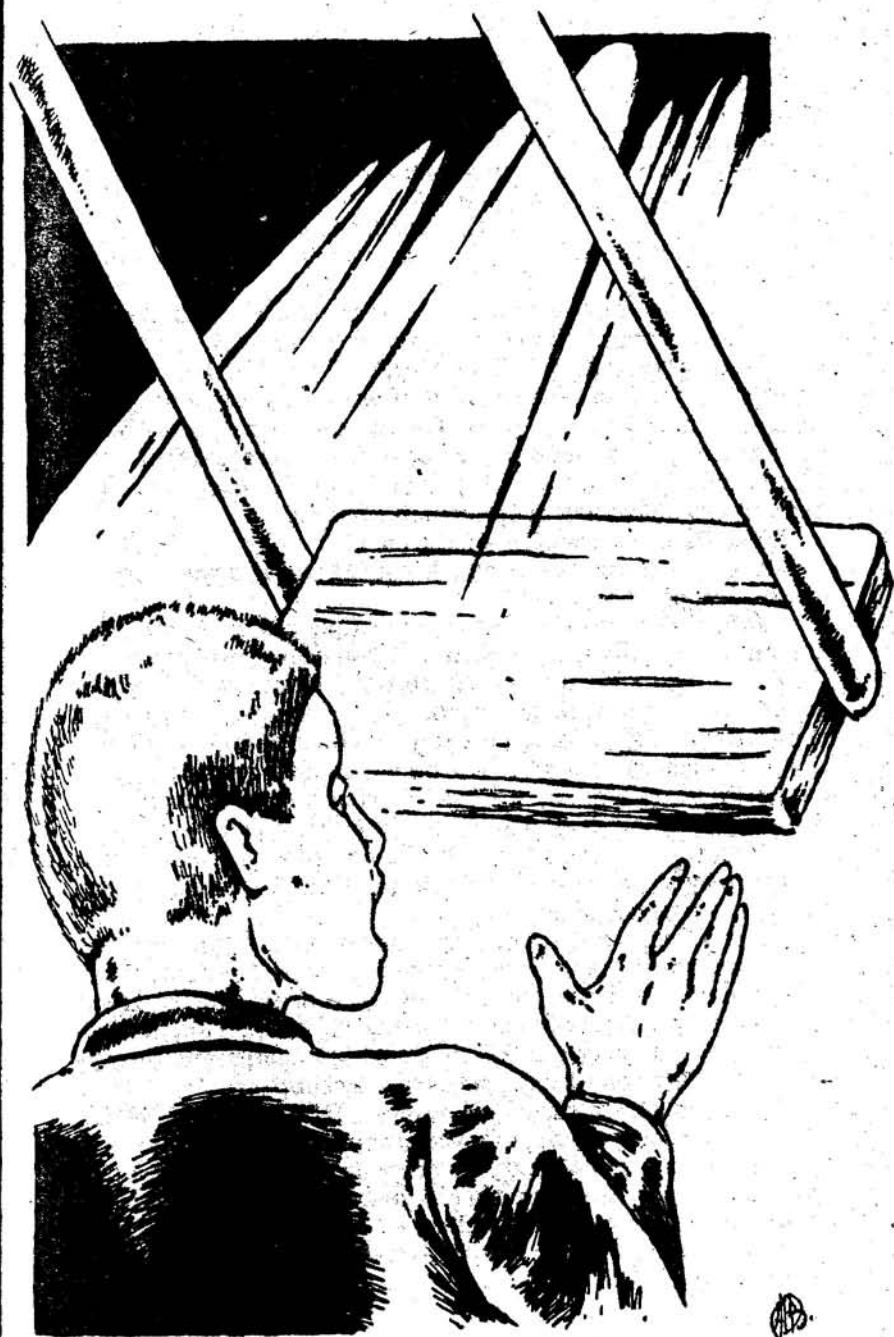
Сидя дома на диване, ОН столкнул Жеку под качели. Расправился с Жекой. ОН; Славка.

Догадка обожгла. Но Славка сперва сам в нее не поверил. А поверил уже позже, в пятницу, когда Жека пропал.

Фотограф опоздал: все разбежались. Он принес черный пакет со снимками и теперь растерянно переводил взгляд с Инны Палны, Славкиного классного руководителя, на самого Славку, который, будучи дежурным, лениво возил мокрой тряпкой по грязной доске.

Он смешной, этот фотограф. Маленького ростика, почти карлик. Если рисовать его портрет, то сначала придется изобразить огромный зеленый берет, оттопыривающий уши, потом полустершийся вельветовый пиджак некогда синего цвета, старые зашпанные джинсы и, наконец, поношенные туфли с налипшими к подошве комочками земли, надетые на босу ногу. Портрет человека, которому некогда следить за собой. Он весь в работе. Вот и в школу пришел фотографировать, едва начался новый учебный год. Да, надо не забывать нарисовать еще улыбку: он всегда улыбается. А говорит тихо, робест будто. Когда Славка, Сапок и Жека, набравшись наглости, подошли к нему и попросили, чтобы на общем цветном снимке их фотографии были помещены рядом, он не рассердился. Он совсем не умеет сердиться.

Славке даже стало жалко его сейчас — поникшего, стоящего в дверях и не понимающего, что теперь делать с черным пакетом. Выручила Инна Пална. Она взяла пакет и сказала, что сама раздаст снимки. Фотограф ушел, а Славка с утроенной силой налег на доску: ему не терпелось получить свою фотографию.

В пакете оказались только общие снимки, и не цветные глянцевые, а матовые черно-белые. Тем не менее смотрелись они здорово. Особенно эти завитушки и змеящаяся по верху надпись: С ДНЕМ ЗНАНИЙ! СЕНТЯБРЬ-87. Из вытянутых окошек-иллюминаторов выглядывал причесанный и натужно улыбающийся 4-й "А".

— Хорошая фотография, — похвалила Инна Пална, протягивая один снимок Славке. На следующий день она не пришла в школу.

Очень хорошая, мысленно согласился Славка, увидев справа от портрета Инны Палны в верхнем ряду три знакомые рожи: ИВАНОВ САША, ВОРОНИН СЛАВА, ЯКОВЛЕВ ЖЕНЯ. Жека был крайний и улыбался шире всех, показывая свои гнилые зубы. Очень хорошая фотография. Славка аккуратно засунул ее в портфель, между учебниками, и помчался в раздевалку. Но спешил он напрасно, потому что там его поджидал неприятный сюрприз.

Жека Яковлев оказался предателем.

Потому что разговаривал с Хомягиным. И дружески, надо сказать, разговаривал.

Вообще-то у этого толстяка, что стоит сейчас с ним, Хомягин не фамилия, а прозвище. По-настоящему его зовут Камягин. Вадик Камягин из пятого "Б". Он подлый, продает втридорога заграничные жевачки, которые привозит папа, и делает бизнес. Хвастается и продает. И никто ничего не может ему сделать, потому что он не только толстый, но и сильный. Даже Майкл, который учится в том же пятом "Б", не рискует с ним связываться. А много на одного — нечестно. Поэтому их компания решила бороться с Хомягиным по-другому и объявила ему бойкот. Так Майкл придумал, еще неделю назад. И вот Жека...

Славка сделал вид, будто не заметил разговаривающих и теперь не может найти в шкафу свои сапоги. Ему было прекрасно слышно, о чем болтают Жека с Хомягиным. О каком-то лезвии. Хомягин хочет за него рубль. Знает, подлюга, что у Жеки денег с собой нет, а лезвие непременно заполучить хочется: он их с первого класса собирает.

Все равно. Из-за какого-то лезвия... ПРЕДАТЕЛЬ. БАБА.

Славка не стал ждать, чем все закончится. Он натянул сапоги и с независимым видом протопал мимо, нарочито грепча каблуками. Жека увидел его, покраснел... ПРЕДАТЕЛЬ.

— Мы тебе это припомним, — сквозь зубы процедил Славка. И выбежал из школы, почувствовал, как к горлу подступили слезы.

Когда дома сгоряча рассказал о случившемся маме, та рассмеялась и посоветовала не забивать голову упиями. Мама ничего не понимала в предательстве.

Поэтому, когда Славка ушел к себе в комнату и забрался на диван, настроение у него было поганое. Самое подходящее для того, чтобы расправиться с Жекой.

Что он и сделал.

...Славка еле высидел до конца уроков. Не успел еще смолкнуть последний звонок, как он рванул из класса.

Дома никого не было. Славка швырнул портфель у порога, скинул сапоги и прошел к себе. Мама утром торопилась, не прибравшись, и в комнате остался беспорядок. Хорошо, что не нашла фотографию, облегченно подумал Славка.

Фотография лежала там, где он ее и оставил — под грудой учебников. Славка отодвинул их в сторону и взял снимок в руки. На снимке были все, как вчера. Завитушки, СЕНТЯБРЬ-87, окошки-иллюминаторы, улыбки, ИВАНОВ САША, ВОРОНИН СЛА... Нет, не все так же.

Не улыбался Жека. Его гнилых зубов не было видно из-за... Что за черт! Славка мог бы поклясться, что не делал этого. Вчера, сидя на диване, он сделал кое-что другое.

Вчера ему не понравилась Жекина улыбка. Улыбка предателя. "ПРЕДАТЕЛЬ. БАБА. КОЗЕЛ, — подумал тогда Славка. — ВОТ МЫ ТЕБЕ СЕЙЧАС БОРОДУ..." Он взял чернильную ручку и пририсовал сфотографированному Жеке жидкую козлиную бородку. Но удовольствия от этого не получил, подождал, пока высохнут чернила, положил испорченный снимок под учебники и принялся за уроки.

А сегодня те несколько штрихов слились в одно сплошное фиолетовое пятно, как будто кто-то неосторожно посадил кляксу, залепившую Жекино лицо почти до самого носа. Эдакую жирную кляксу величиной с двухкопеечную монету. Только теперь она была совершенно сухая и бросалась в глаза. С л и ш к о м бросалась.

Славка недоуменно повертел фотографию, даже понюхал ее. Обычная фотография. Так почему же получилось пятно, если чернила в ы с о х л и? Неужели из-за несчастного случая с Жекой? Еще не осознавая всю опасность своих действий, Славка решил устроить маленький эксперимент.

Он порылся в ящиках стола, отыскал свою фотографию, оставшуюся с прошлого года. Снимок был примечателен, пожалуй, лишь тем, что напечатали его на т а к о й же матовой черно-белой фотобумаге. Потом достал чернильную

ручку, которой воспользовался вчера, несколько раз провел у себя сфотографированного по лбу. Полосы, КАК И В ТОТ РАЗ, не расплылись, но... надо подождать. Славка высушил чернила, взял обе фотографии и засунул под учебники.

И забыл о них. Начисто забыл.

Вспомнил только вечером, перед тем как лечь спать. Мама заставила прибираться. Он стал складывать учебники в стол и наткнулся на снимки. На "опытной" фотографии все осталось по-прежнему, полосы — полосы! — как и темнели на лбу. Он перевел взгляд на ТУ фотографию, и ему вдруг показалось... Ерунда. Он положил снимки в верхний ящик стола, закончил уборку, разделся, выключил свет и юркнул под одеяло. Надо будет завтра утром еще раз проверить, подумал он. Мало ли что показалось.

А показалось ему, что фиолетовое пятно **УВЕЛИЧИЛОСЬ И УЖЕ КАСАЕТСЯ ЖЕКИНОГО НОСА**. Но ведь этого не может быть.

Утром Славке было не до фотографий — он проспал. И мама проспала, и папа, потому что единственный будильник отстал на полчаса. В суматохе Славка успел только выпить стакан чая и откусить полбутерброда, на большее не оставалось времени. И все равно на русский опоздал.

Учительница, естественно, объяснений никаких не приняла, а заставила в качестве наказания делать лишнее упражнение. пока Славка, заняв свое место, собирался с силами, ему пришла записка. Записка была от Сашка и состояла из двух слов: **"ЖЕКА ИСЧЕЗ"**. Ничего не поняв, Славка пожал плечами. Конечно, интересно узнать, что там еще с этим Жекой приключилось, но придется подождать: учительница была уже "на взводе", и попадаться с записками не было никакого желания.

После звонка Славка подошел к Сашку.

— Жека-то исчез, — смакуя новость, старательно выговорил Сашок.

— То есть как исчез?

— Да вот так. Ко мне сегодня утром мать его прибегая, спрашивала, не знаю ли я, где ее Женечка. В больнице, отвечаю. А она говорит, что из больницы звонили и сказали, что не могут Жеку найти, пропал он. Спрашивали, нет ли дома.

— Куда он мог подеваться? Ведь ты сам говорил, что у него челюсть...

— Ну и? Думаешь, со сломанной челюстью и ходить нельзя? Я, когда ногу сломал...

— Знаем мы тебя.

— А что? Да если хочешь знать, у него челюсть и не сломана вовсе. Мне его мать сказала, что у него сотрясение мозга и два зуба выбито. Да морда расквашена вся.

Они поболтали еще малость, потом Славка вернулся на свое место и задумался. Задуматься было о чем. Удрать из больницы Жека не мог, незачем ему удирать. Похитили? Вряд ли, у него родители не богатые: телевизор и то черно-белый. Значит, это либо ошибка, либо... **ФОТОГРАФИЯ**. Только сейчас Славка вспомнил о ней... и о Пятне, которое вчера **УЖЕ КАСАЛОСЬ ЖЕКИНОГО НОСА**. Надо было срочно посмотреть на нее.

Срочно не получится: сегодня, как назло, шесть уроков. Придется потом.

Легкое беспокойство овладело им. Так, пустяки, будто не выучил урок, и хотя точно знаешь, что тебя не спросят, все же сжимаешься под случайным взглядом учителя. И тебя не спрашивают... **МОЖЕТ БЫТЬ**.

Когда Славка пришел домой, беспокойство уже превратилось в тревогу.

Он рванул ящик на себя и выхватил фотографии. На свою, "опытную", даже не взглянул... а судорожно сглотнув слюну, уставился на снимок карлика-фотографа. Пятно изменилось. За ночь оно противным фиолетовым плевком расплозлось по всему Жекиному лицу. Края его тоже изменились. Теперь они были не ровные, в форме правильного круга, а рваные, и напоминали **ОЧЕНЬ** большую кляксу. Нижний край Пятна, зазубренный и неумолимый, почти сожрал подпись **ЯКОВЛЕВ ЖЕНЯ**, оставив только первую и последнюю буквы.

Жеку незачем искать, подумал Славка и почувствовал, что пальцы замерзли. Жеки больше нет.

Он сел и положил фотографию перед собой. Он уже не сомневался, что между Жекой и этими кусками бумаги (или карликом-фотографом?) есть какая-то связь. Непонятная, бессмысленная. Которую включил Славка, когда по глупости нарисовал козлиную бородку. **ОН СМЕШНОЙ, ЭТОТ ФОТОГРАФ**. Щелк! — и вот вам карта судьбы, карта многих судеб, пожалуйста, вы можете вмешаться и причинить кому-то боль. **У БРАТЬ КОГО-ТО С ДОРОЖИ**. Отомстить. Пожалуйста, выбирайте, все судьбы в ваших руках. **ЩЕЛК!** Очень просто расправиться с одним человеком, отобрать его судьбу. Но ведь это только **НАЧАЛО**. Пятно рас-

тет, растет очень быстро: несчастья питают его. Скоро наступит день, когда **ВСЯ ФОТОГРАФИЯ БУДЕТ СПЛОШНЫМ ФИОЛЕТОВЫМ ПЯТНОМ**. Оно безжалостно расправится с Сашком. С учительницей, которая и так почему-то не пришла в школу. Со всем четвертым "А", по одиночке. И это будет последний день.

И ДЛЯ ТЕБЯ, СЛАВКА, ТОЖЕ. ДЛЯ ТЕБЯ, ВЕРНЕЕ, ОН НАСТУПИТ РАНЬШЕ, ГОРАЗДО РАНЬШЕ. ВЕДЬ ТЫ — С Л Е Д У Ю Щ А Я ЖЕРТВА.

...Ошеломленный, он просидел так довольно долго, пока не пришла мама. Она не должна увидеть испорченную фотографию, подумал Славка и быстро спрятал снимок в стол. Мама поругалась, почему он до сих пор не снял форму, и ушла на кухню затоплять печь. Славка снова вытащил фотографию, присмотрелся.

Никаких изменений. Пятно прекратило расти. Может, это **КОНЕЦ**? Может, ему все только показалось? Может, он сам случайно пролил чернила на фотографию?

Славка ухватился за эту мысль, как за спасательный круг. Спасательный круг в водах безумия. Теперь вся надежда только на течение, которое должно вынести на берег. Надо не сопротивляться течению, то есть обычному порядку вещей. Надо отвлечься и делать все так, как-будто ничего не произошло.

Славка положил оба снимка обратно в ящик, переоделся, поел и стал готовить уроки. Но даже делая уроки, он ни на секунду не забывал о Пятне. И когда мама с папой ушли в кино на восьмичасовой сеанс, оставив на Славку недотопившуюся печь, он не выдержал и опять достал фотографию. Когда он увидел Пятно, матовый листок фотобумаги задрожал у него в руках.

Пятно **о ж и л о**. Оно вытянулось фиолетовым языком, приблизившись к следующему окошку. Окошку, где улыбался он, Славка. Еще немного — и оно лизнет Славкино ухо... щеку. А потом, быть может, обрушится потолок, и Славку найдут под могучими балками с разможенной головой; рядышком будет лежать фотография, на которой какой-то растяпа посадил огромную кляксу, видящая, она закрыла два окошка... два? или уже три?

И тут Славка почувствовал, как кто-то прикоснулся к его уху. Правому. Он замер. Кто-то очень маленький и очень шустрый, спускается к щеке. Во рту пересохло. Из глотки вырвался странный всхрип, и Славка с силой ударил себя по уху.

В уже неприятно зазвенело, но **КТО-ТО** пропал. Наверно, жучок какой-нибудь, упал с потолка. Славка облегченно перевел дыхание. Потом дотронулся пальцем до Пятна. Оно было чуть теплее... теплее, чем остальная поверхность фотографии. И едва ощутимо пульсировало. **КОНЕЧНО, ВЕДЬ ОНО Ж И В О Е**. Оно собирается с силами, чтобы...

— Нет, — прошептал Славка. — Нет...

И в то же мгновение увидел, как край Пятна еще на миллиметр подполз к его портрету. Чуть заметное движение, точно минутная стрелка на циферблате.

Славка испугался так, как никогда не пугался в своей короткой жизни, и отшвырнул фотографию. Кувыркаясь, она очень медленно опустилась на пол. Белой стороной вверх. Славка уставился на нее как на змею. И чем дальше он смотрел, тем яснее видел — **в и д е л!** — как на лицевой стороне фиолетовые щупальца смыкаются вокруг его головы, начинают сжиматься... и с глухим чмокающим звуком Пятно **про г л а т ы в а е т** его!

ТЕБЕ НЕ СПАСТИСЬ, СЛАВКА. ПЯТНО ОХОТИТСЯ НА ТЕБЯ.

Неожиданно в раковине на кухне забулькала, и в раковину с шумом полилась вода.

НАЧАЛОСЬ. Это последнее предупреждение. Сейчас весь дом будет охотиться на него, ножи и вилки, что лежат в кухонном столе, будут охотиться на него, огонь вырвется из печи и побежит к нему быстрым пылающим ручейком... Незачем ждать, пока пламя обвоет вокруг ног, вдруг решил Славка. Он выйдет навстречу. Он выйдет навстречу и скормит огню эту проклятую фотографию, пусть она рассыплется горсткой пепла, пусть Пятно обратится в пепел.

Двумя пальцами Славка брезгливо схватил снимок. Снимок был уже не теплый, он был **ГОРЯЧИЙ**. Ничего, это не сможет его остановить. Славка бросился к печке.

Чтобы добраться до огня, нужно выскочить из этой комнаты, обхватить печь и сдернуть заслонку. Какие-нибудь четыре секунды. Если только время не подчиняется Пятну.

Дверь Славкиной комнаты попыталась захлопнуться, отрезая ему путь, но он ниусл ее и вылетел в прихожую. Половик, на который он ступил, внезапно задымился и отъехал в сторону. Удав на руки, Славка вскрикнул: деревянный пол был **р а с к а л е н**, точно жаровня; покрывающая его коричневая краска пузырилась, превращалась в удушливый дым. Славка закашлялся, вскочил, размахивая обожженными ру-

ками. ДАЛЬШЕ... НАДО ДАЛЬШЕ. Он уже не бежал, он не мог бежать, потому что подошвы тапочек плавилась и приставали к полу.

Казалось, дом зашатался, не пуская Славку к огню. Печь попробовала прижать его побеленным кирпичным боком к стене, но он все же протиснулся, оборвав пуговицы на рубашке. И чуть не выронив фотографию. Точнее, выронив, потому что она тоже раскалилась, будто полоска железа, и обожгла. Трепыхаясь, она победно закружила вниз, но Славка успел подхватить ее другой рукой. ТЕПЕРЬ УЖЕ НЕМНОГО.

Вот и кухня. Сквозь дым видво, как, пытаясь вылезти, судорожно дергается ящик кухонного стола. Славка ударил по нему ногой. Ящик намертво перекосило; внутри недовольно забрякали ножи. Пусть брякают, им теперь не выбраться. Еще бы заслонку убрать... Он вцепился в нее ничего не чувствующими пальцами. Она очень тяжелая, эта ржавая жестянка, неимоверно тяжелая, не сдвинуть!.. нет, подается... готово!

Печка уже почти протопилась, лишь кое-где танцует на углях жаркое пламя. Но едва снимок полетел внутрь, как оно, точно по мановению волшебной палочки, исчезло. Фотография упала не в огонь, а на угли. Она билась об них, как выброшенный на берег окунь, извивалась, корчилась от мучений.

И вот слабое пламя вырвалось из россыпи углей. Но его хватило, хватило вполне, чтобы поймать фотографию за кончик и начать с ней расправу. Кончик обуглился, и вдруг вся она вспыхнула ярким зеленым огнем, брызнула колкими искрами.

Даже пепла не осталось.

Славка засмеялся. Сначала негромко, неуверенно, еще не понимая всей важности победы, которую только что одержал, может быть, главной победы в своей жизни. Потом звонко, радостно, как самой прикольной шутке.

И вдруг осекся. Среди красного марева углей возник крошечный человечек в зеленом берете. "ТЫ ДУМАЕШЬ, ЧТО РАСПРАВИЛСЯ С ПЯТНОМ? — весело спросил он. — НЕТ. ТЫ РАСПРАВИЛСЯ СЕЙЧАС СО ВСЕМ ЧЕТВЕРТЫМ "А". ВМЕСТЕ С УЧИТЕЛЬНИЦЕЙ И САМИМ СОБОЙ."

Карлик в зеленом берете улыбался. Он всегда улыбается. Он совсем не умеет сердиться.

Что было дальше, Славка не помнил. Он отравился угарным газом, скажет потом врач "скорой". И потерял сознание.

Капитан пожарной охраны внимательно выслушал Славку, но в протокол записывать ничего не стал. "Ты извини, друг, — казалось, говорили его глаза, — но уж слишком странные вещи ты рассказываешь." Впрочем, и пожар был странный.

В 20.32 соседи увидели валивший из окна Ворониных дым и позвонили по "01". Когда приехали пожарные, выяснилось, что им тут делать нечего; обои и пол в прихожей дымилась, а огня не было. Как будто кто-то уже потушил пожар. Но в доме никого не было, кроме Славки, ничком лежащего на кухне возле печки с ожогами на руках и тлеющими подошвами тапочек. Потом и родители Славкины вернулись из кино: фильм оказался скучным, и они ушли с середины.

Капитан пожарной охраны решил, что причиной загорания послужил уголек, вылетевший из оставленной без присмотра печи. Видимо, мальчик (он показал на перенесенного на кровать и очнувшегося Славку) пытался потушить начинающийся пожар, что ему, собственно, и удалось. Удовлетворившись этим, капитан вместе с пожарными машинами уехал. Врач вкатил Славке укол, помазал, и забинтовал руки и посоветовал еще денек полежать, после чего "скорая" тоже уехала.

И опять Славка не увидел, что было дальше. Но на этот раз он просто заснул. Он очень устал. Он сегодня сделал большое дело — остался жив.

РАСПРАВИВШИСЬ СО ВСЕМИ.

На следующий день у Славки слегка побаливала голова. Он честно лежал в постели и разглядывал потолок.

Может, я еще не спасся, думал он. Может, начнется заражение крови (Славка с опаской посмотрел на свои забинтованные пальцы). **МОЖЕТ, ФОТОГРАФИЯ И НАЧАЛА МСТИТЬ, НО НЕ СРАЗУ, НЕ ТАК, КАК ПЯТНО?** А это значит, что с ним, со Славкой, что-то должно произойти. Обязательно. И с остальными тоже.

Он вскочил с кровати, порываясь куда-то бежать, но закружило... и вот уже перед глазами пол, толстая щель; и саднеет разбитая губа. Верхняя губа. Он с трудом оторвался от холодного пола, залез на кровать. Губа распухла.

НЕ УБЕЖИШЬ, с тоской подумал Славка.

Он представил вдруг, как начинается урок. Как Сашок

выводит что-то в тетрадке... и как по белому потолку молниями разбегаются трещины; он уже падает, рушится, ломая парты и спины, пыль, крики, Сашок пытается выкарабкаться из-под бетонной плиты, не может, хрипит; и изо рта тоненькой струйкой течет кровь...

Где-то далеко взвыла сирена, еще одна. "Скорые"? **НЕ В ШКОЛУ ЛИ?**

Славка с головой закутался в одеяло. Он не хотел больше ничего видеть, ничего слышать. **НИЧЕГО!**

— Сынок, просыпайся, — донесся мамин голос. — Как у тебя голова? Болит?

Славка открыл глаза.

— Прошла, — сказал он. Голова и в самом деле не болела.

— Ну и слава Богу... А к тебе гости. Саша пришел.

— **КТО?**

Мама вышла, и через секунду в дверях появился Сашок. Как всегда взъерошенный, точно воробей после дождя.

— Ты что... жив? — не веря глазам своим, прошептал Славка.

— А что со мной сделается, — ответил Сашок и по-хозяйски расселся на стуле. — Ну, рассказывай, что тут у вас было.

— Но ведь школа же того... обрушилась, — все еще ничего не понимая, пробормотал Славка.

— Сам ты того. Я бы год согласился без мороженого просидеть, если б она развалилась... Рассказывай, не тяни.

Славка послушно рассказал. Но только про пожар, про фотографию и Пятно даже не заикнулся. Сашок с пониманием кивал. А когда настала его очередь делиться новостями, обнаружилась сенсация.

— А знаешь, Жека нашелся, — сказал он.

— **Н а ш е л с я?**

— Он и не терялся. Выяснилось, что просто он с утра ходил исследовать окрестности больницы — погода-то была теплая — и забрел в больничную кочегарку. Он стал смотреть, как там работают, и так засмотрелся, что забыл про завтрак и обход. Врачи потом долго ругались и сказали, что такого больного надо выписывать как можно скорее... Во он отмочил, да?

Все-таки ошибка, с облегчением подумал Славка. И еще подумал, что, наверно, не будет никому рассказывать о том, что видел в среду в раздевалке.

А Сашок уже переехал на другую тему:

— Инна Пална в школе появилась. Она, оказывается, в

командировку ездила. Она сегодня перед уроками фотографии раздавала. Я сейчас покажу...

Льдинка тревоги кольнула в сердце.

— НЕ НАДО! — Получилось громче, чем следовало. — Я видел уже, у меня есть, — стараясь заглазить ошибку, незнакомым сильным голосом добавил Славка. — Хорошая фотография... Слушай, а что сегодня задали?

Сашок, не заметив подвоха, расстегнул портфель, вытащил дневник с тетрадками. Показал все, объяснил. Он настоящий друг, Сашок.

Когда он собрался домой, Славка встал с кровати (голова уже не кружилась), проводил его до входной двери. В прихожей после вчерашнего были постелены газеты и пахло гарью. НИЧЕГО НЕ ВЫШЛО У ТЕБЯ, КАРЛИК, весело подумал Славка. НИЧЕГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ. И НЕ СЛУЧИТСЯ.

Он вошел к себе и только сейчас заметил, что Санкин дневник все еще лежит на столе. Славка схватил его, чтобы броситься вдогонку и отдать хозяину, но в этот момент какой-то листок выскользнул из страниц. Славке показалось. Он поднял листок.

Да, ему не показалось. Это действительно фотография. Та с а м а я, только без Пятна. Очень хорошая фотография. ИВАНОВ САША, ВОРОНИН СЛА... Он провел сухим шершавым языком по верхней губе. Опухоль не прошла.

И НЕ ПРОЙДЕТ. Потому что у т о г о, сфотографированного Славки нарисованы усы. Чуть заметно, простым карандашом.

Виктор Потапов

СНЫ ОБ АТЛАНТИДЕ

(Триптих)

Третий рассказ Аэлиты

Литературно-историческая фантазия

Примерно год тому назад мне пришлось по делам редакции ненадолго выехать в один из районных центров Приуралья. Остановился я у старого знакомого одного из наших сотрудников. Обычное дело: небольшая посылка из столицы в обмен на недолгое, но искреннее провинциальное гостеприимство.

Хозяин мой, Леонид Дмитриевич Калашников, оказался бывшим школьным учителем истории. Быстро преодолев первую неловкость и покончив с разговорами типа "а у вас — а у нас", мы перешли на более близкие сердцу темы. К моему удивлению, Леонид Дмитриевич оказался большим любителем фантастики. Меня это искренне обрадовало, потому что я сам с детства страдаю тем же недугом.

Беседуя о фантастической литературе, мы вспомнили двадцатые годы: Берроуза, Айхакера, Пьера Бенуа, "Аэлиту" Толстого. "Аэлита" с детства была моим любимым романом, и я тут же высказал Калашникову свое мнение, что, по-моему, и сейчас мало кто способен создать подобный шедевр, нарисовать такой неправдоподобный, но заставляющий верить в свою реальность мир. И даже рассказы Аэлиты о расцвете и гибели Атлантиды, заимствованные Толстым у оккультистов, в которых мало что осталось от истинной истории человечества, звучат в романе так убедительно, как, может быть не звучат теории настоящих ученых.

Слушая меня, Леонид Дмитриевич потихоньку пил чай и улыбался. Вначале я старался не обращать внимания на его улыбки, но постепенно стал раздражаться. Заметив это, хозяин прервал меня и, извинившись, вышел в другую комнату.

Вернулся он с тоненькой папкой и, положив ее на край стола, принялся рассказывать.

Когда-то он знал Толстого. Они были дружны, и Калашников немало помог Алексею Николаевичу, когда тот работал над "Аэлитой". Толстому необходим был человек, хорошо разбирающийся в древней истории, способный подобрать материалы, объяснить детали, посоветовать, как придать достоверность его фантазиям и связать воедино придуманное прошлое двух цивилизаций. Таким человеком стал Калашников.

С тех пор и хранит Леонид Дмитриевич небольшой рукописный отрывок, не вошедший по каким-то причинам в книгу. Первоначально, по замыслу писателя, он должен был составить часть главы "Древняя песня". Кстати, отрывок начинается и заканчивается текстом, сохраненным в романе. В этом нетрудно убедиться.

До недавнего времени рукопись эта была для Калашникова лишь дорогой памятью. Но в последние годы Леонид Дмитриевич, к своему великому удивлению, стал встречать факты и даже идеи, приведенные и высказанные в романе в научных работах и популярных журналах! Поначалу он воспринял это как простое совпадение, курьез, но вскоре эту мысль пришлось отбросить: слишком явной была связь. И Толстой, и современные историки опирались на одни и те же древние тексты и археологические находки, их теории были похожи как близнецы: различались только названия стран и народов.

Поразительно, сказал тогда Калашников, как смог он в те далекие годы увидеть и понять нечто, остававшееся скрытым от ученых еще более полувека. Разве что Толстой имел доступ к каким-то неизвестным или погибшим позднее материалам? Не знаю, насколько справедливо это предположение, не хочу гадать впустую. Пусть на этот вопрос отвечают другие. Моя роль в данной истории уже сыграна: третий рассказ Аэлиты перед вами* ...

* Напомню вкратце сюжет романа. Инженер Лось и красный командир Гусев отправляются в космическом аппарате на Марс и обнаруживают там древнюю умирающую цивилизацию. Недовольный возмущенным отношением своих соплеменников к землянам, верховный правитель Тускуб отправляет их на загородную виллу и поручает за-

Иха, затопив очаг, сложенный из крупных, позеленевших от времени камней, молча поклонилась и выскользнула в золотую дверцу — ушла к крылатой лодке.

Лось стоял, скрестив руки на груди, и оцепенелым взглядом смотрел на языки пламени, бросающие на стены смутные корчащиеся тени.

"Нужно завтра же лететь в город, помочь Гусеву", — пронеслось у него в голове и тут же пропало — на плечи легли маленькие руки Аэлиты.

Лось порывисто обернулся и встретился взглядом с огромными зрачками непельных глаз. В их влажной глубине дрожали отблески огня. Бледно-голубоватое лицо с резкими тенями смягчилось в оранжевых отсветах пламени.

— Пойдем, — тихо, одними губами, произнесла Аэлита, и ее маленькая сухая рука потянула его за собой.

Аэлита и Лось сидели на краю бездны. Солнце уходило за острые вершины. Резкие длинные тени потянулись от гор, ломались в прорывах ущелий. Мрачно, бесплодно, дико было в этом краю, где некогда спасались от людей древние Аолы.

— Когда-то горы были покрыты растительностью, — сказала Аэлита, — здесь паслись стада хашей, и в ущельях шумели водопады. Тума умирает. смыкается круг долгих тысячелетий. Быть может, мы — последние: уйдем, и Тума опустеет.

Она замолчала. Солнце закатилось невдалеке за драконий хребет скал. Яростная кровь заката полилась в высоту, в лиловую тьму.

ботам своей дочери Аэлиты. Она обучает Лося и Гусева языку марсиан и рассказывает о древней истории планеты. Оказывается, что марсиане являются потомками двух рас — аолов, населявших в первобытные времена Туму (Марс), и атлантов, бежавших со своей погибшей во время потопа родины. Между Аэлитой и Лосем вспыхивает любовь. События развиваются почти молниеносно: в столице начинается восстание, и Гусев становится во главе его. Но Тускуб, собрав силы, жестоко расправляется с рабочими-повстанцами. Гусев бежит и находит Лося распростертым в луже крови, возле пещеры, в которой он скрывался с Аэлитой от Тускуба. Аэлита, неизвестно живая или мертвая, увезена отцом. С раненым товарищем на руках Гусев добирается до космического корабля, и они улетают обратно на Землю. Однажды зимой, несколько лет спустя после их возвращения, Лося неожиданно вызывают на радиостанцию. Он надевает наушники и слышит голос, повторяющий на земном языке:

— Где ты, Сын Неба, где ты?

Голос Аэлиты, любви, вечности, голос тоски летит по Вселенной, зовя, призывая, клича, — где ты, где ты, любовь...

— Но сердце говорит мне иное. — Аэлита поднялась и пошла вдоль обрыва, поднимая клочки сухого мха, веточки.

Собрав их в край плаща, она вернулась к Лосю, сложила костер, принесла из пещеры светильник и, опустившись на колени, подожгла хворост. Змеиный хвост дыма взвился кверху. Где-то среди теряющихся в темноте скал раздался пронзительный крик, с утеса сорвалась крупная тень. Лось вздрогнул.

— Не бойся, Сын Неба, — это всего лишь испуганный ихти, — успокоила его Аэлита. — Он не причинит нам вреда.

Лось машинально проследил в черном небе силуэт хищной птицы и тяжело вздохнул.

— Тебе плохо, Сын Неба, — прошептала Аэлита. — Почему? Скажи мне...

Лось не ответил, замороженно глядя на встающую над блестящими льдом остриями скал мрачную красноватую звезду. Ее недобрый взгляд будил в нем смутное беспокойство.

Аэлита опустила перед ним на колени. Ее грудь взволнованно дышала под черными складками платья, бледное лицо чуть подрагивало, слегка приподнятый нос и мягкий рот были по-детски нежны. Огромные, полные печали глаза искали ответа, манили, тянули в свою глубину.

Прошли долгие минуты. Потом, очнувшись, Аэлита заговорила.

— Я должна рассказать тебе... — голос ее прервался, — прежде, чем ты покинешь меня. Ты уйдешь, я знаю, но, может быть, до того, как нас разлучат...

— Кто?! — воскликнул Лось.

— Не сразу, — ответила Аэлита, — сейчас отец занят тем, что убивает в городе рабочих, которыми руководит Сын Неба. Он яростен и могуч, но он не устоит: сила всей Тумы в руках Тускуба. Затем он вспомнит и обо мне. На мне запрет, я посвящена царице Магр... По древнему обычаю, страшному закону Магр, женщину, преступившую обет, бросают в лабиринт, в колодезь. Ты видел его... Но я не могу противиться любви, Сын Неба...

— Не бойся, — Лось успокаивающе погладил Аэлиту по руке. — Не бойся. Если ты опасаться, что Тускуб

найдет нас здесь, завтра же переберемся в другое место. Пустых домов у вас много, а теперь будет еще больше. Улетим за горы. А вернется Гусев, то и вовсе к нам на Землю. Только бы с Алексеем Ивановичем ничего не случилось. Нужно обождать еще день.

Лось замолчал. В его голове пронеслись картины восставшего города, возбужденные лица, Гусев с маузером, потный, скалящий зубы, шумно хлопающий по плечам окруживших его марсиан. Видения пронеслись и исчезли, оттесненные одурманивающей тишиной ночи, блеском костра и близостью Аэлиты. Держа Лосю за руку, она пристально, с каким-то странным выражением смотрела на него.

— Полюби меня, Сын Неба, — тихо произнесла Аэлита, голос ее дрожал, страсть и отчаянье слились в нем, — я хочу узнать любовь — единственное счастье, отмеренное женщине. Наши мужчины не умеют любить, взгляды их туманятся от дыма хавры, и груз тысячелетий отнимает желание и силы жизни. Только ты можешь сделать меня счастливой...

Голос Аэлиты прервался, прикинув к груди Лосю, она обхватила его за плечи. Лось молча прижал к себе ее дрожащее тело, стал гладить по спине, волосам. Через минуту, уняв дрожь, Аэлита отстранилась и сказала:

— Прежде я должна рассказать тебе... Это будет мой третий и последний рассказ, — она так твердо и отрешенно произнесла слово "последний", что пронзительная тоска сжала сердце Лосю, губы его дернулись, но он промолчал, пораженный непререкаемой силой ее голоса.

— Магацитлы не были единственными пришельцами, посетившими древнюю Туму.

Прошли тысячелетия с тех пор, как умер последний Магацитл, и след их остался лишь в памяти поколений, в гигантских пирках и голубой коже. Лишь ничтожная часть знаний использовалась потомками Аолов, главное же, заключенное в книгах, укрытых в тайниках последними мудрецами, было забыто. Только из селения в селение ходили бродячие певцы с маленькой улюлой и волновали странными и несбыточными сказаниями сердца и умы Аолов.

Но вот однажды в небе прочертила след яркая звезда. Она упала за Лизиазирой, там, где теперь развалины Лизанды — столицы страны по ту сторону гор. Там упал и твой аппарат, Сын Неба.

Пастухи долго не решались приблизиться к огромному, покрытому черной коркой нагара яйцу. И лишь на закате один из них, шохо по имени Туан, осмелился подойти.

В летописях того времени сказано:

"Оно расколосось, как семя дерева бо весной, и внутри пастухи увидели четырех Магацитлов. Они были велики ростом, а лица их — черны, как пепел у подножия вулканов".

Весть о новом пришествии Магацитлов быстро облетела окрестные селения, и многие приходили смотреть на них и их железный корабль. Вновь вспомнили Аолы древние предания о кровавых временах нашествия Магацитлов.

Туан был первым, кто возродил учение сумасшедшего пастуха и развил его. Он говорил: "Могущественные Магацитлы покорили Туму и дали жизнь голубому племени гор. Они умерли и увезли с собой свои тайны, мы не можем постичь их смысл. Но они вернулись. Снова будут падать на Туму свирепые и неумолимые Сыны Неба. И придет смерть, и кровожадный ча станет пожирать слабых, а паук сплетет сеть в наших домах. Бойтесь! Сыны Неба велики и мудры. Они придут и уничтожат всех непокорных. Покоритесь, и вы сохраните свои жизни и своих хашей".

Так учил Туан. И многие верили ему. Опять горели костры у Священного порога, и люди поклонялись кровавой звезде Талцетл.

Чтобы не дать распространиться опасному учению, вожди решили: "Сделаем с ним то же, что наши предки сделали с сумасшедшим пастухом: кинем его в Священное озеро, ибо он вселяет в людей страх и безволие". И Туан стал вторым, кого за последнюю тысячу лет сбросили со Священной скалы.

Прошло немного времени, и сбылось пророчество Туана. Земля Тумы задрожала от грохота падающих кораблей Сынов Неба, и снова багровым светом горела после вечерней зари злая звезда Талцетл.

На этот раз лишь десять дней падали блестящие яйца на почву Тумы и почти все оставались целы. Как семена зла, зарывались они в землю, выпуская из своего чрева воинов в сверкающих доспехах и летающие лодки, которые понеслись во все концы света.

В книгах Тца записано:

"Они были снабжены приспособлениями, расположенными в надлежащих местах. Ни звери, ни люди не везли их. Они двигались устройствами, которые были размером с дом".

Крылатые корабли черными теньями повисали над селениями Аолов, пришельцы кидали в непокорных шары, извергающие синее пламя, и струями жидкого огня жгли хижины. Скрыться от них было невозможно. И Аолы поняли, что наступил час великой битвы.

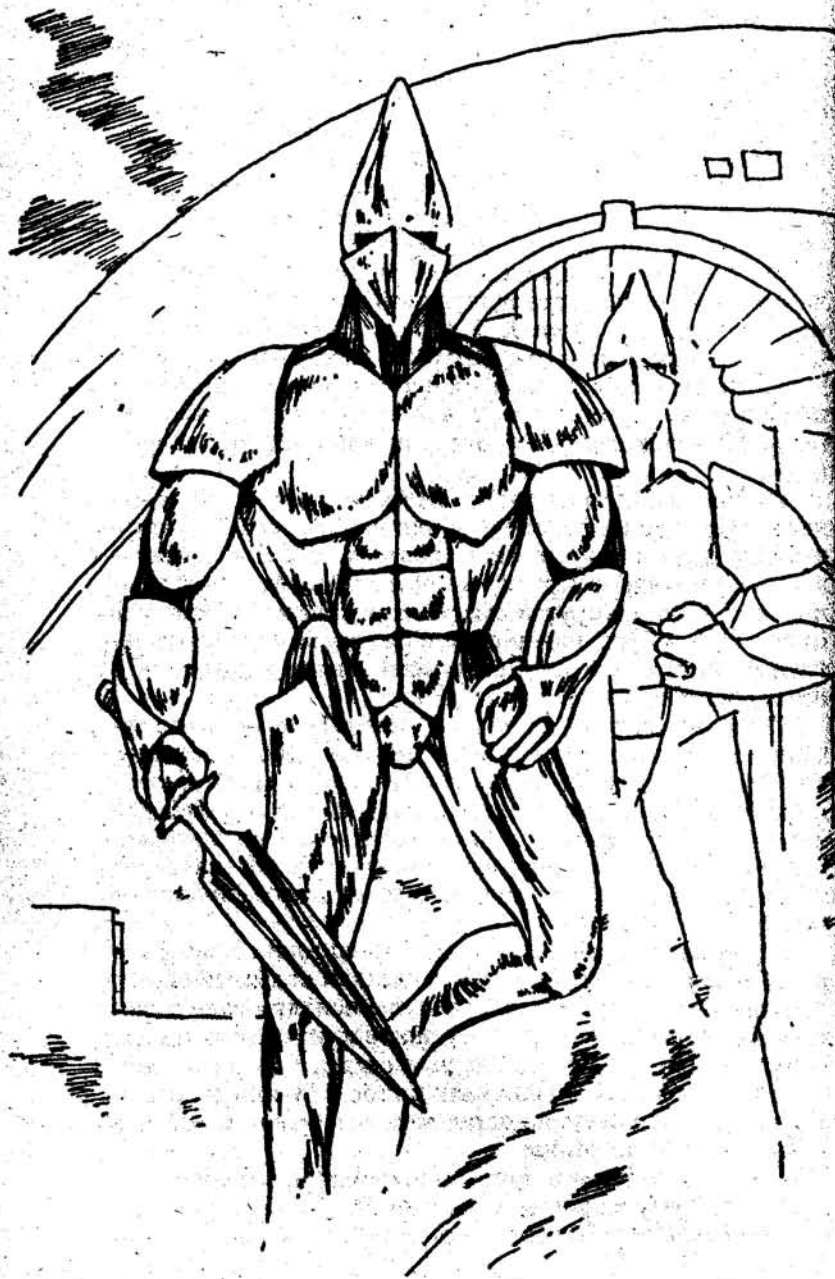
На обширных равнинах Азгара, покрытых густыми лазоревыми лесами, стали копиться силы. Забыв распри, пришли рыбаки, жившие в пещерах на берегу южного океана, вооруженные палицами и топорами из костей морских чудовищ. Выползли из болотистых джунглей пожиратели пауков, одетые в панцири из их жестких шкур. Из далеких степей потянулись дикие кочевые племена.

Собравшись, Аолы вышли из лесов и огромной ордой двинулись в те места, где разбили свой лагерь Магацитлы. Они шли, гордые своим числом и силой. Неужественные племена не ведали, что пришельцы только и ждали, пока Аолы соберутся вместе, чтобы разом покончить со всеми. Как буря, налетели они на войска и вмиг разметали и уничтожили их. Оставшихся в живых догоняли и безжалостно жгли крылатые лодки.

Пустынно и тихо стало в селениях. Некому стало защищать жилища от хищников, некому добывать пищу, некому рожать детей. Тогда вожди надели древние панцири Магацитлов, покрыли головы ушастыми шлемами с острыми гребнями, в знак того, что они потомки могучих Атлантов, и пошли преклонить колена перед Сынами Неба. И вскоре мир сошел на благодатную землю Тумы.

С помощью Аолов пришельцы построили новый город. Они назвали его Вагамбо и сделали столицей своего царства. В строительстве Магацитлы использовали диковинные машины, которые переносили огромные камни, копали землю и выжигали дыры в скалах. Самых способных из Аолов они приближали к себе, обучали и делали своими помощниками, остальных же брали в рабы, а женщин — в наложницы.

После того, как все пришельцы умерли, знание вновь покинуло Туму на долгие столетия. Лишь полвека назад, завоевав древнюю Лизанду — столицу страны, владевшей

тайной третьей планеты, — мы проникли в тайну второго нашествия Магацитлов.

Вот что рассказали древние книги.

Когда наступил конец мира, и Город Ста Золотых Ворот погрузился на дно океана, некоторые из оставшихся на Земле Магацитлов спаслись от потопа на воздушных кораблях. Они разлетелись по свету, разнося семена знаний и основывая новые царства. Сильные государства образовались на севере материка черных, в стране желтых людей и на плодородных долинах Индии. Полудикие народы, покорившиеся Атлантам, жадно впитывали доступные им знания, обучались всяческому ремеслам и наукам. Смешение культур дало начало развитию новых цивилизаций, соединивших мудрость четырех рас, властвовавших в Городе Ста Золотых Ворот, с мечтательностью и страстностью первобытных племен.

Но остаткам могучего народа Атлантиды не было суждено возродить культуру и былую силу погибшей родины, между ними не было мира и согласия, каждый стремился поработить соседа. Люди покидали оплавленные развалины городов, гибнущие в жарком пламени битв, разбредались по горам, лесам и степям. Когда последние Магацитлы исчезли с лица Земли, в мире возродилась первобытная дикость.

Прошли столетия, и в нем появилась новая сила, готовая стать его властелином. На лесистых просторах материка, лежавшего к югу от Индии и к востоку от страны черных, разгорался свет новой цивилизации. Эти далекие земли, Земзе, племена негров, основавшие царство Атлантов, покорили ее в незапамятные времена. Здесь они встретились с покрытыми шерстью гигантами, не знавшими железа и не умевшими строить хижины. Они питались плодами и ходили, опираясь на согнутые пальцы рук. Защищаясь, гиганты бросали в воинов Земзе огромные камни. Но Земзе — древние охотники и укротители слонов — силой и хитростью усмирили их и заставили служить себе.

Когда свирепые краснокожие воины захватили и разграбили Великий город, порвалась связь народов. Одни города пали под ударами орд жаждущих богатства кочевников, другие пришли в упадок сами. И лишь немногие сохранили культуру и знания.

Много времени отсчитали часы вечности, в Городе Ста Золотых Ворот трижды сменилась власть: хитрые и

умные торговцы, оливково-смуглые Сыны Аама изнутри подорвали династию краснокожих военачальников Уру, и сами были сметены племенами кочевников Учкурор. Пришествие желтолицых и узкоглазых кочевников положило начало самой высокой волне цивилизации Атлантов. В долгих войнах снова были покорены отпавшие страны и народы. На севере воевали с циклопами — избегшими смещения, одичавшими потомками племени Земзе. Великий завоеватель Рама дошел до Индии. Он соединил младенческие племена арийцев в царство Айдохья и покорил воинственных потомков Атлантов на острове Ланка. Так еще раз раздвинулись до небывалых размеров и окрепли пределы Атлантиды — от страны Перистого Змея до азиатских берегов Тихого океана.

Достигши Учкуроры и новой родины Земзе — покрытого лесами южного материка. Но Земзе отказались подчиниться им, и тогда с кораблей сошли отряды закованные в бронзу краснокожих, с украшенными перьями щитами, в высоких, наводящих ужас шлемах. У Земзе не было сил противостоять войскам Атлантов, и они покинули солнечные, богатые дичью и рыбой побережья и укрылись в густых лесах.

Учкуроры не решились преследовать их и, оставив брошенных городах и деревнях поселенцев и сильные гарнизоны, вскоре отплыли назад.

Неслись чередой века, гибли в огне и возрождались из пепла страны и народы, а на новой родине Земзе росла и крепла жизнь. После потопа, уничтожив колонии пришельцев, этот древний неутомимый народ заселил весь южный материк. И везде Земзе наваливали пирамиды из земли и камней, в знак того, что это место прочно, а на вершине водружали столб с пучком перьев птицы клинги. Позже в этих пирамидах стали погребать вождей.

В книгах Шен-Ро — великого ученого и поэта древности — мы нашли отрывки сказаний, повествующих о завоеваниях народа Земзе.

Двигнувшись на север, в Индию, Земзе столкнулись с сильным сопротивлением. Могучий правитель Кукра, повелитель сотен царей и народов, поклонявшихся многорукому богу, преградил им путь с многотысячным войском. У него были боевые слоны в щипастых панцирях, с окованными бронзой бивнями, львы и леопарды, натасканные на людей; к осям колесниц его воинов были

привязаны длинные косы и зазубренные ножи, разрывающие врага.

Велика была сила Кукры, но ему не удалось устоять перед оружием Земзе.

Об их битве в "Книге Непостижимого" сказано так:

"Но Земзе применили оружие богов, похожее на гигантскую железную стрелу, которая выглядела как великий посланец смерти. Сверкающий снаряд, который заключал в себе силу всей Вселенной, обладающий сиянием огня, лишеного дыма, был выпущен. Вспышка была яркой, как тысяча солнц в зените. Густой туман внезапно покрыл войско. Все стороны горизонта погрузились во мрак. Поднялись несущие зло вихри, тучи с ревом устремились в высоту неба. Мир, опаленный жаром этого оружия, был в дихорадке. Казалось, даже солнце закружилось. Тысячи людей были сожжены, слоны, обожженные пламенем оружия, бежали, объятые ужасом. И еще многие погибли позже".

После Кукры уже некому было сдерживать завоевателей, и Земзе быстро покорили всю Индию. Они захватили древний город Рум, в котором Сурид, один из царей, живших до потопа, выстроил две железные башни и приказал жрецам спрятать в них записи знаний безвозвратно ушедших народов — того, что они достигли в различных науках, ремеслах и искусствах. Там же находились и книги Атлантов. Земзе добыли эти знания и развили их, породив могучую цивилизацию предков.

Они отвергли учение Атлантов о Вселенной и создали собственное. Они говорили так:

"Человеческий разум является лишь частью абсолютного мирового разума, цель которого — познать самое себя. В межзвездном пространстве чистый разум бесформен и бестелесен. Он — тень, эхо, мысль без тела, не видящая и не знающая своей сущности и предназначения.

Чтобы познать себя, разум воплощается в материю. Но материя бездушна, она мертва и неподвижна и не может служить познанию сущности вещей. Поэтому, идя к своей цели, абсолютный разум на стадии материи создает живую природу, вершиной которой является человек. Он — глаза и уши мировой идеи, он — ее душа, стремящаяся к бесконечному познанию мира".

На стенах своих храмов люди Земзе высекали спираль — символ пути и вечного движения разума. Разуму чужд покой, учили они, покой препятствует достижению

цели. Поэтому мировая идея всегда уничтожает омертвевший разум, как уничтожила царство Атлантов.

Свои знания народ Земзе с помощью птичьих знаков заносил в скрытые в храмах книги, доступ к которым имели немногие. Земзе предостерегали: "Кто волшебные тайны слова постигнет, пусть хранит и в учении скроет". На дверях храмов они начертали: "Замкни уста! Огради свой уста!"

Шли века. То были столетья невиданного расцвета культуры и науки, великих завоеваний, строительства и путешествий. Корабли черной расы бороздили все океаны, заплывали в самые отдаленные и неведомые уголки Земли, и повсюду Земзе оставляли ростки цивилизации, обучали огню, железу и письму. По берегам морей были расставлены огромные тесаные глыбы с высеченным на них лицом негра, предупреждавшие, что у этих земель есть высокий и могучий властитель. Их птичьи знаки высекли даже на скалах западного материка, где бродили одиночавшие племена краснокожих потомков Уру, поклонявшихся солнцу в образе пернатого змея.

На побережье далекого северного океана, которого достигали корабли Земзе, пробираясь меж чудовищных, невиданных доселе ледяных гор, были построены каменные спиральные лабиринты — символы движения абстрактного разума. Этим Земзе хотели показать, что здесь, в диких и бесплодных местах, проходит граница познания и непознанной Вселенной.

Не было пределов мудрости и могуществу Земзе. Они стали единственными владыками всего света. Дикие и воинственные племена и народы были укрощены или уничтожены при помощи оружия и знаний. Наступила пора долгого мира и спокойного труда.

Но однажды дивная вереница безмятежных столетий была прервана. На севере южного материка — центра государства Земзе — разверзлась трещина и, поглотив целый город, сомкнулась. Это событие совпало с сильными толчками земли. Большие части суши на западе и севере опустились под воду, отделив страну Земзе от материка черных, где обитали их одиночавшие сородичи, и Индии.

Более четырех столетий боролся народ Земзе с жестокой природой, но тщетно. Климат становился холоднее и суше, пепел вулканов губил посевы, уходили под землю реки и источники, все меньше оставалось скота и диких

зверей. Вновь на границах копились племена жадных кочевников, ждали часа, чтобы хлынуть в недоступную, желанную веками, сказочно богатую, обетованную землю.

Возродился древний культ подземного огня — Змея Мировой Бездны — стремящегося ввергнуть мир в состояние первичного хаоса. Были возобновлены кровавые жертвоприношения — мистерии кормления ненасытного чудовища. Вскрывая грудь обреченным, жрецы сыпали на живое сердце раскаленные угли, восклицая при этом: "Назад! Вернись в глубины бездны, туда, где повелел тебе быть твой отец! Не приближайся к этому месту, где находятся люди!"

Земзе прочли старинные книги, хранившиеся в храмах, и нашли в них сказания о катастрофах, потрясавших в древности Землю. В этих книгах говорилось:

"Опора небес обрушилась, Земля была потрясена до самого основания. Небо стало падать к северу. Солнце, Луна, звезды изменили путь своего движения. Вся система Вселенной пришла в беспорядок. Настал великий холод, на Землю пали губительные зимы, они привесли с собой лютые морозы и снег в четырнадцать пальцев толщиной".

Были найдены и прочтены полуистлевшие свитки папируса, повествовавшие о гибели Атлантиды. Но было уже поздно. В дыму и пламени рождались новые горные цепи, вспучивали свои хребты на спокойных равнинах; проснулись, грозно зарокотав, молчавшие тысячелетия вулканы. Вспарывая землю, вырывались языки внутреннего огня, клубящиеся облака пепла затянули небо, подобно грозным тучам.

Толчки земли становились все сильнее и разрушительнее. Весь материк, словно глиняный черепок, покрылся глубокими трещинами: подземный огонь и ядовитые газы, вырывавшиеся через них, сжигали и душили людей. Гремели вулканы. Огромные части суши, откалываясь от материка, тонули, как углые корабли, в разбушевавшемся океане. Наступил конец света.

Десять дней и ночей взлетали ийцевидные аппараты над столицей, рассекая клубящиеся над городом тучи пепла и пепла. Обезумевшие толпы ломались в ворота храмов, ища спасения, которого не было. Улицы были покрыты трупами, меж которых бродили пьяные и сумасшедшие. Тусклое, словно тухнущий уголь, солнце, едва пробивавшееся сквозь черную завесу, сумеречным све-

том озаряло горящие развалины, ужасные картины грабежей, насилий и убийств — агонию великой цивилизации.

Глубокой ночью истерзанные остатки материка расколол надвое ужасный подземный удар. Волны океана вздыбились гигантской стеной и ринулись в распоротое чрево. Неописуемой силы взрыв потряс Землю, полночь озарилась дневным светом, в разные стороны понеслись свирепые волны, крушащие все на своем пути. И страны Земле не стало... — Аэлита замолчала.

Молчал и Лось, потрясенный открывшейся перед ним бездной тайн и ужасов прошедших времен, роковым сплетением всех загадок истории. Постепенно из не постижимой памяти двух миров выплыло нечто волнующе-знакомое и одновременно пугающе-чуждое. Это была мудрость тысячелетий, объединявшая в одно целое и объяснявшая сразу все: загадки египетских пирамид, тайны учения Йогов, предания народов, повествующие о потопах и летающих колесницах, статуи острова Пасхи, вечно смотрящие в небо, необъяснимое совпадение знаков письма этого острова, квадратных печатей, найденных в древнейших городах Индии, странное сходство с ними древнекитайских иероглифов, птичьих знаков индейского племени куна, орнаментов Суматры и Полинезии. Лось припомнил открытые недавно громадные каменные глыбы, расставленные неизвестно кем и зачем по берегам Западной Европы. Вспомнились ему и таинственные каменные лабиринты, разбросанные по всему побережью от Белого моря до Британских островов, и многое другое.

Прошло время. Наконец Лось очнулся от дум и взглянул на Аэлиту: сложив на коленях руки, она отрешенно смотрела в огонь. Лось порывисто обнял ее за плечи и прошептал:

— Милая...

Тогда Аэлита вынула из-под плаща маленькую уллу и, сидя, опираясь локтями в поднятое колено, тронула струны. Они нежно, зазвенели. Аэлита подняла лицо к проступающим во тьме звездам и запела негромким, низким, печальным голосом.

Костер догорел. Опустив уллу на колени, Аэлита глядела на угли. — они озаряли красноватым жаром ее лицо.

— По древнему обычаю, — сказала она сурово, — женщина, спевшая мужчине песню уллы, становится его женой.

ВСЕГО СВЕТЛОГО

1 а.

Вернов лежал на куче сбитой соломы и осторожно дышал. Его невыносимо мучил кашель. Чтобы не потревожить сломанную в бедре ногу, он изо всех сил сдерживался, закусывая рукав укрывавшей его шинели. Но в конце концов кашель побеждал: острый укол в горле, спазм, захлебывающийся лай, сотрясающий тело, и неизбежная свирепая боль, вонзавшая в бедро свои иглы, трепавшая ногу судорогами.

Когда боль стихала и Вернов опять обретал способность соображать и действовать, он нащупывал ржавый кувшин с водой, оставленный ему на ночь полицаем. Пить, скорее пить, чтобы не скрутил новый приступ, чтобы было время отдохнуть от боли, собрать силы для новой.

С кувшином были свои сложности: пальцы с сорванными ногтями почти не слушались. Вернов поддевал его, словно ухватом так, чтобы ручка пришлась в выемку между большим и указательным пальцами, а сам кувшин упирался в ладонь. Разбитые пальцы кое-как придерживали его с двух сторон, не давая воде расплескаться. Каждый глоток был драгоценен. Один кувшин на целую ночь. При его жаре это совсем немного.

Сделав два-три глотка, Вернов осторожно ставил кувшин на пол и несколько минут лежал, чувствуя облегчение — боль отступала, на короткое время рассеивался в голове туман, переставало драть горло. Он глубоко ды-

шал, вдыхая холодный сырой воздух поздней осенней ночи, лившийся сквозь зарешеченное подвальное оконце. Воздух приносил последние грустные запахи осени и они отзывались в душе пустотой и безнадежностью.

Потом Вернов опять начинал чувствовать себя хуже: кружилась голова, в ней роились обрывки мыслей, образов, разговоров, и все время хотелось пить. И он пил, уже не экономя, не отдавая себе отчета, где он и что с ним.

— Кончить все до утра! — твердил Вернов в полубабытши. — До утра... все...

Ах, как хотелось пить! Воды, воды!

Шумел прибор...

Пить!

— Нужно успеть до утра...

После тридцати седьмого года, когда канули в безвестность его отец и мать, а самого Вернова вышибли с университетской кафедры как сына врагов народа, он служил дворником. Перехватывал, где удавалось, еще немного. В общем, на жизнь хватало. В сыром полуподвале, куда его переселили из светлой трехкомнатной квартиры на четвертом этаже, он прожил до октября сорок первого. Здесь в часы, свободные от забот о хлебе насущном, о болезнях, тяжелых депрессиях, работал над темой, которой мог ныне отдалиться всецело. И называлась она Атлантида. Псевдонаучная, классово-чуждая, но теперь это было не страшно, некому было оттачивать свое пролетарское чутье на нынешнем, оказавшемся на социальном дне, Вернове. Для большинства окружающих он стал мнимой величиной — существовал и не существовал одновременно.

Но это для окружающих, а для себя? Жесточайший удар судьбы не уничтожил Вернова, а лишь расколол его надвое. Он стал жить в двух разных мирах: в одном был мужем, отцом, дворником, несчастным человеком, былинкой на жестоком ветру, в другом — исследователем, фантазером, магом грез — блуждал в лабиринтах тысячелетних тайн, погружался в дучину времен, достигая истоков цивилизации, событий, стран и народов, о которых люди не знают почти ничего. И чем меньше оставалось Вернову места в первом, тем обширнее и реальнее становился второй. Жизненная сила словно перетекала из мира в мир. Сквозь вещи и людей, при свете дня и во мраке ночи проглядывали призрачные картины иной жизни, непонятно, бывшей когда-то или рожденной воображе-

нием Вернова. Позднее он узнал: такое происходило не с ним одним. Многие из тех, кто не имел сил на борьбу, страданье, смерть, но и не был способен смириться с духовным рабством, попранием достоинства, свободы, создавали свои миры, где было все, что желанно людям, все, о чем они мечтали.

Сейчас, в ночь перед казнью, когда реальный мир стал так мал, что исчислялся часами, Вернов почти целиком ушел в тот другой. Размеренный тихий голос удивительной русской женщины, Елены Рерих, живущей в далекой Индии, читал отрывки из написанных ему писем, как ключи отмыкавших перед ним двери прошлого. Бредил ли он, грезил ли — кто ведает — но Вернов ВИДЕЛ отрывки событий древних эпох, участвовал в них незримо, постигая уже не одним только разумом — душой — смысл происходившего, суть борьбы.

Странно, думалось ему, что его не лишили этих писем. Не посмели! Нет, ерунда! При чем здесь смелость: ОНИ осмеливаются и на гораздо большее...

— Кончить все до утра! — твердил опять Вернов. — Пить! Ах, как хочется пить! Хоть глоток!

Шум прибора... Откуда он в этом подвале?..

"Вы спрашиваете о времени появления братьев Тьмы. Строго говоря, братья Тьмы появились одновременно с Братями Света. То есть, с момента появления в человеке зачатка рассудка и сознательной, т.е. свободной воли. При проблеске распознавания появляется первое понятие добра и зла, и уже сознательная воля направляет человека в ту или иную сторону. Но вполне организованный стан Братьев Тьмы получил свое начало уже в четвертой расе, в Атлантиде. Их великий бой с Сынами Мудрости и Света окончился победой последних и гибелью Атлантиды".

16.

Шум прибора был последним, что помнил Иргез и первым, что он услышал, очнувшись. Над ним чернело небо с редкими звездами. Рваные тучи неслись смутными тенями. Лицо обдувал свежий, напористый ветер.

Чьи-то сильные руки подхватили Иргеза под мышки

и, рывком подняв, поставили на ноги. Подошвы гулко стукнули по полому металлу. Боль пронзила затылок и Иргез прижал к нему ладонь. Пальцы нащупали большую опухоль — сюда пришелся удар. Подчиняясь выработанной за десятилетия привычке, Иргез начал концентрировать энергию, чтобы отключить Боль, но не успел сделать это. Ему завернули руки за спину и поволокли вперед.

Он только раскрыл глаза, зажмуренные от расколовшей затылок боли, как последовал новый рывок за вывернутые назад локти — молчаливый приказ остановиться. Его завернули лицом вправо, и Иргез увидел внизу покачивающуюся на воде лодку. Осклиз в ухмылке клыкастый рот, светящимися во мраке глазами смотрела на Иргеза огромная лохматая человеко-обезьяна, прислужник Темных сил.

Могучие руки подхватили пленника под ребра и подарили человеко-зверю. Лодка глухо стукнула бортом о металл. Иргез едва сдержался чтобы не застонать от новой острой боли, пронзившей затылок. Тут его внимание было отвлечено другим событием. Корабль, на котором его доставили в крепость Темного Братства, задрожал, издавая рычание, и стих, словно умер.

Эти длинные низкие корабли, сделанные из металла и движимые неизвестными машинами, являлись одной из двух причин, по которым Иргез и другие Братья Света были посланы в стан врага. На судах, добытых в бою Светлыми Силами и их союзниками, машины всегда оказывались разрушенными настолько, что невозможно было определить, какая энергия движет их. Металлические корабли были очень быстроходны, не зависели от ветра, команды их размещались не на палубе, а внутри корпуса. Хотя и немногочисленные, они наносили ощутимый урон союзникам Светлого Братства на всех морях и океанах.

Гораздо важнее было другое. Если по уровню технического развития Белое и Темное Братства были примерно равны, то во владении главной силой — психической энергией — Иерархия Света опередила силы зла. Темное Братство было знакомо с психотехникой и даже имело машины, усиливавшие энергию духа, но не поднялось в совершенствовании ее далее низших ступеней. Не поднялось и не могло подняться, ибо высшие сферы были открыты только добру.

События последних лет заставили учителей Белого Братства решиться на опасный шаг — направить разведчиков в стан врага. Силы Тьмы неустанно засылали своих лазутчиков в союзные государства и к границам Оплотов Иерархии Света, но эти границы до недавнего времени оставались непреодолимыми для Темных Сил. Их самих или их прислужников распознавали под любой личиной, а некоторые темные сущности не выдерживали контакта с пограничным психобарьером и саморазрушались.

Но за последние 10 лет было отмечено 22 проникновения. До цитаделей прислужники Темных сил, конечно, не добирались, но территория, на которой жили Белые Братья, перестала быть для них заповедной. Настораживало и то, что Учителя не могли познать сущность шпионов. Будучи раскрыты, они самоуничтожались, превращались за считанные мгновения в кучу гниющей органики. И никакой мыслешлок не способен был остановить этот распад.

Одна человеко-обезьяна села на весла, другая, прыгнувшая с корабля, стерегла пленника. Могучие гребки быстро гнали лодку по узкому извилистому коридору. Черные скалы поднимались выше и выше, стискивая водяное ущелье. Развитое ночное зрение позволяло Иргезу видеть все вокруг не хуже его стражей.

Вот показался причал, устроенный под нависшей скалой. Множество лодок — больших и малых — привязанных к металлическим кольцам, покачивалось возле него. Толчок, скрип трущегося о камень дерева, могучие руки вновь подхватили пленника и втащили наверх.

Взору Иргеза открылась просторная пристань-грот. Тут и там на ней громоздились кучи ящиков, мешков, тюков, бочек. В глубине еле различимы были два широких тоннеля. Слева, упрятанная в расщелине, поднималась вырубленная в скале лестница. По ней страж вывел Иргеза во двор крепости. Как ни быстро они миновали его, опытный взгляд разведчика успел увидеть главное. Этот оплот Темного Братства невозможно было заметить ни с моря, ни с воздуха. Со стороны — голый каменный остров, одна из бесчисленного множества скал, высовывающих свои зубы и спины из вод Западного океана. На самом деле — целый город-порт с гаванью, площадью в центре, пробуровленными в скале ходами, выбитыми в ее толще залами и комнатами. В нишах и тре-

щинах скрыты лестницы и бойницы; ничто не останется незамеченным на подступах к цитадели; полчаса, не более, и голые скалы превратятся в неприступные крепостные стены с сотнями, а может быть тысячами бойцов на них.

Слабо освещенный коридор, по которому вели пленника, делал частые повороты и на каждом были массивные металлические двери с трехзубым знаком Атлантиды. Сейчас двери были распахнуты, но в минуту опасности они захлопнутся, станут непреодолимой преградой на пути нападающего.

Сделав 9 зигзагов, коридор выпрямился и полого пошел вниз. Редкие факелы или пятна светящейся плесени рассеивали тьму. Стояла мертвая тишина. Ее нарушали лишь тяжелый топот человеко-обезьяны, легкие шаги пленника и с некоторых пор почти неслышимые идущего сзади третьего существа.

Иргез чувствовал — это член Темного Братства, ощущал дыхание зла, исходившее от него. Пленнику очень хотелось обернуться и взглянуть в лицо этому человеку. По цвету кожи — смуглой или пепельно-серой — и густоте волос можно было определить, к какому кругу относится он — внешнему или внутреннему.

Вскоре они свернули в узкое боковое ответвление коридора. В нем на равном расстоянии друг от друга шли низкие металлические двери.

Перед одной из самых дальних, почти в тупике охранник остановился. Темная фигура в Балахоне с капюшоном выступила вперед и заслонила дверь. Послышалось звяканье замка, и фигура отступила, открывая вход в темницу. Человеко-обезьяна ввела Иргеза внутрь и посадила на каменное ложе у стены. Под ним захрустела солома.

Человек в Балахоне неторопливо вошел в темницу, неся факел. Воткнув его в кольцо слева от двери, он подал знак человеко-обезьяне, и она покинула камеру. Брат тьмы откинул капюшон, и Иргез увидел сероватое худое лицо с редкими, словно прилипшими к черепу волосами.

"Из внутреннего круга", — подумал Иргез.

— Да, я из внутреннего круга, — с тонкой усмешкой подтвердил Брат Тьмы, прочтя его мысли. — Снут-Бен... — Он сделал паузу, может быть ожидая, что пленник назовет себя.

— Там, — Снут-Бен повел рукой в сторону, — ты най-

дешь пищу, воду, вино. Я расстаюсь с тобой на ночь. Отдохни и приготовься, тебе будет задано несколько вопросов. От того, что ответишь, будет зависеть твоя судьба. Подумай.

Дверь захлопнулась за Снут-Беном, щелкнул замок и наступила тишина.

2 а.

Неожиданно Брат Тьмы снова возник перед Ирgezом — облик его поразительно изменился. На нем был мундир офицера вермахта, верхнюю губу прочертили узкие стрелки усов, рука сжимала парабеллум.

"Иргеz не мог видеть этого", — подумал Вернов, и странная картина исчезла. Ее мгновенно сменила другая: застывшие, как на фото, жена и дочь с испугом смотрели на Вернова.

Он провел языком по треснувшим губам, по припухлым ямкам в деснах на месте выбитых зубов, и ему стало мучительно жаль себя.

КОНЕЦ!!! Никто и ничто уже не поможет. Теперь до самой смерти он будет один на один со своими муками. И ничто не зачтется, не будет вознаграждено.

— Нельзя думать о своих, — прошептал Вернов. — Только о деле.

11.10.35.

"Необходимо пробудить дух человеческий! Истинно, судьба планеты в руках самого человечества! Если воскрешение духа состоится в течение грядущих малых десятилетий, то неминуемая катастрофа может стать частичной, как во времена Лемурии и Атлантиды, в противном случае, нам придется переселиться на другую планету".

"Все дело в том, — вел спор с призрачным собеседником Вернов, — что силы свои Темное Братство черпает в людях. Слишком мало добра в них и слишком легко предаются они темным силам. Возвращать в людях добро так тяжело! Стоят ли они, готовые пожертвовать всем святым ради Благополучия и наслаждений, того, чтобы кто-то отдавал за них жизнь? Сколько их уже отдано за бесконечные века?! Сколько принесено на жертвенный

алтарь? И я лежу здесь изуродованный, и завтра меня повесят. Ради чего отдана жизнь?..

Ради того, чтобы узнали, что Васька Котов предатель и провокатор?..

Не будет ни награды, ни признательности, будет только смерти!..

"Нет! Нет! Нет! Нет!" — Мучительно сморщившись, закурил головой Вернов. Не мог он согласиться, что смерть его будет нелепой и бесполезной. Нет и еще раз нет! Каждая смерть в этой Битве — доказательство превосходства Добра над Злом. Иначе была бы не смерть, а сложенная шея, рабская доля. Как бы ни было ужасно, больно, он не отступит со своих позиций. Только этого от него и ждут Братя Тьмы. Он выстоит в этом поединке — один против всех сил Зла. Победы не будет, но не будет и поражения, ибо поражение — это сломленный дух, а врагу придется довольствоваться только мертвым телом.

Вернов натянул шинель по самый подбородок: опять начинало знобить. Откиннутая в сторону сломанная нога совсем ооченела, и он почти не ощущал ее, а вместе с ней и боль. Незаметно Вернов уснул.

2 б.

Молодой жрец давно уже стоял перед картинами. Не картинами — тремя окнами, прорубленными в былую эпоху.

...Раннее утро. В черно-зеленых волнах еще дремлет ночь. Три ряда весел гонят корабль. Он рассекает грудью волны, пожирая пространство. Ключья тумана уносятся вдаль...

...Трехрогая гора с заснеженными вершинами встает у горизонта. Символ власти атлантов над миром. На далекой еще полосе земли белеет город. Над ним на склоне храм Морского бога. Мраморные колонны его тянутся ослепительными рядами. Слева, в устье реки, шумит на ветру бамбуковая роща. На опушке — слон с прямыми, как кинжалы, бивнями. Справа — крутой берег, о который с грохотом бьется прибой...

...Гавань раскрывает кораблю свои объятия. Парус убран. Надсмотрщик застыл с поднятым бичом, взлетели вверх весла. Впереди гладь залива. Десятки кораблей теснятся у причала. Люди на набережной...

Жрец перевел взгляд на художника — он был не из

Истинных — полукровка. Скошенный лоб, выпяченная верхняя челюсть, усеченный подбородок. Низкоросл, длиннорук. Обезьяна! Раньше бесправный раб, равный собаке, теперь — гражданин... Но духом он атлант. Также, как и сам жрец, мечтает об ушедшем, о невозвратном. Ему тесен этот убогий мир — тень великого прошлого.

Жрец невольно оглянулся на стоявшего у окна телохранителя. Полубог! Могуч и красив, как все Истинные. Жрец вздохнул.

"Нас становится все меньше и меньше. Мы хиреем, как пересаженное на чужую почву дерево. Мерзкие светоносцы с их ублюдочными учителями уже не удостаивают нас взглядом, предоставляя возможность расправляться с нами своим союзникам и варварам. Мы растворяемся среди местных; спариваемся почти с обезьянами и радуемся, что нас становится больше, что будто бы копится сила. Скоро не останется ни обезьян, ни атлантов, одни уродливые недоумки, похожие на своих волосатых предков, что встречаются еще в глубинах лесов".

Забыв о картинах, жрец погрузился в размышления. Море медленно поглощало его родину; волны кораблей уплывали из Атлантиды к лесистому восточному материку; бились в тысячелетней битве народы. Никто не одержал верх. Упавший с неба огненный камень погубил Атлантиду, взметнул горы-валы, стершие с берегов и островов города и колонии...

Что впереди?

Все теперь иначе. Сколько сотен лет уничтожали атланты вольные поселения на восточном материке, жители которых бежали от борьбы со светоносцами, оскверняли себя, вступая в родство с местными племенами. А вышло, что полукровки стали главной опорой нового царства. На кого еще опереться? На них да на уцелевшие колонии. Все забыто...

И государство уже не то — слаба центральная власть. Каждый правитель в провинции мнит себя царем. Да он и есть почти царь — не стало силы, которая убедила бы его в обратном. У многих уже не на уме, на устах слова: империя распадается. Всего четыре сотни лет минуло со Дня Потопа, а уже ослабели ветви и роняют плоды. Начнутся бесконечные междоусобицы, череда взлетов и падений — упадок. Варвары довершат дело. Развалины зарастут дремучими чащами, и никаких следов не останется от бывшего величия Братства Тьмы. Тогда вознесут-

ся презренные светоносцы. О, где ты Князь Тьмы?! Почему не укрепишь силы твоих слуг?!

И с западного материка нет вестей со Дня. Видно там погибли все до единого. А если кто выжил, то прозябает в дикости и потому не подает вестей. Только с далекого востока приходят радостные вести о могучем царстве Раваны на острове Ланка. Но и ему не дает покоя сосед, союзник светоносцев — Рама из Айдохьи.

Редкие пуховые облачка медленно ползли по небу. Солнце еще не достигло зенита, но от крепостных стен веяло уже жаром. Воины, утирая пот, поглядывали вверх, торопя миг, когда облако закроет пылающий диск, принесет короткое облегчение.

Варвары копошились на подъездной дороге. Тащили из лесу толстые вязанки веток, жерди, бревна. Их было не так уж много — не более семи сотен. По трое на каждого защитника крепости.

— На что они рассчитывают? — спросил жрец у стоявшего рядом начальника гарнизона.

Начальник нервно дернул головой, не отрывая взгляда от вражеского лагеря, потом спохватился и торопливо ответил столичному сановнику:

— Лес кругом. Там могут скрываться другие отряды. Ударят сзади, когда эти пойдут на штурм. Но это не страшно — так им нас не взять. Камнеметные машины пристреляны, к воротам им не подойти. А об оружье, которое могло бы раскалывать стены, я не слыхал. Посмотрим!

Варвары вынесли из леса дощатые щиты — всего девять — и, образовав черепаху, двинулись по дороге к городу. Под щитами их было явно немного, большинство осталось на месте, наблюдая.

— Готовсь! — крикнул начальник гарнизона. — Бить у первой отметки!

Ударились о рамы деревянные ложки, загудели плетеные жилы, камни глухо застучали по щитам. Черепаху поползла чуть быстрее.

— Бьюсь об заклад! — закричал начальник. — У них там стенобитная машина! Х-ха! Ну-ка, ребята, навесьте им потяжелее! Чтобы щепки полетели!

Новый залп, глухие удары, щиты развело в стороны, но не разбило.

Начальник выругался.

— Еще! Еще! Бей без перерыва! — заорал он зло, рубя рукой воздух.

Под градом камней черепаха замерла. Потом рывком продвинулась вперед и снова остановилась.

Что-то гулко ударило в ворота.

— Машина! — удовлетворенно сказал начальник гарнизона. — Готовьте луки, ребята! Камней они не боятся! Сейчас мы их к земле гвоздиками приколотим!

Кованые железные дротики легли в желоба огромных луков, заскрипели поворотные механизмы, наводящие оружие.

— Ссса! — хлестнули тетивы. — Ввуу! — басовито пропели дротики. Послышался треск и крики — один из передних щитов пронзило насквозь.

— Давай еще! — крикнул комендант.

Два новых дротика угодили в щит. Видно было, как чудовищная сила удара подбросила вышибленные куски досок в воздух.

— Пойдет дело! — начальник весело сверкнул глазами на жреца.

Но веселье его вскоре угасло, он начал беспокойно крутить головой, прислушиваясь. Что-то было не так.

Начальник высунулся по пояс из нависшей над стеной башенки, но ничего не смог разглядеть. Утопленные в стене ворота, оставались невидимы.

— Что случилось?! — спросил встревоженный жрец.

— А-а! — прокричал начальник и, прыгая через ступени, ринулся вниз.

Солдаты вновь зарядили луки и навели их в центр дощатой черепахи, под которой была спрятана стенобитная машина.

Удар! Дротики раскрошили в щепу дерево и отскочили. Еще удар! Под разбитыми досками блеснул металл.

Жрец изумленно поднял брови. Забухали шаги на лестнице — отирая со лба пот, показался начальник гарнизона.

— Мечут горшки с земляным маслом! — еще издали крикнул он с веселой злостью. — Будут жечь ворота! Х-ха! — выдохнул он, оскалившись. — Пусть жгут! За ними железная решетка, ее не сожжешь!

Начальник остановился, тяжело дыша. Жрец указал ему на скрывавшийся под деревом металл. Начальник махнул рукой.

— Пусть прячутся, что толку. В город им не прорваться. Кончится запас и уйдут.

Из-под щитов вылетела горящая стрела, затем другая, третья. Немного погодя со стороны ворот повалил густыми клубами черный жирный дым.

— Бейте, ребята, бейте их, пока не побегут! — подбадривал солдат начальник.

Неожиданно среди ясного дня громыхнул гром, стены содрогнулись, в воздух взлетели камни, обломки досок, брусев. Защитники крепости замерли в ужасе.

Варвары продолжали метать огненные стрелы. Раздался новый грохот. Начальник гарнизона отчаянно закричал и, выхватив меч из ножен, бросился вниз. Жрец побежал за ним.

Ужасные разрушения открылись их глазам: ворота были разнесены вдребезги, решетка обрывками торчала из стен. Неведомая сила перекрутила, смяла в клубки толстые прутья.

Жрец стоял у чердачного окна трехэтажного здания городского совета — самого высокого здания в крепости. Клубы дыма застилали дома. Слух привык уже к вою и крикам, к призывам бить и убивать.

Ощетинившись копьями, по улице внизу медленно пятились солдаты. Их было немного — остатки одного из разбитых у ворот отрядов. Варвары наседали, неумолимо тесня атлантов в сторону площади. Жрец понимал, там враги развернут строй, и их преимущество в силе станет очевидным.

Выждав, пока варвары окажутся перед зданием совета, он крикнул:

— Навались! Разом!

И со своим телохранителем первым скинул тяжелое бревно на головы врагов. Следом хлынула целая лавина. Окружавшие жреца люди хватали все, что попадалось под руку, и яростно швыряли вниз.

Несколько тел неподвижно распростерлось на мостовой, иные корчились в предсмертных муках. Варвары откатились назад. Жрец, высунувшись в окно, кричал и грозил им кулаком.

Кто-то догадался проломить дощатую стену чердака и выбраться на соседнюю крышу, нависавшую над головами варваров. Выстроившись в цепочку, люди быстро передавали друг другу камни, обрушивали их на врагов.

Варвары вновь отступили, но на этот раз стремительно и почти без потерь. Их предводитель — высокий, в сверкающей броне — указал мечом на здание, с которого летели камни, и его воины с ревом устремились на штурм. Загремели двери. Вскоре дым повалил из окон первого этажа. Крики, звон оружия быстро поднимались вверх. Путь на лестницу был перекрыт. Безоружные в массе горожане заматались по чердаку, по соседней крыше.

Жрец застыл в растерянности. Кто-то сильно пихнул его в плечо. Мимо, таща бревно, пробежали его телохранитель и солдат без шлема. Как тараном, стали бить они древесным обрубком по крыше. Доски треснули, и бревно проскочило в образовавшийся пролом. Еще несколько ударов, дыра расширилась, и люди один за другими начали прыгать вниз.

Спустившись в комнату верхнего этажа, жрец увидел, что телохранитель и солдат яростно долбят бревном пол. Доски трещали, бревно пружинисто подскакивало.

По счастью на первом этаже они попали в комнату, где не было ни варваров, ни огня. Через окно вылезли во двор, кинулись в подворотню, но там их встретил враг, погнав обратно.

Жрец успел увидеть, как его Истинный, возвышаясь над всеми, отбивается от наседающих варваров, рядом сверкали еще несколько мечей. Затем жреца впихнули в дверь. Началась безумная гонка по коридорам, комнатам, прыжки в окна.

Опомнился он за какой-то оградой. Вытирая с лица пот и сажу, ощутил непривычную тяжесть в руке. С изумлением долго смотрел на прямой варварский меч, запятнанный кровью.

Битва распалась на множество схваток: сражались на улицах и площадях, во дворах и в домах, на лестницах и крышах. Облака дыма окутывали порой сражающихся, заставляя прекращать бой. Солдаты — варвары и атланты — выбегали из домов, прыгали из окон, не в силах вынести жара. Раскаленные доспехи жгли тело.

Огонь, как кошка, перепрыгивал с дома на дом, перебрасываясь с улицы на улицу. Пепел и головни осыпали сражающихся. Вопли горящих заживо неслись из домов. Рушились раскаленные развалины.

Две силы сшиблись в просторном зале второго этажа

одного из домов в центре города. Горожан было больше, и они шаг за шагом оттеснили варваров к стене. Но на большее сил и умения не хватало. Как рука, пытающаяся раздавить камень, они тщетно напрягали мускулы. Мечи и копья скользили по щитам и панцирям, не доставая живого тела. Атлантам не удавалось одолеть варваров, но и те способны были лишь защищаться. И в этом положении теряли свои преимущества в оружии и навыках боя. Рано или поздно придет подкрепление или клинки атлантов нащупают брешь.

Не дожидаясь, когда это случится, двое варваров в неуволнимо короткий миг оперлись спинами о стену и ударили ногами напирających на них горожан. В пробитую брешь с ревом кинулся светловолосый богатырь. Двусторонним боевым топором он наносил сокрушительные удары. И если не убивал, то заставлял атлантов расступаться. Монолит нападающих треснул и распался на отдельные кучки людей.

Топор гиганта-варвара ухнул по щиту жреца, повергнув его на пол. Варвар захохотал, сжимая в руке обломок топорнища, отшвырнул его и выдернул из мертвого тела короткое копьё.

Жрец, поднявшись на ноги, пытался к стене, прикрывая щитом тело. Серые глаза врага встретились с его глазами, варвар весело оскалился. Сделав обманное движение, он заставил атланта раскрыться и со страшной силой метнул копьё. К счастью, жрец успел повернуться боком, и оно скользнуло по кольчуге, скрытой под одеждой. Но удар был так силен, что лишил его дыхания, и атлант с разинутым ртом сполз по стене, повиснув на собственной одежде.

Варвар повернулся к нему спиной и, подхватив с пола меч, напал на другого врага.

Волосатые, перепачканные сажей ноги светловолосого богатыря танцевали перед лицом жреца. На этот раз варвару попался опытный противник.

Хватая ртом воздух, жрец медленно сжимал рукоять меча. Наконец силы вернулись к нему, и он что было сил рубанул мечом по маячившим перед глазами ногам.

3 а.

Раздавшиеся неожиданно выстрелы вырвали Вернова из сна. Он открыл глаза и тут же опять закрыл их. Голова

была, как пылающая печь. Боль обручем стягивала надбровья, виски, затылок. Вернов попытался разлепить губы, чтобы попросить пить, но вспомнил, где находится и что он в подвале совершенно один. Пошарив возле себя левой рукой, наткнулся на кувшин и опрокинул его. Тот пусто звякнул об пол. Надежда и силы оставили Вернова, голова закружилась, и он снова провалился в тяжелое забытьё.

Во сне он увидел старика с длинной седой бородой, в черном костюме и черной круглой шапочке. В руках он держал кисти. Рядом за столом сидела пожилая красивая женщина в длинном темно-бордовом платье. Лицо ее было добрым и одухотворенным.

"Это она!" — подумал Вернов во сне.

Подвальное оконце медленно, но неумолимо светлело. Выступали из тьмы облупленные, в сырых разводах стены, обрисовалась фигура лежащего на полу человека. Его серое обросшее щетиной изможденное лицо было почти одного цвета с укывавшей его шинелью. Человек тяжело с булькающим хрипом дышал. Потрескавшиеся от жара губы непрестанно шевелились.

Вернов проснулся в последний раз, когда уже окончательно рассвело. Лицо и грудь были мокры от пота. Жара не было. Вернов зябко поежился под сырой, плохо греющей теперь шинелью, прислушался. Наверху в комендатуре хлопали двери, топали сапоги, раздавались неясные голоса.

"Скоро за мной придут, — подумал Вернов. — Если бы не нога", — и тихонько провел ладонью по сломанному бедру.

"Умирать будет больно, — сказал он себе. — И лучше об этом не думать. Больно, но недолго".

Вернов попрощался со своими. Хмуро, с горечью глядел в лицо жены, ласково улыбнулся дочери, поцеловал обеих, ощутив на миг их родное тепло, запах. Сердце жалобно заныло.

"Скорее бы!" — выкрикнул он про себя, торопя смерть. Но она заставила ждать себя еще полчаса. Затем загрохали по ступеням кованные сапоги, заскрипела дверь... И Вернов сказал шепотом:

— Встань, друг. Получена весть. Твой отдых окончен. Всего тебе светлого.

Иргез осторожно прислонился теменем к холодной стене и закрыл глаза. Первым делом он проверил мысленно блок. На всех уровнях он был прочен. Иргез ощущал, какому сильному давлению подвергается барьер в верхней части — словно в него били мягким тараном. Равномерно и неустанно. На других уровнях, как и ожидали Учителя, все было спокойно. Темное братство овладело лишь одним слоем волн психической энергии. Другие были им неведомы и по-видимому недоступны.

Затем Иргез снял в затылке. Подавив боль, Иргез встал и обследовал темницу. Помимо лежа в ней имелись: каменный выступ, заменявший стол, узкий колодец, накрытый деревянной крышкой (из него тянуло испражнениями), щель в потолке слева от двери — через нее шел холодный свежий воздух.

Иргез попробовал воду, вино и определил способом, известным Белому Братству, что в пищу и воду подмешано незнакомое вещество. Вино было без примесей.

"Тонкая шутка Снут-Бена, — подумал Иргез. — Подмешан наверняка наркотик, ослабляющий волю, а вино само по себе яд для любого брата Света. Мол, выбирай: с ядом или чистый яд".

То что он остался без воды и пищи, не беспокоило Иргеза — разведчик был готов ко многому. Вернувшись на каменное ложе, он сел, подогнув под себя ноги, и положил руки на бедра.

"Надо мной голубое небо, подо мной черная бездна", — мысленно произнес Иргез и тут же увидел их. С неба и из бездны навстречу друг другу крутящимися смерчами двинулись два красных шнура энергии. Они приблизились: смерч бездны вошел через копчик в позвоночник и поднялся до макушки, встретившись там со смерчем неба. В точке их соприкосновения зажегся ярко-красный шарик. Его энергия брызнула в стороны, потекла вниз по коже, обливая голову, шею, плечи, грудь, все тело до стоп. Проникла вглубь, пропитывая постепенно всю плоть до костей.

Иргез разослал во все стороны пульсирующие образы своего тела: вперед, назад, вправо, влево, вверх, вниз. Энергия разлетелась клубами, сверкая и переливаясь. Затем он стянул образы назад и единым усилием послал энергию от стоп к макушке. На ней снова зажегся крас-

ный шарик. Тогда Иргез пустил шнуры-смерчи навстречу друг другу. Ввинчиваясь, они прошли позвоночник и исчезли: один в голубом небе, другой в черной бездне.

Иргез услышал звук "до", ощутил запах розы сладкий вкус во рту, горячее покалывание в ладонях. Низший энергетический центр был заряжен. Оставались еще шесть — оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый.

Проведя полный цикл, Иргез повторил его со спиралью, образовал каналы и стал прощупывать потоки космической энергии, чтобы определить, к какому из 12 созвездий Зодиака следует подключиться сейчас. Каждое из них "работало" два часа. Он перебрал последовательно четыре созвездия: Тельца, Близнецов, Рака, Льва, пока не ощутил ток энергии. Итак, время Льва. Значит от одного до трех часов ночи. Иргез создал резонансную цепочку: созвездие Льва-Солнце-канал "эф" (в это время именно последний воспринимал энергию) и ощутил одновременно прилив сил и облегчение. Все полезные лучи поглощались организмом, все вредные проходили через него, как сквозь пустоту.

Закончив второй цикл, Иргез почувствовал, что готов к выполнению того задания, ради которого оказался здесь — в крепости Темного Братства. С предельной осторожностью он перешел на низшую волну психической энергии и стал искать на этом неощутимом для братьев Тьмы уровне сознания врагов, пытавшихся сломить его мысленно.

Врагов было двое. Они сидели в креслах с высокими спинками перед необычной машиной. Выступавший из стены корпус блестел металлом. На передней панели размещались множество рычажков и кнопок. Две стеклянных, сужающихся на концах трубки выходили из машины. В них пульсировала белая с черными прожилками перламутровая жидкость. Она медленно текла к лицам темных братьев и рывком уходила назад. В эти мгновения Иргез слышал (чужими ушами) глухое "умп!" и ощущал (сам) удар тарана в мысленно.

Он с интересом разглядывал изобретение Сил Зла, с помощью которого они пытались сломить его защиту, ворваться в сознание, подчинить его себе и вывести тайны Белого Братства. С потолка на тонких шнурах свешивались черные шары размером с апельсин, усеянные мелкими отверстиями. Из них периодически брызгал се-

рый дымок с характерным запахом наркотической растительной смеси. Руки братьев Тьмы покоились на подлокотниках, запястья стягивали черные кожаные браслеты с множеством металлических заклепок. От каждого браслета к машине тянулись четыре провода.

На неощутимой для братьев Тьмы волне Иргез исследовал сознания обоих и почерпнул в них немало ценных сведений, в том числе, о машинах-усилителях психической энергии, о интересовавших Иерархию Света кораблях, о крепости, в которую он попал.

Легкий холодок пробежал по спине Иргеза, когда он узнал ее название — Маркарана. В переводе с атлантского это означало: Цитадель Темных Сил. О ней не раз сообщалось в донесениях, истории одна страшней другой рассказывались об этом гнезде прислужников Князя Тьмы среди морских торговцев, солдат, прибрежных племен, среди магов. Но никто не мог указать, где находится Маркарана и что скрыто в ней.

Только сейчас, запоздало, дошел до него смысл двух событий этой ночи. Первое: как удалось врагам подкрасться к нему незамеченными, если он прослушивал окрестности на волнах разной высоты. Иргез был приманкой. Он ждал, когда его захватят Темные Силы — иного способа проникнуть в одну из их цитаделей у него не было. Вернее, они существовали, но их использовали для внедрения в стан Темных Сил других разведчиков.

Иргез сидел возле костра на берегу Западного моря, слушал шум прибоя и ждал. Он ощущал присутствие Темных Сил, но ощущение было странно смутным, как будто разведчик столкнулся с существами, волны сознания которых отличны от волн человека и зверей. Иргез никак не мог точно определить местонахождение врагов, расстояние, отделявшие его от них.

Затем были удар и тьма. В тайниках сознаний атлантов, сняв мелкие мыслеблоки, обнаружил он сведения о шейных экранах, глушивших психополя тех, на ком они были надеты, и не пропускающих внешние сигналы. Это была очень важная информация. В перспективе развитие техники экранов могло быть распространено на другие диапазоны психополя, и Иерархии Света стало бы неизмеримо труднее бороться с Темными Силами.

Второе: то, что его — по всем данным фигуру в Иерархии Света мелкую — собирался допрашивать высший чин Темного Братства Маркарана — вот объяснение. Од-

но из мрачных гнезд Атлантиды, цитадель Тьмы. Принадлежащих к внутреннему кругу здесь должно быть немало. Последнее означало, что на выполнение плана у Иргеза есть только одна эта ночь. Недолго ему удастся одному противостоять такой силе. И умереть ему тоже не дадут. Приказы об остановке сердца или дыхания блокируются проще всего. Единственное, что оставалось Иргезу, если не удастся бежать нынешней ночью — очистить память и превратиться в полуидиота, не способного предать. Но и тогда сохранялась опасность, пусть незначительная, что где-то в закоулках его сознания сохранится обрывки информации, и невольное предательство совершится.

Все было продумано и учтено, кроме Маркараны. Иргеза специально забросили на самую окраину империи Атлантиды, где братья Тьмы встречались редко, и ему поначалу пришлось бы иметь дело с простыми низшими сущностями. Проникновение его вглубь империи должно было быть постепенным и неглубоким, только до тех пор и до той степени, пока ему не удастся получить ответ на один из интересующих Учителей вопросов.

Иргез проверил время: часы Льва миновали, на небосводе царствовала Дева. По интенсивности потока энергии он определил, что она совсем недавно сменила своего предшественника. Значит, было чуть больше трех часов ночи. Далее, чем на первый час восхода Весов, он не мог позволить себе отложить бегство — будет уже шесть утра — и если не темные братья, то низшие сущности, их помощники, пробудятся ото сна. Все может быть погублено случайной встречей в коридорах, во дворе, в гавани.

"Все мысли, все оценки после! — приказал себе Иргез. — Сейчас сосредоточиться на главном!"

Лучом энергии он начал медленно обшаривать пространство вокруг себя, ища Снут-Бена. В сознании этого человека был скрыт ответ на вопрос: скольким временем он располагает.

Луч бежал по помещениям, оставляя калейдоскоп впечатлений: детали обстановки разных комнат, очертания неизвестных машин, блеск стекла, волны запахов, мыслеобразы спящих братьев Тьмы и их приспешников, мрачные и отчаянные мысли узников. В одном месте Иргез невольно задержал бег луча, не понимая, с чем столкнулся. Это несомненно было чье-то сознание, но чье, он не мог понять. Разведчик воспринимал его как

пятно мрака, в центре которого находился кусок гнилого мяса с копошащимися в нем червями. И это темное сознание корчилось от невыносимого наслаждения, от оргазма, животной радости белых жирных червей.

Иргез внутренне содрогнулся: как бездонны глубины мрака, как неисчерпаема мерзость Темных Сил. Он двинулся дальше и наконец нащупал сознание Снут-Бена. Но проникнуть в него даже на низших волнах не смог. Ощущение было точно таким же смутным, расплывчатым, как на берегу перед ударом по голове. Иргез пошарил лучом вокруг: возле двери, ведущей в апартаменты Снут-Бена, свернувшись клубком на полу, спала человеко-обезьяна. Иргез разбудил ее и внушил беспокойство. Недовольно сопя, обезьяна встала и, тихонько приоткрыв дверь, вошла к Снут-Бену. Тот лежал в мягкой постели, над изголовьем черный дырчатый апельсин пускал струйки наркотического дыма. Ошейник из блестящего металла охватывал шею брата Тьмы, прикрывая полукругом грудь.

Иргез вернул стража на место и усыпил его. Теперь он точно знал, что это ошейники-экраны ослабляют действие психолуча. Также точно знал он и то, что не у кого выведать, сколько в его распоряжении осталось времени. Нужно было начинать действовать не медля.

Открыв глаза, Иргез встал с ложа и прошелся по темнице, разминая затекшие мышцы. Тело быстро обрело боевую форму, но одновременно разведчик ощутил жажду и голод — это был сигнал о том, что значительная доля энергии израсходована, нужна новая порция ее, чтобы исполнить задуманное.

На циклы насыщения энергией, которые Иргез провел раньше, не оставалось времени. Но также, как из пространства, он умел извлекать энергию из объектов окружающего мира: животных, растений, камней. Разведчик встал спиной к свету, выбрал на стене место, где тени образовывали четкий узор и устремил в него рассеянный взгляд. Через некоторое время камень подернулся серебристой дымкой, затем края черных извилин очертили разноцветные полосы. Иргез мысленно рванулся вперед, вторгся в структуру камня. И стена медленно пошла на него.

Втянув всю энергию в седьмой центр, Иргез раскрутил фиолетовый шарик, вспыхнувший на макушке, справа налево. Каждая клетка, каждый орган стали быстро за-

полняться энергией. Силы восстановились, ощущения жажды и голода пропали. Иргез сконцентрировал все внимание на тех людях, что сидели возле машины, и единым порывом захватил их сознания, свирепо скрутил, подчинил себе. У одного из братьев Тьмы он одновременно остановил сердце — вынести из крепости двоих ему было не под силу.

Сознание врага яростно сопротивлялось, извивалось, как змея под каблуком, норовя вырваться и ужалить, но тщетно. Иргез заставил брата Тьмы выключить машину, встать и выйти из комнаты. Медленно, осторожно вел он живую куклу по коридорам, смотрел ее глазами, слушал ее ушами, прощупывая впереди дорогу лучом своего сознания. Вот где-то вдали раздался звук шагов. Иргез заставил пленника быстро укрыться в темном углу. Шаги стихли, он вновь повел его вперед, и так до дверей своей темницы. Иргез видел ее одновременно изнутри и снаружи — собственными и чужими глазами. Знак Темного Братства Атлантиды был выбит в центре верхней части двери.

Замок звякнул, и брат Тьмы ступил через порог. Этого было достаточно. Удар лучом по известному Иргезу центру погасил его сознание, враг мягко упал у порога. Разведчик обыскал его. Сунул себе за пояс обнаруженный под одеждой длинный кинжал с черным клинком и, взвалив пленника на плечо, покинул темницу. Заперев ее, он быстро дошел до главного коридора и свернул в сторону, противоположную той, с которой его привели несколько часов назад. Кратчайший путь был одновременно и самым опасным. В сознании пленника и его умерщвленного собрата Иргез прочел: ночью у каждой двери на повороте стоят на страже две человеко-обезьяны.

Пройдя по главному коридору 400 шагов вглубь, Иргез свернул направо — в узкий темный тоннель. Это был запасной выход, им редко пользовались. Здесь не было факелов, только редкие пятна плесени освещали его; стены были отесаны грубо, пол неровен.

Иргез прошел уже немало, как вдруг ему почудился неясный звук позади. Словенно говоря, это был не звук, а ощущение прикосновения чужого психополя. Разведчик застыл, сжав рукоять кинжала. Прощупав тоннель лучом на многие сотни шагов назад, затем вперед, он не обнаружил ничего — ни единого признака активной жизни. На низких волнах Иргез слушал сознания в недрах

цитадели, на высоких — вблизи себя. Маракарана спала мертвым сном. Время Девы достигло середины отмеренного ей срока. Иргез поправил на плече сползшее тело пленника и быстро зашагал дальше.

Вскоре, однако, он вынужден был замедлить шаг. Потянуло запахом горящего смолистого дерева. Факел! Значит, впереди враги! Иргез прощупал лучом окрестности: слева в караульном помещении спало восемь приспешников Темных Сил — четыре человеко-обезьяны и четыре солдата-атланта. Справа вражеские сознания ощущались так далеко, что можно было не принимать их во внимание.

Благополучно миновав перекресток, Иргез остановился, чтобы передохнуть. Еще одна опасность позади. Остался последний отрезок тоннеля. Пройдя его, он выйдет на поверхность возле лестницы, ведущей к пристани. А там уже рукой подать...

Однако эта мысль не принесла Иргезу облегчения, не подбодрила его. По непонятной причине нервное напряжение нарастало и нарастало. Интуиция подсказывала ему, что он обнаружен, и в то же время ничто не подтверждало это чувство.

В последней части тоннеля было почти совершенно темно. Впереди смутно белело пятно фосфорической плесени. Иргез уже ощущал запах моря, и ему хотелось броситься бежать, бежать до тех пор, пока не выберется из страшного подземелья.

"Нервы, это все нервы", — произнес разведчик бесшумно и тут же спохватился — его мысль не была заблокирована. Стремительно обернувшись, он вперил взгляд в светлый прямоугольник перекрестка тоннелей, прощупал лучом коридор позади него, поперечный тоннель слева и справа и вновь почувствовал присутствие чужого психополя. На этот раз Иргез ясно ощутил его темную суть. Соприкосновение длилось мгновенья, затем психополе врага растаяло и исчезло. Кроме восьмерых в караульной, поблизости не было ни одного разумного существа.

Иргез перехватил поудобнее тело пленника под коленями и заспешил вперед. Он сделал не более 30 шагов, когда чувство близкой опасности заставило его обернуться. Прямоугольник перекрестка не был более виден — позади была тьма, и эта тьма стремительно неслась на Иргеза.

Мгновенно сбросив с плеча тело, он выхватил из-за пояса кинжал. Разведчик слышал приближающийся мягкий топот и мощное дыхание. Пятно плесени в десяти шагах от него осветило могучую фигуру человеко-обезьяны, заполнившей почти все пространство тоннеля. Блеснули клыки, глаза. Как черный демон ночи, враг молча мчался на Иргеза.

Разведчик молниеносно перехватил кинжал в левую руку. Когда враг навис над ним, занеся над головой широкий тесак, Иргез сделал правой рукой обманное движение, на миг задержав удар, и вонзил черный клинок в сердце чудовища.

Тесак высек из стены искры, и враг без крика, с коротким выдохом рухнул на Иргеза, опрокинув его на пол. Разведчик ощутил дрожь агонии, сотрясшей тело, и быстро выбрался из-под туши. Подхватив бесчувственное тело брата Тьмы, он двинулся дальше.

"Но как?! — спрашивал он себя. — Как удалось этому получеловеку-полузверю остаться незамеченным? Чем мог он защититься от всепроникающего луча психической энергии?"

С этой мыслью Иргез достиг выхода. Он корил себя за то, что так поспешно покинул место схватки и не обследовал тело чудовища. Корил, зная, что иначе поступить не мог. Предсмертный всплеск сознания человеко-обезьяны мог привлечь внимание какой-нибудь темной сущности, и если это случилось, то по его следу уже шла погоня.

Скрываясь в темном зеве тоннеля, Иргез огляделся, вдохнул полной грудью сырой чистый воздух. Стояла тихая ночь. Небо уже посерело, предвещая скорый рассвет, время Девы стремительно убывало.

Иргез вышел из тоннеля и неторопливо зашагал к лестнице. Спина его напряглась в ожидании окрика или стрелы. Но все по-прежнему было тихо. Маракarana спала, не ведая, что творилось в ее стенах.

Уже возле причала Иргез остановился — внезапная мысль-догадка пронзила его. Он понял! Перед внутренним взором Иргеза возникла лежащая на полу туша. Он вернул нападающего к светящемуся пятну: блеснули клыки, глаза — это он все видел. Вот! На темени человеко-обезьяны тускло сверкнул металл. Иргез облегченно вздохнул. Экран, только другого типа, чем те, что он видел раньше. Когда чудовище упало, пронзенное его клин-

ком, шапка-экран, видимо, слетела с его темени, и это ввело Иргеза в заблуждение.

Разведчик аккуратно опустил свою ношу в лодку, качавшуюся на легкой волне. Спрыгнул следом и отвязал толстую веревку от металлического кольца. Кольцо тихо звякнуло о скалу.

Не было ни окрика, ни стрелы в спину.

Иргез сел на лавку и взялся за весла. Медленно, очень медленно шла лодка вдоль каменной стены. Поворот, еще поворот. Скоро нужно будет пересечь бухту — корабль стоит у правого берега.

Все громче шумело море, рокот волн перекрывал все прочие звуки.

Так, вот и он. Иргез бросил левое весло и вытянул руку, чтобы лодка не ударилась о борт судна. Холодный мокрый металл закачался под ладонью. Двумя лучами — в верхнем и нижнем диапазоне — разведчик проверил чрево судна. Оно было пусто. Иргез встал и, отталкиваясь руками от борта, погнал лодку вдоль него, ощупывая ладонями гладкую выпуклую поверхность. Вскоре он наткнулся на скобу. Ухватившись за нее, стал шарить выше и нашел другую, потом — ниже, почти под бортом лодки обнаружил третью.

Взвалив пленника на плечо, Иргез поднялся на палубу. Здесь, положив тело перед собой, он заставил брата Тьмы очнуться и, прежде чем сознание врага обрело ясность и силу, подчинил его себе.

"Веди внутрь", — приказал Иргез, и враг послушно зашагал вперед.

В центре палубы размещалась небольшая — в человеческий рост — будка. Брат Тьмы нажал невидимую кнопку, и перед ним открылась дверь. Металлические ступени загудели под ногами. Внутри было светло. Закрытые утопленными в стену плоскими стеклянными колпаками, светились пятна фосфорической плесени.

"Закрой дверь", — приказал Иргез.

Пленник послушно поднялся по лестнице. Дверь коротко лязгнула, притянутая сильными пружинами.

"Иди вперед и управляй кораблем. Курс на юго-восток", — отдал новый приказ Иргез.

Пленник направился в носовую часть судна. Здесь помещалась машина с рычагами и колесами, перед ней привинченные к полу стояли три сиденья. Брат Тьмы сел на среднее и потянул тонкий белый рычажок справа над

головой. Вначале Иргез не понял, зачем это было сделано, лишь немного погодя сообразил: при помощи рычажка отодвигались заслонки, прикрывавшие круглые стеклянные окна в носу корабля. Затем атлант отжал вперед большой рычаг с круглым набалдашником, торчавший из пола прямо перед средним сиденьем. В недрах корабля что-то лязгнуло, взревело, пол сильно задрожал. Вскоре рев смолк, перейдя в тихое рычание, а дрожь сделалась значительно тише и чаще.

Иргез ощутил легкий толчок — корабль двинулся к выходу из гавани. Маракарана продолжала спать. Ни окрика, ни стрелы в спину.

"Слишком они стали сильны и беспечны от ощущения своей силы", — подумал Иргез.

Оставалось последнее — подать знак товарищам. Он сосредоточился и послал на низких волнах весть в сторону разрушенного амингирского монастыря, туда, где его ждали друзья и свобода:

"Все исполнено. Встречайте на чужом корабле".

Ответ пришел мгновенно: "Ждем. Всего тебе светлого".

ИЗ ИСТОРИИ ЛЮДЕЙ

31.7.37.

"Крайне неосновательны сведения, приводимые Шюре о Раме... Рама чистейший уроженец древней Ариаварты, царь из страны Айдохья, и никогда не покидал Индии. Арийцы-индусы задолго до Рамы пришли из степей Средней Азии и через Афган спустились в долины Индии. Так Рама не был друидом и никакого касательства к кельтам не имел.

Рама-ариец сражался с потомками атлантов с острова Ланка, и его союзниками были воинственные племена дравидов, среди которых сильно развито почитание обезьян... Потому в народном творчестве это знание переплелось с фантазией, и Хануман, предводитель дравидов, получил обезьянье обличье" (Елена Рерих).

Сверкающим нимбом пылал красный диск солнца, рассеченный надвое острием далекой горы. Унылый пейзаж полупустыни изредка нарушали чахлые серые кусты да кривые деревца. Только у неглубокой реки растительность, собравшись с духом, прерывала однообразную рябь песков и широкой полосой покрывала долину. Большая выемка, промытая в земной коре, ближе к горам сжималась в ущелье, гладкие стены которого запечатлели бывшее величие, ярость и упорство теперь немногочисленного и спокойного потока.

На берегу сидел старый понго и задумчиво смотрел на воду, по которой бежали оранжевые отблески заходящего солнца. Его длинные с согнутыми кистями руки покоились на коленях подобранных под себя коротких кривых ног. Пальцы чертили на песке какие-то замысловатые узоры. Рыжие волосы на затылочном гребне поседел, вогнутый профиль отражал усталость и мудрость.

Мимо быстро проскакал молодой пэн. Он повернул морщинистое лицо к старому понго и крикнул:

— Приветствую тебя, старый!

Понго не ответил, даже не пошевелился, лишь дрогнули надбровные дуги, и, рука, чертившая песок, отмахнула его в сторону сосунка.

Пэн подбежал к реке, встал на четвереньки и, вытянув губы трубочкой, принялся сосать воду.

Старый понго наблюдал за ним. Юркая фигурка с сильно прогнутой, словно переломленной посередине спиной, вертелась на берегу. Пэн развлекался тем, что пил теперь не губами, а обмакивая в воду руку и ловя стекающие с пальцев и шерсти капли. Наконец это занятие надоело ему. Шлепнув по поверхности ладонью, пэн, отскочил в сторону и, весело взглянув на пошедшую кругами воду, помчался прочь.

Подлетев к старому понго, он уселся, выставив вперед косолапые ступни и принялся счищать с мокрой шерсти налипший на нее песок. Понго рассерженно почесал жировой валик на щеке и угрюмо глянул на молодого пэна. Тот ответил ему веселым беззаботным взглядом, будто и не понял, что его просят убраться прочь. Подсев поближе, он начал ритуал обыскивания. Понго зажмурился от удовольствия и грустно вздохнул. Приятно, когда молодые проворные руки распутывают шерсть, выбирая из нее всякий сор и насекомых. Он вспомнил двух своих последних самок. Теперь они уже умерли, и у их детей родились дети, и он учит внуков всему, что знает сам.

Решив вскоре, что достаточно задобрил старика, пэн прекратил обыскивание.

— Наши нашли ещё одного зверя на круглых ногах, старый, — бросил он пробную фразу и хитро уставился на понго. Он знал, что самый мудрый из пангидов не пропустит мимо ушей такую важную новость. И не ошибся.

Старый понго не шевельнулся, но его маленькое ухо напряглось. Пэн шмыгнул носом и продолжил:

— Наши стали думать ему, как ты учил. Круглый подбежал и остановился. Не сразу, не все умеют думать прямо, некоторые боятся, их мысли бегут в разные стороны, и круглый тогда не слушается...

— Где?! — перебил тараторящего пэна старый понго.

— О! Неподалеку от того места, где бродит Большой Круглый Зверь.

Старик встрепенулся. Он хорошо знал эти места. Песок никогда не успевал стереть след Большого Круглого Зверя, потому что он беспрепятственно ходил по кругу и никого не пускал в свои владения. Зверь чуял всякого, кто пересекал его след, и немедленно убивал.

Однажды, давно-давно, пангиды попытались перебраться через черту, перебежав сразу в нескольких местах, думая, что Большой не сможет найти всех, но он смог, и они тоже были убиты. После этого случая и понго, и пэны, и гори страшились приближаться к рубчатому следу чудовища. Они издалека с тоской глядели на красивые каменные пещеры, ровными рядами стоявшие во владениях зверя, и рассказывали сказки о том, что в его стране пасется много разной дичи, которую легко поймать и съесть. Но Большой Круглый Зверь бережет дичь для себя.

Иногда в пустыне, в рощах или в горах пангиды находили следы других зверей на круглых ногах. Они всегда были одинаковы и походили на косые отпечатки птичьих лап, но без среднего пальца. Обнаружив следы, пангиды собирались в стаю и преследовали зверей, потому что многие из них были послушны, когда им приказывали что-нибудь делать. Они могли ловить животных, строить гнезда, носить на себе пангидов и еще многое другое. Попадались, конечно, и такие, которые не слушались. Но самым загадочным и странным было то, что эти звери ничего не ели, но, как утверждали древние преданья, существовали всегда...

Размышления старого понго прервал легкий толчок. Молодой пэн, сердито нахохлившись, смотрел на него.

— Ты меня не слушаешь. Ты что заснул?

— Нет! — тряхнул головой старик.

— Я говорю: сегодня к тебе придут, чтобы задать вопросы. В песке нашли двух сделанных из камня пангидов, но у них такой вид. Брр! — Пэн зажмурился и помотал головой.

— Где их нашли? — спросил понго, в его старческих глазах засветился огонек любопытства.

— Там! — Пэн махнул рукой в сторону.

Понго повернул свое массивное тело и, прищурившись, посмотрел вдаль, где виднелись древние развалины когда-то огромных стройных зданий. Почти все они обвалились, изгрызенные временем и песком. Но кое-где еще возносились ввысь гордые стены с торчащими из них равными прутьями стальной арматуры.

Старик знал, что там можно найти много интересно-го. Пангиды часто жили в маленьких пещерах внутри этих странных белых гор. В них было уютно и достаточно места для всех.

Дальше за владениями Большого Круглого Зверя была огромная яма с гладкими краями и дном, за ней скалы с удобными пещерами, в которых некогда жили пангиды, пока не иссяк протекавший поблизости приток Великой реки. Пангиды боялись Скользкой ямы, всякий, кто подходил к ней слишком близко, вскоре умирал. У него ключьями вылезала шерсть, тело покрывалось язвками, он слабел, слабел...

Пангиды покинули те места еще и потому, что в окрестностях ямы жили странные, а иногда и страшные звери. Число ног и голов у них было не таким, как у обычных животных. Иные были велики, как скалы, а иные могли делать такое, чему нельзя было подобрать иного названия, кроме как смерть. Так они и звали всех этих страшных зверей — СМЕРТЬ.

— Эти... каменные... ну, которых нашли, — медленно начал понго, — они наверно тяжелые?

— О! — замотал головой молодой пэн, и у него от возбуждения задвигались уши. — Они большие и тяжелые. Но старшие уговорили четырех гори — они обещали по-мочь.

Старый понго в раздумье почесал бок и сказал:

— Пусть приходят.

Когда от солнца остались лишь два красных уголка за далекой горой, а песок из рыжего превратился в серый, начали собираться пангиды. Первыми пришли сыновья старика. Они тоже были не молоды, и их шерсть успела потемнеть. За ним потянулись другие родственники и знакомые — все похоже один на другого: с высокими лбами и рыжей шерстью. Быстро прискакали пэны, усе-

лись вокруг разоженного костра, стали вертеть головами, галдеть, выщипывать друг у друга белые волосы на подбородках, грели выставленные вперед морщинистые ступни.

Потом, громко сопя, приковыляли два гори, таща то, ради чего все собрались. Их большие животы тяжело ходили, а на затылочных гребнях от усилия топорщилась шерсть. Гори поставили каменное изображение пангида в центре круга и, также молча сопя, ушли, кивнув в ответ на произнесенные старым понго слова благодарности. Они не любили огонь и разговоры, и помогли сегодня лишь из уважения к мудрому старику.

Сидящие у костра рассматривали каменных пангидов. Одни, наморщив носы, скребли головы и ребра, другие искали у сородичей в шерсти и тихо переговаривались. Все ждали, что скажет старый мудрый понго.

Он долго смотрел слезящимися глазами на изваяния, потом заговорил:

— Пангиды пришли с высокой горы Альбордж: огромной горы в центре Мира. От нее во все стороны расходятся горные хребты, вокруг нее вращается Солнце, с этой горы текут все реки, все моря и все земли разделены ею. Много-много лет живем мы здесь на равнине. Все: и гори, и понго, и пэны. И никто никогда не видел такого уродливого пангида, как эти. — Старик вытянул руку в сторону статуй, неровно освещенных пламенем костра.

Все согласно закивали.

— Но в древних преданиях упоминается зверь, которого называют "люди". "Люди" хватает пангидов и заточает их в неволю, он убивает их и ест их мясо. Но никогда и никто не видел его, и зверь этот, наверное, не живет больше, а если и живет, то в других далеких землях.

Пангиды взволнованно зашумели. Все они слышали об этом чудовище — "люди" — которым матери пугают детей. И знали, что оно похоже на них, только не имеет шерсти и ходит, не опираясь на пальцы рук. Никто не ведал, из какой седой древности пришло это преданье, но каждый пангид слышал его в детстве от матери.

— Я думаю, — продолжал мудрый понго, — что это и есть "люди". Больше некому и быть. Они безволосы и отвратительны.

— Но кто мог сделать их из камня?! — закричал один старик, размахивая руками. Другие пангиды тоже закричали и замахали руками. Их тени заматались по песку,

словно птицы с тонкими гибкими крыльями. Старый понго молчал, пережидая, пока стихнет. Два его сына поднялись и, надув горловые мешки, заревели, призывая соплеменников к порядку. Вскоре пангиды успокоились, и воцарилась тишина.

Понго встал и, неуклюже переваливаясь, подошел к изваяниям. Оперевшись на костяшки пальцев, он сгорбился перед ними и долго разглядывал.

Один "люди" был молод и высок. Правая рука его была согнута и держала что-то перекинутае через плечо. Легкий поворот курчавой головы подчеркивал суровое, даже жесткое выражение лица.

Старик оторвал руку и провел ею по поверхности статуи. Его костенеющие пальцы ощутили гладкую волнистую поверхность каменных мышц. Потом повернулся к другому изваянию. Рук и голов у него было больше, чем у странных зверей из окрестностей Скользящей ямы. Лица были свирепы, каждое скалилось клыкастой пастью. Грудь украшало большое ожерелье из черепов.

Старый понго моргнул и тяжело заковылял на свое место. Сев, еще раз повторил убежденно:

— Это люди и никто другой.

Пангиды опять заволновались. Упрямый старик, сидевший в первом ряду, закричал, указывая пальцем на "люди":

— Никто не мог сделать каменного зверя, крепче камня нет ничего на свете! Даже сосунок знает, что камнем не вытешешь такой гладкий камень!

Остальные одобрительно закивали, вытянув губы трубочкой.

Мудрый понго исподлобья посмотрел на крикуна и спокойно ответил:

— Звери на круглых ногах умеют ломать и тесать камни. Почему же не мог некогда жить кто-то, превосходящий их силой и умением?... Кто-то, кто и сделал каменных люди?

Лбы и уши присутствующих задвигались, выражая недоумение, озадаченность. Старый понго обвел глазами сородичей. Он знал, что никакого "люди" не было и нет на свете, но нужно было заставить пангидов ощутить свою независимость, силу и превосходство, а заодно и покончить с глупым суеверием. Ради блага своего народа он решился на обман.

— Все мы знаем, что люди — хитрый и умный зверь.

Он как и пангиды умел пользоваться орудиями и жил в пещерах. Пангиды и люди вели жестокую войну друг с другом. Это было давно, очень давно. Потом зажглись тысячи солнц и сожгли люди. И теперь никто не может сказать, куда они делись, если кто-то остался жив из их племени. Но мы живы!.. Значит мы оказались сильнее их, уничтожили или прогнали люди. Мы сильны, мы ловки, мы красивы!

— Посмотрите на этих чудовищ. В них нет ни красоты, ни благородства. Как мерзко выпячен лоб и спрятана назад жалкая челюсть. Разве эти глаза, торчащие в разные стороны, как у глупой птицы, могут сосредоточиться на чем-то?! А этот узкий нос?! Он не учует ничего, потому что не пропускает достаточно воздуха! Руки короткие, ими не одолеть врага. Тело голо и беззащитно — любой тощий волчишка может перегрызть ему горло.

Старик торжественно оглядел соплеменников. Они, присанившись, оживленно жестикулировали. Со всех сторон слышался кудахтающий смех.

— А ноги?.. Ноги его длинные и тонки. На таких ногах хорошо бежать без оглядки, но они не удержат тебя даже против ветра. У антилопы тоже длинные ноги, но волк все равно задирает ее.

Старый понго разволновался, грудь его часто вздымалась, пальцы перебирали на ней шерсть. Переведя дыхание, он продолжил:

— Посмотрите на себя. Могучие челюсти выступают вперед. Охраняемый ими от врага, возвышается сзади в своем проке и достоинстве благородный череп. Широкий нос, свободно лежащий под глубокомысленным лбом, позволяет чувствовать все запахи окружающего мира. Подбородок образует красивый и четкий овал, его форма говорит о мужестве и твердости. Мягки очертания щек, и лоб нависает над глазами, и они смотрят наружу, словно выглядывают из священного храма мысли.

— Что же, пангиды возникали повсюду, как колючки?! И одни горы родили понго, другие — пэнов, третьи — горы?! И в каком аду родились люди?! Мы, пангиды, как крона дерева, венец природы, тончайшее здание ума! И вот перед нами стоит один из людей, он каменный, и он молчит. А живых людей больше нет, потому что их никто не видел. Ни здесь, ни в далеких горах, ни в низовьях реки. Никогда!

Старик замолчал. Пангиды замахали руками, зареве-

ли одобрительно, раздувая горловые мешки. Все стало ясно и просто. Мудрец разгадал еще одну загадку и освободил их от тревог.

В это время послышался звук перемалываемого чем-то тяжелым песка. Пангиды повскакали испуганно, но тут же сели. Из темноты вынырнули три юрких пэна, ведущих за собой небольшого зверя на круглых ногах.

Сферический танк послушно следовал телепатическим приказам разумных существ. Шесть биокристаллических манипуляторов робота сжимали добычу: крупную антилопу. Подкатившись к костру, машина опустила антилопу на песок и застыла, ожидая нового приказа.

Пангиды быстро разделали и зажарили тушу. Мясо таяло у них во рту.

Позднее, сытые и довольные, весело блестя глазами и смеясь, они принялись болтать, играть, петь свои обезьяньи песни.

И на все это безучастно взирали два детища великой цивилизации: статуи индийского царя Рамы и его заклятого врага-ракшаса, властителя могучего царства на острове Ланка, потомка атлантов — Раваны.

Игорь Горячев

БРОДЯГА

фантастическая повесть

— 1 —

"Дэн опять не прилетел. Похоже, его снова сцапали... А, может, влип еще в какую историю, дуралей".

Чел откинулся в кресле, досматривая по видеку старый боевик. Жрать тушенку не хотелось, спать надоело, колленка продолжала болеть после вчерашнего неудачного падения; но самое главное — третий день не было Дэна, и весь срок вышел. Ждать дальше нет смысла. Чел еще раз бросил взгляд на экран, подождал, пока "зурры" не доели главного героя и выключил видеик. Он доплелся до пульта и включил обзор. В пределах парсека никаких движений. Обзорный экран тускло светил матовым светом, Чел подумал было вытереть пыль, но не стал. Вместо этого он достал из-под кресла бутылочку пивка и привычным движением сдернул пробку о тумблер-стартер. Рычажок щелкнул и отвалился, закатившись под кресло. Звездолет пошел на разгон. Чертыхнувшись, Чел полез за рычажком. "Если за три минуты я его не припаяю, то сядут батареи, — рассуждал Чел, вылезая из-

под кресла и еще раз осматривая место поломки. — И тогда хрена кто меня здесь найдет, в этой чертовой дыре."

— Шеф, осталось две тридцать, — невозмутимо произнес Кок.

— Где паяльник лучше скажи.

— Сейчас поищу.

Пока по экрану пробежали изображения захламленного коридора, столовой и склада, Чел прикладывался к бутылке, соображая, что делать.

— Вот он, шеф, в банке из-под соуса за номером 18354ММЗ.

— Иди ты... — Процедил Чел, торопясь в сортир. Он быстро вернулся и включил паяльник в розетку.

— Осталось двадцать пять, шеф.

Чел отхлебнул еще глоточек, тыкая паяльником в канифоль. Наконец, паяльник разогрелся, и из банки потянуло дымком.

— Время вышло, шеф. Ведь сколько раз я говорил...

— Да заткнись, без тебя тошно!

Чел неторопливо припаял тумблер и выключил паяльник. Звездолет разогнался по программе, движок был в полном порядке, но батареи — на нуле. Это означало, что остановки исключены, пока он не выберется отсюда к какой-нибудь станции, или не повстречает кого-то по пути. Связь долго не проработает, а аварийный СОС-блок он давным-давно загнал за два червонца какому-то типу в какой-то, уже и не вспомнить, вонючей таверне, да-да, там воняло ужасно, хозяин постоянно прыскал на пол какой-то гадостью против тараканов, а этот тип, которому он загнал блок, все время тыкал в него, в Чела, пальцем и пытался дорассказать какую-то историю о каких-то летающих ангелах, постоянно икая и смеясь неизвестно над чем. Было это... когда же это было?... Да года два назад, а, может, и три...

Чел допил бутылку и откатил ее в угол. Затем он достал ещё одну и привычным движением открыл. Тумблер выдержал. Чел откинулся в кресле и расслабился. Все, в конце концов, не так страшно, бывает и хуже... Помнится, лет пятнадцать назад, когда он только начинал бродяжить, уволившись из компании, у него были подружка Джейн и корифан Борда. Веселые были времена! Денег у них было вполне достаточно, чтобы пожить, как люди, и они славно проводили время. Чел тогда мог кутнуть на всю катушку и истратить за вечер месячное жалование, впрочем, кто тогда считал деньги, деньги — пыль, дунул — нету, главное — жить, не отка-

зывая себе в удовольствиях... Эх, где оно, это время, где они, Джейн и Борода, да и живы ли?

Разгон между тем закончился, и Кок запросил координаты. Чел пожал плечами и ничего не ответил. Он допил пиво и катнул бутылку в угол. Бутылка звякнула обо что-то и остановилась... Предстояли долгие скучные дни... Чел зевнул и, устроившись поудобнее, задремал.

— 2 —

"Ах, кума моя, кума, не своди меня с ума..."

Чел открыл глаза.

"Ах, кума моя, кума, не своди меня с ума..."

Чел вопросительно взглянул на Кока.

— Шеф, какие-то позывные из третьего сектора. Продолжаются минут пять, Точнее, четыре сорок... три. Я будить не стал.

— Что за идиотизм? Кто это там изголяется?

— Пока не видать, я думаю, минут через пять...

— Думать буду я. Ты давай не отвлекайся, смотри, что это за штука.

Чел встал с кресла, потянулся, затем подумал было размяться, но не стал, плюхнулся обратно. Коленка продолжала ныть.

— Шеф, докладываю. Третий сектор, направление — центр, скорость — полпарсека, масса — пятьдесят две, позывные про куму и суму... Похоже на патруль.

— Сам вижу, что патруль, пропади он пропадом... Живо сворачивай!... Впрочем, не надо уже, раньше надо было думать, дурень, а не охранять мой сон.

"Если начнут тормозить, попробовать объяснить, чтобы, что к чему, да не останавливаться... Чего доброго палить начнут. А могут остановить, да не разогнать, от них всего можно ожидать".

— Эй, там! Вырубай движки, каракатица. Даю три секунды.

— У меня стартер.

— Две!

Преπειраться было бесполезно. Чел нажал на "стой", одновременно открыв боковой грузовой отсек. Контейнер с контрабандным виски плавно отчалил от корабля.

— Да не вздумай освобождаться от товара.

"Ага, разогнался... Ищите теперь, ищейки."

На экране увеличилось изображение патрульного кораб-

ля ПОНовцев. От него отделилась шлюпка и стала быстро приближаться. Но контейнер был уже далеко, и им его не засечь. "Жаль, конечно, теперь никаких средств, за исключением тюков с шерстью. Документы на них в полном порядке. Должно пронести." Шлюпка между тем клюнула его в бок, корабль качнулся. "Дерьмо собачье, не могут состыковаться, как следует."

В рубку ввалились трое в стандартной форме полиции особого назначения. Полиция имела право не только обыскать весь корабль, но и, в случае нарушения каких-либо инструкций, засадить в каталажку. Обычно от них откупались, и то, смотря кто попадет, но сейчас у Чела не было ни гроша, в отличии от целого набора потенциальных нарушений, коих при желании можно было отыскать.

На сей раз Чел понял, что команда попалась "боевая", и ему вряд ли удастся запросто слинять.

— Предъявите документы... сэр, — презрительно процедил сержант, не соизволив даже выплюнуть жвачку.

Двое других тут же приступили к обыску. Сержант отпихнул ногой пустую бутылку и подошел к телефону:

— Этот тип — обычный чудак на букву эм. Здесь, похоже, ничего нет, протрассируйте впереди по курсу... Да, ещё. У него сели батареи, подкачайте временно для связи.

Экран тут же зажегся, на нем появилось изображение сидящего за пультом патрульного корабля какого-то лейтенанта. Лейтенант широко улыбнулся Челу и даже подмигнул:

— Дружище, ты, по-моему, влип. Мы засекли твою штучку, сейчас нам ее доставят.

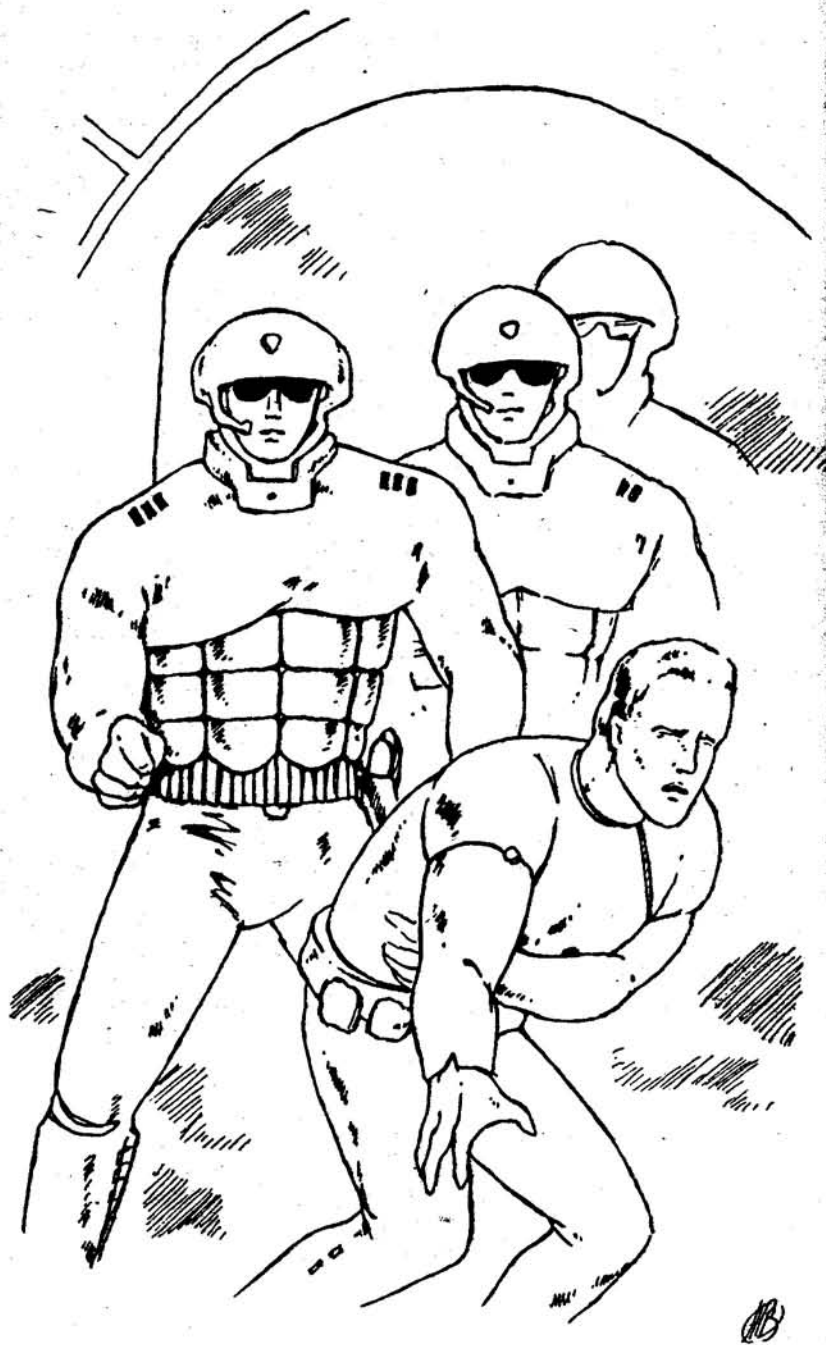
— Что?! — Тут же отреагировал сержант. — К стене! Руки за спину!

Не успел Чел повернуться, как получил удар по почкам. Он согнулся и осел на пол.

"Сержант, не нарушайте инструкцию", — успел услышать Чел раздраженный голос лейтенанта, прежде чем новый удар сапогом не вырубил его окончательно.

— 3 —

Чел очнулся в каталажке и некоторое время приходил в себя. Нашупав здоровенную шишку на затылке, он поморщился от боли и стал ее тихонечко растирать, осматривать камеру. Стены были исписаны большей частью словами и выражениями по отношению к полиции, а так же кличками

и временем заключения. Не найдя подписи Дэна, Чел оставил свою и пару раз стукнул в каждую из боковых стен. Не услышав ответа, он сел на табуретку, продолжая растирать затылок. "Да, влип.. Влип так влип. Кто бы мог подумать. На ровном месте можно сказать... Скотина все-таки этот Дэн, нельзя ему было доверять. Наверняка слинял со всем товаром."

Дверь открылась, в камеру вошел лейтенант в сопровождении знакомого сержанта. Чел мрачно посмотрел на них, медленно поднимаясь. "Приперлись. Сейчас начнут компостировать мозги. Это они любят... А тебя, сержант, повстречать бы где-нибудь в другом месте. Впрочем, это тебе уже не поможет... Но, чтобы руки хоть не распускал, можно бы..."

Лейтенант тем временем с интересом смотрел на Чела, затем отпустил сержанта и подошел к Челу вплотную.

— Сейчас вас вызовут на допрос... А я вот по какому поводу. — Начал громко и четко говорить лейтенант, выразительно посматривая на дверь. — Вам бесполезно препираться. Сознайтесь, и это облегчит следствие, а так же Вашу участь. — Лейтенант достал тем временем из уха что-то такое, похожее на шарик с ноготок размером и передал Челу в руки, показывая другой рукой на ухо. — Я думаю, — продолжал лейтенант, улыбаясь и наблюдая, как Чел, глядя на него, медленно подносит шарик к уху, — вы разумный человек и поймете, что к чему. А сейчас... Сержант! Проводите.

Чел успел затолкать в ухо эту штучку, подозрительно косясь на лейтенанта. Тот вышел из камеры первым. В ухе что-то зашумело, и вдруг Чел ясно услышал чей-то голос: "А-а, оклемался, козел. Здорово я его вырубил." Сержант тем временем махнул рукой на выход. Тут же из шарика прозвучало: "Давай, чего уставился, баран... Выходи."

Его привели в комнату, за столом которой сидел тучный капитан и что-то жевал. Рядом стоял этот же лейтенант и с улыбкой поглядывал на Чела. "Как связь, дружище?" Чел вопросительно глянул на капитана, затем на лейтенанта. Лейтенант улыбнулся еще шире. "Не волнуйся, такая штучка только у нас с тобой. Сейчас этот старый болван уйдет, и мы немного поговорим. У меня к тебе дело." Капитан продолжал хмуро осматривать Чела, и из шарика вязко, словно нехотя, лезли какие-то бурчащие слова: "Сапогов новых нет... Этому в тапочках... Сколько ему дать?... Виски сдадим половину, хороший виски... А что я буду делать в отставке? Дали бы подполковника, нашел бы... ферму бы купил, бабу завел... Пожалуй, четыре месяца ему хватит... Может, шпио-

наж приписать?" — Капитан на мгновение перестал жевать и заглянул в глаза Челу. — "Отвертится, сукин сын... Пусть шпионов молодые ловят, мне они уже вот где..."

— Займитесь, лейтенант, я думаю, вы сами справитесь.

— Так точно, сэр, будет исполнено.

Капитан медленно поднялся и, не глядя на Чела, прошел мимо. "Этот сопляк Кришна далеко пойдет... Ну и карты ему в руки..."

Дверь захлопнулась, и Чел остался наедине с лейтенантом.

— Присаживайтесь, пожалуйста. Будем знакомиться и, так сказать, начнем процедуру.

"Учти, кругом натыкана всякая всячина. В эту штуку можешь думать все, что угодно, а вслух..."

"Все ясно, лейтенант. Только хотелось бы узнать, к чему эта игра..."

"А я сейчас всё и объясню, вот только формальности закончим."

— Итак, представляюсь. Лейтенант Кришна... Ваша полная фамилия, имя, отчество, год рождения и так далее.

И лейтенант откинулся в кресле, очаровательно улыбаясь.

— 4 —

Чел опять сидел в камере, хлебал жиденький суп и думал о разговоре. Лейтенант произвел на него, надо сказать, неплохое впечатление, хотя за внешней доброжелательностью мог скрываться какой-то подвох. Чел давно уже не доверял представителям власти. Вместе с тем, если лейтенант не врет, то дела его не так плохи. "Были бы, конечно, лучше, если бы перестала болеть голова, — думал Чел. — Были бы еще лучше, если бы я вовсе не встретил эту каталажку, и совсем замечательно, если бы прилетел Дэн и у нас всё было в порядке... Нет в жизни совершенства."

Чел наклонился, поставил миску и опять сморщился от боли. "Сейчас нужно еще раз прокрутить состоявшийся разговор: Итак, он сказал, что хочет бежать вместе с Челом на его корабле по причинам того, что он, якобы, хочет дезертировать. Но с одним условием, что если их вдруг поймают, чего он и сам постарается, конечно, не допустить, то всю вину Чел берет на себя как за угон своего звездолета, так и за похищение заложника, то есть его — лейтенанта с этой ду-

рачкой божественной фамилией. Получается, что в случае провала ему, то есть Челу, светит, как минимум, лет пять, а лейтенант если правильно себя поведет, может не только сухим выйти из воды, но и благодарность получить... С другой стороны, терять звездолет, который все еще, несмотря на изношенность, стоит состояния из-за какого-то прокола с этим контейнером, которому по-крупному — грош цена (и как они могли его засечь?) тоже не подарок, да потом всё начинать на голом месте без гроша в кармане... Доверяет ли он, в конце концов, этому лейтенанту? Хотелось бы, но особых причин пока не видно... Этот лейтенант еще грозился улететь один в случае отказа Чела, над этим тоже стоит подумать... Вот уж влип, так влип, давненько такого не бывало..."

Тут дверь открылась, прервав размышления, и Чела опять вызвали на допрос.

А несколькими минутами ранее у стойки скромного, по некоторым понятиям, полицейского бара происходил интересный разговор между лейтенантом Кришной и его непосредственным начальником капитаном Орловым. Разговор этот, как и многие другие разговоры двух названных лиц, отличался сухостью и деловитостью. С одной стороны — потому что "с этим выскочкой-лейтенантом, хотя он и старается всей своей лакейской душонкой предугадывать все мои мысли и желания, не стоит долго общаться, да и уж с ним нужно держать остро, не ровен час, втянет в какой-нибудь скользкий разговор, а тут срок службы выходит...", а с другой стороны — потому что "с этим старым ослом просто скучно." Так бы он и прошел, как обычно, если бы лейтенант не заявил самоуверенно, потягивая контрабандный виски, что он может раскрутить из этого дела целую карусель. Капитан при этом снисходительно позволил похлопать лейтенанта по плечу и со своей стороны посоветовал не пороть горячку, потому что дело и яйца выеденного не стоит, кроме виски пришить нечего. Лейтенант после этих слов очаровательно улыбнулся, будто видел перед собой первую красавицу галактики, а не красную физиономию капитана Орлова, и попросил дать ему некоторую свободу действий в пределах устава, разумеется, на что капитан, махнув рукой, согласился.

После этого короткого разговора лейтенант и пошел на очередную встречу двух "заговорщиков"...

Лейтенант расположился в кресле, закурил. Чел сидел на стуле и старался держаться доброжелательно, тщательно

скрывая свои сомнения и недоверие, хотя переключаться с полуфразы на какую-то другую мысль было чрезвычайно трудно. Чел было подумал, а не лову... а не сня... но тут же мысленно нес чепуху. Лейтенант, казалось, был занят своими мыслями, которые в начале разговора не заходили дальше разбора качества табака, сортов виски и водки, о чем он тут же говорил и вслух, словно играя с Челом в мысленную игру "кто лучше замаскируется".

"Ладно, ближе к делу, — сказал, наконец, лейтенант и начал с известной шутки. — У вас есть план, мистер Фикс?... У меня он есть. Значит так. Я все-таки надеюсь на ваше согласие, без которого мне одному будет труднее. Во-первых, о самом главном, что вас, Чел, интересует. Это то, какие причины движут мной, лейтенантом полиции особого назначения со странной индусской фамилией. Вот об этом я расскажу позже, потому как и вас я не заставляю пересказывать всю вашу жизнь, и почему она привела вас именно к этому, а не к чему либо еще, например, к этому, — и лейтенант указал на погоны. — Мне бы очень хотелось, чтобы вы мне доверяли, хотя вы доверять любому полицейскому разучились уже давно... Либо доверие есть, либо его нет... Рискните, в конце концов, чего вам терять... Далее, что касается самого побега. вы должны всячески отрицать принадлежность контейнера вашему кораблю. Конечно, при отсутствии чистосердечного признания и раскаяния могут накинуть еще пару месяцев. Зато будет проведен следственный эксперимент. Мы будем вынуждены разогнать ваш корабль до того места, где мы, так сказать, встретились и проделать с вашим грузом те самые манипуляции, вследствие которых и окажется, что груз этот — только ваш, и ничьим иным быть не мог. Корабль, однако, как вы можете догадаться, полетит совсем в другую сторону от зоны видимости, и у нас есть все шансы затеряться в космосе. С вами на борту при проведении операции буду только я. Если поступит команда присутствовать еще кому-нибудь, мы, я думаю, справимся, и высадим его при первой же возможности... Что касается времени проведения следственного эксперимента, то будьте готовы... Как те, если знаете, мальчишки-пионеры у русских: "Всегда готовы!" — И лейтенант, ухмыляясь, поднял руку над головой.

Чел во время этого монолога не сказал ни слова. Думать он будет потом. Вслух же лейтенант сказал после длительного молчания, что препираться бесполезно, и чем быстрее он сознается и подпишет протокол, тем лучше для него.

"Допрос" на этом закончился, и Чела поместили куда полагается.

— 5 —

На следующий день, пока Чел, сидя в камере, чесал свою шишку и думал, доверять ему или не доверять, лейтенант по обыкновению стоял у стойки бара с рюмкой виски и общался с капитаном на тему смысла жизни всех вселенских полицейских, произнося длинный монолог, прерываемый редкими односложными репликами капитана. Наконец, разговор зашел о непосредственной работе с этим бродягой, и лейтенант вкратце пересказал свой план действий:

— Понимаете, капитан, к любому человеку нужен человеческий подход. (Капитан понятиливо кивнул.) Он мне начинает доверять, потому что я ему даю надежду и отношусь, как к равному. Далее я предлагаю ему побег при проведении следственного эксперимента. Он наверняка решится, у него безвыходное положение, а тут избавитель в моем лице... Вы понимаете? (Капитан кивнул и нахмурил брови.) Дело закручивается так, что мы, якобы, сбегает, а потом нас в заданной точке ловят, и что получается? Мы получаем злостного преступника и по звездочке на погоны. (Капитан быстро заглатывает виски.) Все очень просто, главное — как следует поработать с подопечным... Сегодня, я думаю, мы оформим отказ от первоначальных показаний, а завтра... завтра полетим. Завтра обязательно полетим! Вы не против такого плана?

Капитан налил себе еще виски и после длительных размышлений одобрил план лейтенанта. В это самое время к ним подошел сержант и доложил, что подследственный хочет сделать официальное заявление. Обязательно в присутствии всех официальных лиц. Капитан и лейтенант переглянулись. Лейтенант пожал плечами, а капитан приказал доставить подследственного через пятнадцать минут...

Чел решил действовать по обстоятельствам, полагаясь на интуицию. У него было два выбора — разоблачить, либо бежать. Оставалось в последний раз проверить этого лейтенанта.

Его доставили в комнату, и первым делом он взглянул в лицо Кришны. Лейтенант Кришна спокойно смотрел в глаза Чела и ни о чем не думал. Зато капитан беспокойно ерзал на стуле и думал о том, клюнет ли подследственный на хитрый крючок, подброшенный лейтенантом, или не клюнет.

Капитан не выдержал молчания первым и стал возможно более медленно и важно говорить:

— Как мне стало известно... Э-э... Вы можете, конечно, не сознаваться, что контейнер ваш... Может быть, так оно и есть, и мы зря вас тут держим. Существует такое понятие как презумпция невиновности... То есть, это мы должны доказать, что этот контейнер — ваш. И если следственный эксперимент покажет, что, контейнер мог попасть в какое-то место случайно, а такое может случиться где угодно, то мы не сможем предъявить вам доказательств вашей вины...

Пока капитан все это произносил, Чел услышал голос лейтенанта: "Думаешь, это ловушка? А что же ты хотел, и вынужден вести двойную игру. Для нашей же пользы... Я-то как сам понимаю, выкручусь в любом случае... Или ты думаешь, что за человеческую судьбу любой полицейский готов получить повышение?.. Зря, в полиции, поверь, есть тоже люди." — "Ну ладно, лейтенант, будь по-твоему. Только не думай, что я позволю играть собой, как мышка кошке. Смотрите, лейтенант."

— Я хочу сделать официальное заявление о том, что этот как вы называете, "контейнер с виски" я в глаза никогда не видел, и требую проведения эксперимента.

— 6 —

Корабль плавно отчалил от патрульного и стал удаляться. Чел бросил взгляд на показания зарядки.

— Кок, на сколько нам хватит?

— Если шеф говорит об аккумуляторах, то я думаю... на пару бутылочек пивка хватит. Если открывать умело.

— По-моему, тут шутки неуместны. Следи лучше за патрулем и докладывай обстановку.

Лейтенант стоял позади Чела с телефонной трубкой в руке:

— Да, капитан... Так точно, капитан, все идет по плану...

"Чел, мне даже не верится, что мы сейчас смоемся..."

Странно, да?"

"Смоемся, смоемся, лейтенант. Погоди маленько."

— Шеф, до патруля с позывными про куму и суму около парсека. Скоро выйдем из зоны видимости.

— Вот как? — удивился Чел, поднимаясь из кресла. — Так скоро?

Лейтенант стоял боком к нему и улыбался в трубку. Затем он ее выронил на пол, но трубка не разбилась.

— Впрочем, зачем? — удивился сам себе лейтенант и аккуратно выдернул штекер. — Вот и все. Вы меня и захватили. Всё оказалось действительно так просто.

— Ну нет, лейтенант!

Кришна не успел ничего понять, как удар Чела сбил его с ног. Он даже не сопротивлялся, когда Чел его связывал.

— Не все "так просто", лейтенант. Мы еще помотаемся с тобой! "Просто"! Просто только кошки скребутся...

— Чел, дружище, у меня единственная просьба, — лейтенант облизывал разбитую губу, улыбался. — Следуй тем курсом, который я назову. Поверь, эти окрестности я знаю лучше тебя... Сам представь, насколько, к тому же, мне могла надоеть за последние три года эта жалкая и ничтожная личность все еще капитана Орлова... А ведь его еще и разжалуют...

И бывший лейтенант Кришна просто зашелся от хохота.

— 7 —

Через несколько дней полного хода, когда уже не только Чел, но и Кришна не знал, куда они залетели, Чел развязал руки заложника и на душе у него окончательно отлегло. Все эти дни лейтенант шутил, аккуратно засыпал согласно распорядку и накачивался виски сколько хотел. На Чела он несколько не обижался, даже просил поносить себя последними словами, дабы избавиться от "комплекса важности", что Чел с удовольствием и вполне искренно выполнял. Наконец как-то, лейтенант стал серьезным и сказал, что хватит, сколько можно, и Чел его развязал.

И тогда они решили отметить это знаменательное событие, а заодно подумать, как им быть дальше. Они налили по рюмочке, расставили шахматы и разыграли дебют.

— Послушай, Чел, а ты бывал хоть раз на Земле?

— Нет, не довелось... Как родился на Северо-Западе, так до сих пор здесь и околачиваюсь. Сам знаешь, пылить до Земли — не ближний свет, да и что я там забыл?

— Ну как же... Говорят, что все колонии и половины не стоят нашей матушки. Так жизнь и проживем, не побывав... Слушай, Чел, в самом деле, не махнуть ли нам на Землю?

— А где деньги на горючее и все остальное возьмем?

Кришна загадочно улыбнулся:

— Ты представляешь, что можно сделать при помощи этой штуки? — и он подбросил шарик в ладони. — В любом

казино мы будем грести деньги лопатой... Кстати, мое собственное изобретение. В бытность моей работы в лаборатории я делал вещички и по-занятнее. Знаешь, есть такие лаборатории от военно-космического ведомства... После колледжа я как лучший ученик был зачислен в одну из них и проработал там четыре года. А какая там аппаратура, если бы ты видел! Каких киберов мы там делали... и все такое. Хоть это и секрет, но чего уж там... Ты помнишь эту нашу мевшию историю с киберами-убийцами? Так вот это мы и занимались ими по заказу оборонного отдела. Нам поставили спутники-убийцы с таким оружием... Короче, последний писк. А мы должны были наспиговать эти штуки мозгами. Этим, впрочем, занимался весь институт. Наша лаборатория отвечала за устройство психики в экстремальных ситуациях. В конце концов получилась интересная машина... даже существо с совершенно непредсказуемой логикой поведения в условиях боевых действий и с практически бесконечным самоусовершенствованием в области нейтрализации и уничтожения. Жуткие монстры! После завершения испытаний первый опытный образец только случайно удалось уничтожить, подняв по тревоге весь первый флот... Один из генералов-заказчиков поседел во время этого... А дальнейшую их историю никто, по-моему, не знает. Сначала был полный секрет. Затем просочился слух, что был какой-то заговор в верхушке, и десяток этих киберов ждали сигнала с полным боевым взводом. Заговор раскрылся, но заговорщикам удалось выпустить всех киберов на волю... Далее никто их больше не видел, и кто знает, где они в данный момент... После этого спецкомиссия с Земли устроила проверку, и нас разогнали. Так я попал на полицейскую службу — лаборатории передали к ним, подписал контракт на пятнадцать лет... но как-то проштрафился, и вот оказался в патрульной службе... До окончания контракта — еще десять с небольшим. И всё это время — сплошные дежурства... Скука смертная! Поначалу я, было, что-то придумывал, изобретал, например, всякие уловки для нарушителей. На одну из них ты напоролся. Позывной наш сработал так, что у бортовых коадных компьютеров, у твоего КоКа, например, не срабатывает система оповещения в первые пять минут... Можешь меня отблагодарить. Заодно и за то, что поймали этот контейнер.... Ну жалко было бы, согласишься, если бы сейчас у нас его не было... А теперь, как видишь, я тут. Странное все-таки чувство — свобода... Даже не знаешь, что с ней делать. А назад я уже не вернусь. Лучше за дезертирство получить пя-

так... Хотя тоже не подарок... Ну а как ты дошел до такой жизни, Чел, если не секрет?

— Почему "дошел"? Такая жизнь по мне. Не могу себя представить где-нибудь еще... Своё я отработал, насиделся по молодости в торговой конторе до геморроя в заднице... Бумаги, проценты, дивиденды, больше денег, шире торговлю!.. Будто это основное, на чем, свет стоит.

— А что же основное?

— Я почём знаю... Мне весь этот вселенский бардак... Пусть все хоть на головах стоят, лишь бы мне жить не мешали.

— Моя хата с краю.

— Да хоть и так...

— Ну а как, все-таки, насчет Земли?

— Да полетели... Сейчас бы только выбраться. Горючее на исходе. В справочнике здешние места описаны как безлюдные. Нам надо давать петлю — КоК вчера подсчитал — и то до первой заправки впритирку выходит.

Чел отхлебнул ещё глоточек и задумался над очередным ходом. Скосив взгляд на экран, он увидел, что КоК за спиной Кришны делает ему какие-то знаки, потом на экране загорелся ход конем. "Пройдоха", — решил Чел, но конем все-таки пошел. Кришна склонился к доске и почесал в затылке.

— Чел, а как ты насчет того, чтобы прихватить с собой подружек... Шах.

Чел задумался. Он искоса взглянул на экран, но КоК помигал и утух... "Сволочь", — подумал Чел и сказал:

— Подружки, так подружки, лишь бы не стервы... хотя все они...

И ушел королем в угол. Кришна уже потирал руки в предвкушении мата, как КоК вдруг включился:

— Слева по борту неизвестный корабль. Расстояние — около парсека.

— Бери правее, КоК! И постарайся, чтобы не засекали.

— Уже разворачиваюсь, горючего, шеф, маловато.

Они сделали плавный разворот и стали удаляться. Через некоторое время неизвестный корабль исчез из зоны видимости. Кришна додал Чела и поставил красивый мат. КоК, произведя новый расчет, сообщил:

— Шеф, до ближайшего поселения не хватает горючего для нормального разгона. Много ушло на маневр. Я вынужден огорчить, но лететь нам теперь до заправки восемь лет, четыре месяца, восемнадцать дней, четыре часа и двенад-

цать с половиной минут... Правда, пару лет можем сбросить, если использовать как горючее контейнер с виски.

Чел с Кришной переглянулись.

— КоК, ты успел, надеюсь, засечь маршрут этой штуки?

— Если шеф говорит о последнем встреченном корабле, то мы его догоним, если он не изменил курса.

— Вот и отлично.

Они не торопясь попиwali виски.

— Так что, шеф, разворачиваемся?

— Ты еще не начал? А что нам еще прикажешь делать? У нас продуктов в лучшем случае на месяц, а ты, к сожалению, не съедобен, дурень металлический... Хоть бы в шахматы научился играть как следует.

— Понял, шеф, исправлюсь... Только попрошу без оскорблений.

Они крутанулись еще раз, и через час, когда Кришна выиграл еще одну партию, они уже приблизились к неизвестному кораблю.

— 8 —

Корабль был похож на огромную бочку и размерами превосходил серийный звездолет Чела. Он неторопливо развернулся им навстречу и подставил свой стыковочный узел.

Пристыковавшись, они открыли переходной и столкнулись нос к носу с невысоким длинноносым гражданином в смокинге, приветливо улыбающимся с той стороны двери. Он потряс им руки и пригласил пройти с ним:

— Будьте нашими гостями, сейчас я вас представлю всей нашей компании. Сюда, пожалуйста.

И они последовали за ним по длинному коридору, застеленному коврами. Пройдя очередную дверь, они вошли в просторный зал, уставленный скульптурами, с картинами на стенах. В центре зала стоял обитый красной материей стол, а в креслах вокруг располагались человек восемь-десять, тоже в смокингах. Все присутствующие не поднялись навстречу Челу и Кришне, а продолжали сидеть, молча и внимательно разглядывая вошедших. Длинноносый, тот, кто их встречал, вежливо указал им на свободные кресла и налил со стола по рюмке какого-то напитка. Один из сидящих — высокий худой старик — щелкнул пальцами, их проводник быстро сел в кресло и замолчал.

— Я полагаю, — начал старик, — вам у нас понравится, и вы погостите у нас некоторое время... Судя по вашему кос-

тому, — он обратился к Кришне, — Вы являетесь представителем местной власти, или я ошибаюсь?

Кришна улыбнулся и замахал руками:

— Нет, нет. Просто я люблю так одеваться.

— Тем лучше, — продолжил старик. — Тем лучше... Значит вы — просто путешественники, или работаете в какой-нибудь фирме?

— Мы просто путешественники, — сказал Чел. — И испытываем сейчас некоторые затруднения...

— Мы знаем о ваших проблемах, — перебил старик. — Он посмотрел на стену, и Чел с Кришной увидели там экран с изображением рубки их корабля. — Ваш бортовой компьютер, пока вы сюда добирались, сообщил нам все необходимые сведения.

"Болтливый идиот!" — Подумал Чел.

— Как вы сами можете догадаться, ничего в жизни не делается безвозмездно, — продолжал старик.

— Что вы хотите за горючее?

— Вы сами знаете, что всего, что содержит ваш звездолет, не хватит на оплату товара...

— А вы знаете про все, что у нас есть? — Раздраженно перебил Чел, но кипятиться не стал. — Ваши условия.

— Молодой человек, по-моему, не совсем понимает, где находится. Если Вы будете разговаривать и дальше таким тоном, то, боюсь, мы с вами не договоримся.

Чел сидел и с нескрываемым раздражением смотрел на старика. А тот тем временем продолжал, как ни в чем ни бывало:

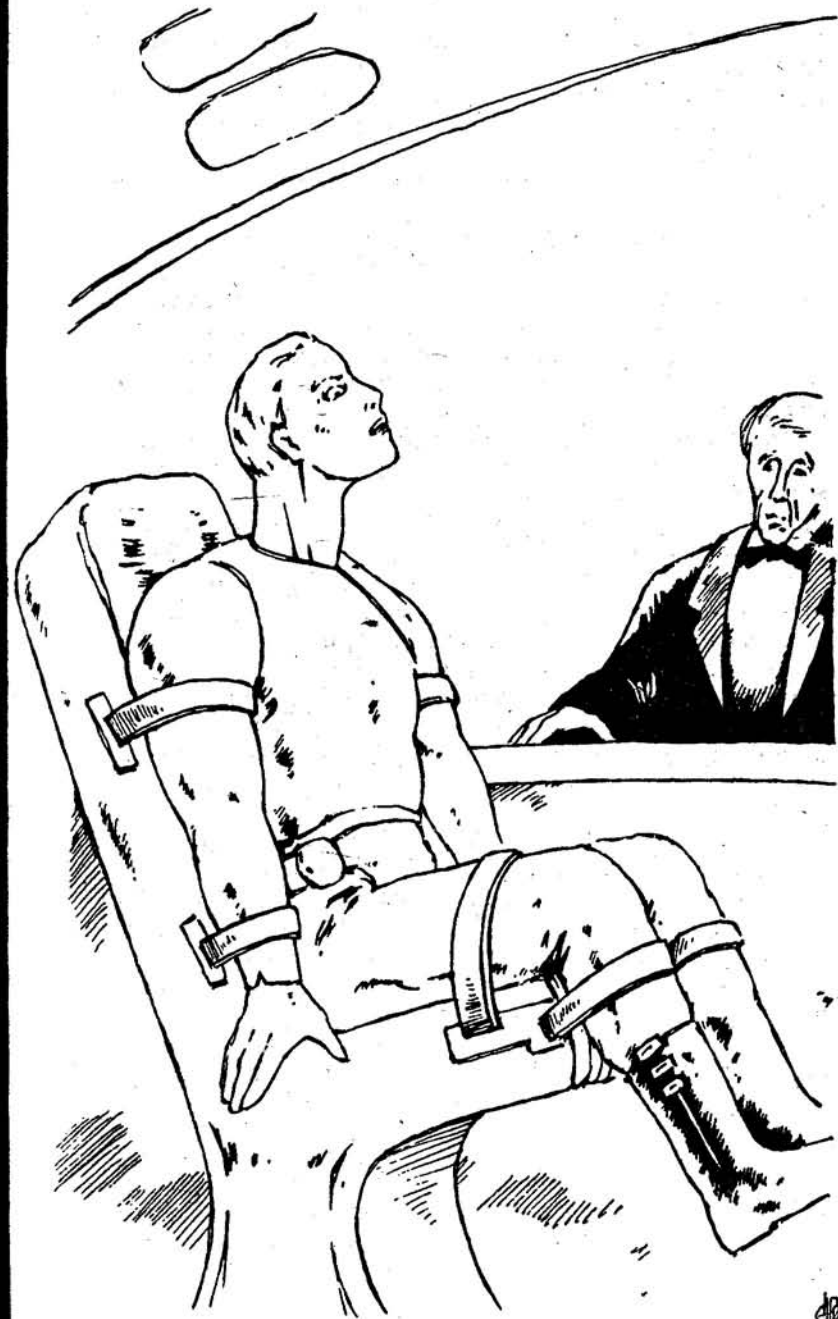
— Мы можем помочь вам с горючим, но с одним условием. Я считаю вас джентльменами, которые держат свое слово, и все услышанное, я надеюсь, останется между нами... А условие таково. Мы с вами сыграем в карты. В покер, если хотите. Если вам повезет, то вы получите, что хотите, но если вы проиграете... — Он сделал паузу и посмотрел Челу в глаза, — мы вас съедим.

— Что? — Чел попытался вскочить, но в кресле что-то щелкнуло, и он оказался в объятиях жестких металлических крючьев.

Чел бросил растерянный взгляд на Кришну. Лейтенант продолжал улыбаться, хотя был довольно бледен.

— Надеюсь, джентльмены, всё это шутка? — Хохотнул Кришна, тоже пытаясь извернуться в кресле-ловушке.

Старик щелкнул пальцами, и в зале стал медленно гаснуть свет. Экран на стене засветился.

— Сейчас вы увидите одно из самых первых таинств природы, которому до сих пор поклоняется все человечество. — Голос старика зазвучал торжественно. — С тех самых пор, когда люди с помощью Господа обрели разум, они поклоняются смерти!

На экране появился голый человек, привязанный к покоему на стол сооружению. Лицо его, показанное крупным планом, излучало блаженство. Мягкая улыбка и широко раскрытые глаза... Ему преподнесли чашу к губам, и он, приподнявшись, медленно ее выпил. Затем голова его откинулась, и он, счастливо улыбаясь, прикрыл глаза.

— Уходить из жизни с удовольствием, получая от этого ни с чем не сравнимое наслаждение — вот конечная цель! Это состояние можно продлевать, уходя постепенно, частица за частицей, ощущая не дикую боль и страх, которые сопутствуют всем смертям, а наоборот, облегчение от освобождения душой бренного тела... Посмотрите! — Крикнул старик, вскакивая с кресла и указывая дланью на лежащего. — Разве он не счастлив?!

Затем шло такое, от чего Челу стало душно и тошно. Он проглотил застывший в горле комок и отвернулся. На экране лежащего человека стали медленно разрезать на части — сначала одну руку, затем другую... Чел уставился на кончик своего тапочка и слышал лишь торжественную органную музыку, а так же прерывистое дыхание старика, стоящего рядом. В мозгу крутились кадры с лицом лежащего, который смеялся и ревел, мотал головой и в экстазе хватал зубами отрезанную руку...

Экран, наконец, погас, и старик, несколько раз глубоко вздохнув, упал в кресло. Чел попытался достать пальцами до основания захватов, но руки были прочно сцеплены. "У-тютю... Вот это неформалы... Это что, конец?" Свет медленно зажегся, и Чел увидел глаза Кришны, продолжающего смотреть на экран. Кришна мельком взглянул на Чела и отвернулся.

— Итак, джентльмены, — уже спокойно прозвучал голос старика, — выбирайте: либо долго и мучительно погибать от голода, либо мы облегчаем вашу участь. Вам ведь может и повезти, шансы равны, и вы продолжите ваше путешествие... Помните, что жизнь — одна, и смерть — одна, и ставки в этой игре равны. Я понимаю ваше состояние, но что делать, такова жизнь. Я не буду вас торопить, можете отдохнуть, погостить у нас и как следует обдумать наше предложение... Мы не проповедуем насилие. Советуем и вам не

предпринимать никаких других действий, вы, надеюсь, понимаете, о чем идет речь. Мы примем соответствующие меры предосторожности... Проведите их.

И металлические клещи исчезли в складках кресла...

— 9 —

Они сидели в рубке, иногда поглядывая на часы. Кришна развалился в кресле и, веселясь, иронизировал по поводу этих джентльменов-любителей человечины и избавителей от мучительных смертей, нисколько не заботясь о том, что их могут подслушать:

— Эй Богу, Чел, этот сюжет как нельзя лучше подходит к какому-нибудь остросюжетному космическому боевику. Если мы выкрутимся из этой истории, то можно подкинуть идею какому-нибудь сценаристу. Дешево я её не продам...

— Ну что, отчаливаем, лейтенант?

— Чел, сколько можно.

— Ладно, Кришна, так Кришна. Хотя сейчас лучше бы ты был лейтенантом, да при оружии.

— Само собой... А знаешь что, Чел, я бы рискнул. В конце концов, ещё не известно, чья возьмет. — И он показал на карман с шариком. — Даже если проиграем... Сам понимаешь, так просто эти старикашки нас не возьмут.

— У меня нет желания еще раз посидеть в одном из этих кресел и слушать этот голос! К тому же им нельзя доверять, или недооценивать. Если они дошли до такого, то могли додуматься много до чего. Нельзя недооценивать неизвестного противника, Кришна.

— Да, Чел, да. Но ты забываешь о нашем главном оружии. В своей летающей каталажке в покер я ни разу не проигрывал, разве что для разнообразия... А самое главное, Чел... Подумай, что с нами будет через месяца два, а то и раньше... Тебе ли не знать, что такое безлюдное место? Да пусть у нас в запасе на год продовольствия... Наш патруль и то на таком отшибе работал, а тут еще...

Кришна бросил взгляд на циферблат:

— Время выходит, Чел, давай решать. Моё предложение — сыграть.

— Ох, смотри, лейтенант. Если мы доиграемся, я сам лично попрошу от тебя кусочек... Тьфу!

Кришна засмеялся:

— Ничего, ничего. Так просто ты его не получишь.

Обговорив все условия и игры, и дальнейших действий, они перешли в другое помещение, обставленное не менее фешенебельно, чем первое. Однако, в центре стоял обычный стол для игры, какие встречаются в любом карточном заведении и, по договоренности, вокруг него были расставлены простые стулья. Все участники расселись по местам. Чел и Кришна постоянно держали связь, никто из хозяев об этом не подозревал. Правила игры были простыми — играли до первого выигрыша один на один, либо до трех пасов подряд, что считалось проигрышем.

Жребий сдавать первому выпал Кришне, который играл против старика, являющегося, по-видимому, самым главным в их компании. Все наблюдатели и заинтересованные лица, в том числе и Чел, расселись вдоль стен, чтобы никто из них не мог рассмотреть карты противоположной стороны. Чел, так же как и Кришна, прекрасно слышал мысли старика:

"Что же, сдача его. Тем лучше. Молодых людей немного жаль, в их возрасте расставаться с жизнью рановато и непривычно... Тем интереснее..."

"Чел, старик уверен в успехе. Будь начеку. Если что заметишь по сторонам, говори тут же."

Они сдали карты.

"У джентльмена, — продолжали размеренно течь мысли старика, — не карты, а капуста... У меня, впрочем, ещё хуже."

— Пас.

Очередь сдачи старика. После нее он оживился:

"У него — три короля, у меня — три семерки и покер... ха-ха, что же, голубчик, вот и все! Ну-ка, полезай..."

В отличие от таких мыслей выражение лица старика не выражало ничего, кроме скуки.

"Ни один мускул не дрогнул, — констатировал Кришна. — Старый черт знает, какие карты. По-моему, они на это и рассчитывали... Я думаю, все идет по плану, сейчас мы это исправим".

Кришна сбросил карты и сказал:

— Предлагаю сменить колоду.

— В таком случае, молодой человек, предлагаю играть вашими.

Чел выложил на стол захваченную колоду. Во время второй сдачи старик думал: "На его месте я бы сказал это в самом начале... Хотя на его месте я бы не хотел оказаться, ха-ха... Что же, у него два туза. У меня ничего хорошего."

— Пас.

"Чел, я что-то не пойму... Он, как будто, видит карты насквозь... Что предложишь?"

"А что я могу предложить? Я сам ничего не понимаю... Играй внимательно!"

Второй раз старик сдал опять больше Кришне. Но не настолько, чтобы тому лезть ва-банк.

"Чел, если я пасану, он воспримет как должное... Попробуем вдарить по мозгам..."

— Раз.

— Пас.

Старик и бровью не повел, соображая, однако: "Он не так прост. Рискнуть с ничем... Может, у него такие же козыри?"

"Еще одна сдача, и все кончено", — лихорадочно соображал Чел.

Но на сей раз старику повезло и у него было больше. Он облегченно вздохнул, зато Чел разволновался всерьез. Дело принимало нешуточный оборот... Кришна пасанул. Затем сдача Кришны — и у старика три десятки против трех семёрок Кришны.

— Раз.

— Пас.

Старик внимательно посмотрел на Кришну: "Второй пас с тремя... Похоже, что так и есть. Он тоже видит карты. Занятно. Первый раз встречаю достойного партнера... Тем не менее, у него два "паса"... Правда, он может оказаться ловкачем... Ему же хуже, все движения фиксируются."

Старик сдвинул карты, и Кришна раздал. После этой сдачи Чел понял, что все кончено. Это поняли и играющие. У старика было больше. Он спокойно сказал "раз" и посмотрел на Кришну, Кришна держал карты в руках, и мысли его прыгали, как рассыпавшиеся из корзины яблоки: "Чел, мы проиграли... Что делать, Чел? Он видит карты насквозь, или ещё как... Я не мог, Чел".

Старик выложил на стол "флеш-рояль", посмотрел в сторону и щелкнул пальцами.

"Остается последний вариант, Чел! — Прозвучал голос Кришны. — Оцени обстановку! Начнем сейчас, иначе поздно!"

Чел успел только заметить, как Кришна аккуратно положил карты на стол, поднялся и, схватив стул, размахнулся... Чел не успел и вскочить, как сзади на него обрушилось что-то тяжелое, хотя никого... видь никого там не было...

Чел пришел в себя и сразу почувствовал боль в затылке. Ему досталось опять по тому же месту, и опять все вышло как нельзя хуже. Но самое худшее предстояло, по всей видимости, впереди, потому как он увидел лежавшего рядом Кришну, и тоже привязанного к столу. Они лежали в полутемной комнате, освещаемой лампой, похожей на керосиновую. Фитилек ее горел неровно, и Чел, приподнявшись, видел какие-то не то знаки, не то рисунки на стенах. Кроме них никого в комнате не было...

— Кришна... Кришна! — Зашептал Чел и попытался толкнуть лежавшего рядом лейтенанта. Кришна прерывисто дышал и не отвечал. Мысленная связь тоже отсутствовала, то ли по причине состояния Кришны, то ли из-за того, что от удара мог вылететь шарик из уха. Чел попробывал было шевельнуться, но понял, что бесполезно.

"Ну что, похоже, приехали, — подумал он и, уронив голову, усталился в потолок. — Правильно, видно, нагадала гадалка, что я умру странной смертью по своему же желанию... Вот только с желанием промашка вышла... С другой стороны, я прожил большую часть жизни и много чего повидал. И прожил не сказать чтобы плохо... Жил себе и жил... Ну умер бы с перепоя... или где-нибудь в заварушке. Да и сердечко не то уже. В принципе, смерть есть смерть, как бы ты ни умер. Умирать только неохота... Правда, обещают, что это исправимо. Что ж, сейчас проверим..."

Сзади нагнуло вдруг сквозняком, и комната осветилась поярче. Тут же Чел услышал мысли старика, вошедшего в дверь. Старик, остановившись позади Чела, смотрел на них и думал о том, как их лучше обмыть перед обрядом, и когда: приводя в сознание, или так...

Чел мысленно послал ему проклятие и неожиданно для самого себя сказал громко вслух:

— Обмывайте скорее и кончайте! Нечего тянуть!

Старик, видно, вздрогнул и усталился на Чела:

"Ты можешь читать мысли?" — Подумал он.

Чела осенило. Ведь это внане!

— Я не только могу читать мысли всех людей, — сказал Чел как можно внушительней. — Но и тебя, старого козла, могу этому научить. Я могу тебя сделать обладателем этого дара, чтобы ты сам мог чувствовать и переживать все то, что испытывает человек, которого вы, изуверы, постепенно лишаете жизни. Все твои предыдущие удовольствия от одного только созерцания — ничто по сравнению с этим!

Чел замолчал и прислушался. Старик соображал довольно медленно, все еще не веря в услышанное. Наконец, Чел с торжеством почувствовал, как старик, увлекаясь предложением, стал прикидывать всевозможные варианты примерения этой способности. И все они вызывали у него восторг!

"За сколько времени ты можешь меня обучить этому?" — Подумал старик.

— Как только вы отпустите нас на корабль и заправите баки горючим. Всё произойдет мгновенно.

"А если это окажется обманом?"

— Проверить и вернуть нас сюда не составит для вас труда, мы же сами не сможем от вас отстыковаться.

"Эти способности будут присущи только мне?"

— Да, и никакая другая сволочь об этом и догадываться не будет.

Старик оставил без внимания его оскорбительный тон и стал думать о том, как же удастся Челу читать его мысли, и можно ли, оставив их здесь, завладеть секретом.

— И не мечтай, старый пройдоха, дохлый номер! Я даю тебе минуту на размышление, иначе я рассказываю об этом остальным.

...И старик, подумав, согласился.

Всё остальное произошло настолько быстро, что Чел и глазом не успел моргнуть, как их, по приказанию старика, перенесли на корабль и развязали... Кришну, который еще не пришел в себя, положили в каюту. А Чел остался стоять у переходного люка и старался не морщиться от боли. С той стороны ждал обещанный старик, с любопытством поглядывая на Чела. Чел подождал, пока все лишние не покинули корабль и не удалились, затем выковырнул шарик и передал его старику. Тот затолкал его в ухо.

"Ну что, устраивает? Всё, мы в расчете." — Подумал Чел.

Старик помедлил, затем кивнул все же головой и сказал:

— Надеюсь, джентльмены, наша встреча оказалась интересной и полезной для всех сторон... Мечтаю еще раз встретиться с вами.

"Черта с два!" — Чел захлопнул люк, поплеял в рубку и проследил за тем, как они отчалили. От души, наконец, отлегло. Он зашел в ванную, подержал голову под холодной струей воды и вернулся откачивать Кришну.

Недзи через три они выбрались на оживленную трассу. Замелькали на экране огоньки: экипажи обменивались позывными. Пока звездолетом Чела не интересовались, да по новому позывному, придуманному Кришной, никакому патрулю ими бы не заинтересовался — Кришна гарантировал... Они все-таки решили лететь на Землю, но лететь без денег в такую даль значило рисковать застрять на какой-нибудь перевалочной станции, где и подработать значительно труднее, чем в Северо-Западе — одноименном центре Северо-Западной провинции — планете-спутнике, конгломерат деловой жизни, развлечений, науки и искусства, преступности и политики... Чел неплохо ориентировался в нем, он здесь родился, воспитывался и рос, работал первое время, пока не начал бродяжить, но так или иначе всегда возвращался сюда, в город, который он не любил, а иногда и ненавидел, но без которого не мог жить.

...Чел проснулся, оделся-умылся и пошел на кухню посмотреть, что ещё осталось. Он выбрал традиционную яичницу, раскрутил яйца на сковородку, покрошил лук и, прихватив с собой заодно бутылочку пива, пошел посмотреть, как там "погода". Привычным движением он сдернул пробку. Тумблер выдержал.

— Шеф, нерационально садить аккумуляторы. К тому же скоро торможение, знак уже мы пролетели.

— Не твоего ума дело, — ответил Чел, выключив стартер. Он развалился в кресле, закинув ноги к самому экрану и включил связь с какой-то Кришны. Тот спал как ребенок, сложил руки ладошками. "Все-таки неплохой парень это Кришна, да и с головой, к тому же... А ведь он лет на десяти меня моложе..." Чел некоторое время смотрел на него, затем негромко позвал:

— Кришна, засоня... Подлетаем, подъем.

Кришна приоткрыл глаза и некоторое время соображал, где находится. Затем он с улыбкой потянулся и посмотрел на Чела:

— Доброе утро, шеф!... Ух ты, Чел, что за иллюминация?

Чел обернулся и посмотрел на внешний экран. Миллионы рассыпающихся звездочек разноцветно мигали и вертелись, как на карусели, стремительно сгорая и тут же сменяясь новыми.

Кришна вскочил с постели и быстро привел себя в

порядок. Он козликом проскакал в рубку и плюхнулся в кресло:

— И как я забыл, сегодня же праздник... Это какой нынче год на дворе?

— Будто не знаешь — до настоящего юбилея еще два осталось.

— Нет, ты представляешь, Чел, в какое историческое время мы живем? Самому не верится — новое столетие на носу!

— И что?

— А ты не понимаешь? Неужели не чувствуешь? Ведь впереди открываются такие перспективы для человечества... Ну как это выразить... Неужели это тебя не трогает?

— Что именно?

— Да ну тебя... Всё равно я тебе не верю.

Чел улыбался и смотрел на салют:

— Криш, ты и вправду думаешь, что что-то может измениться?

— Несомненно! В этом я уверен. Сам посуди, как быстро меняется жизнь в последнее время. Лет двадцать назад ещё и знать не знали об ИФФ, о чудесах торпространства, да мало ли... Скоро полетим за пределы Галактики, Чел! Встретим, возможно, разумную жизнь, а там...

— Да неплохо бы её, наконец, встретить. А то всё ищу, ищу...

— Иронизируй, иронизируй... Вот создам фирму на Земле, этим занимающуюся, тогда посмотришь. Я и тебя могу устроить, слетаем вместе... Я уже знаю, между прочим, принцип перехода!... Только это между нами... Все дело в деньгах и аппаратуре...

— Вот о деньгах и давай подумаем. А свою науку оставь до лучших времен. Лучше скажи, твой шарик ловится электронной аппаратурой казино, или нет?

Они пришвартовались к одной из стоянок, прошли таможенный осмотр. Чтобы не рисковать, виски пришлось сдать, как случайно найденный, хотя Чел припрятал кое-что, разумеется, и они на такси полетели в игорную часть города.

Первым делом они зашли в парикмахерскую, затем купили пару костюмов и забежали в бар обговорить детали предстоящей операции. Кришна сунул оставшийся шарик в

ухо, допил коктейль и возбужденно стал доказывать Чел срочную необходимость выхода в торпространство в самое ближайшее время. Со стороны они представляли собою довольно странную пару: один из них, крепкий плотный мужчина лет сорока, облокотившись о стойку, снисходительно улыбался другому и все время молчал, а второй — спортивного вида молодой человек — произносил длинный монолог, который он временами прерывал, глядя на первого, задавал вслух вопросы и сам же на них отвечал. Впрочем, внимания они не привлекали. Наконец, Чел выразительно посмотрел на Кришну, тот замолчал, и они, расплатившись, ушли.

В первом же попавшемся казино на оставшиеся деньги они приобрели жетоны и прошли в игорный зал. В новую ночь здесь собралось немало желающих испытать судьбу... Кришна исчез в отделении карточных игр, без проблем пройдя электронный осмотр, а Чел остался в зале играть в рулетку по-маленькой. Сделав несколько неудачных ставок, он вдруг заметил в толпе знакомое лицо. Капитан Орлов, одетый по-граждански, прошел мимо и, мельком взглянув на Чела, направился к разменным автоматам. Чел неторопливо сунул жетоны в карман и пошел в покерную, оглядываясь по сторонам. В самых дверях он столкнулся с Кришной.

— Чел, все идет по плану. Держи пока. — И он сунул Челу горсть жетонов крупного номинала, — я на минутку.

— Куда?

Кришна попытался обогнуть Чела:

— Куда, куда... В сортир. Я сейчас.

— В зале твой Орлов ошивается. Нас, по-моему, задержат.

— Да?..

Кришна сделался серьезным и посмотрел в зал:

— Чел, будь здесь, я быстро. Потом сматываемся.

Чел отошел в курилку и, хотя не курил, стрельнул сигарету и стал наблюдать. Он видел как Кришна, лавируя между посетителями, пробрался к входу в туалет и исчез. Через некоторое время он заметил капитана Орлова, который, глядя под ноги, медленно шел по залу. Капитан остановился и стал перебирать свои жетоны. В это время у входа показались Кришна. Капитан Орлов сунул жетоны в карман и направился к выходу. Тут он резко затормозил, и брови его поползли вверх. Кришна направился к капитану и, проходя

мимо, показал глазами на курилку. И капитан Орлов последовал за Кришной.

Чел отвернулся в сторону. Сигарета была ужасно дрянной и вонючей, он выпустил дым сквозь зубы... Капитан и лейтенант остановились в двух-трех шагах позади Чела.

— Капитан, не оглядывайтесь, смотрите в сторону, — прошипел Кришна, — докладываю. Операция проходит успешно. Вкратце. Меня действительно захватили. Я сделал вид, что готов работать на них. Здесь целая организация. Мафия. Готовят переворот. Обо всех подробностях позже. На связь выйду в ближайшие дни. Никаких контактов. Если всё будет успешно, нам не то что звездочки... А сейчас на выход, Вы впереди и не оглядывайтесь! Здесь полно мафиози.

— По..помощь нужна, лейтенант? — Глухо прошептал капитан Орлов, стараясь смотреть на затылок Чела.

— Пока нет... Мне пора, капитан. Хорошо, что вы попались, если все сорвется, запомните номер: пятьсот шестьдесят три. Повторите.

— Пятьсот шестьдесят три.

— Подробности потом... Выходите и не оглядывайтесь.

Чел подождал немного и повернулся. Кришна смотрел вслед уходящему капитану.

— Чел, давай на выход. Я следом.

... Они получили выигрышные деньги, вышли на улицу и поймали такси.

— Чел, нам долго здесь задерживаться нельзя. Но денег пока мало. Давай мотанем в другое заведение и побыстрее закончим это дело.

Они проехали несколько кварталов и вышли. Чел посмотрел на вывеску игорного заведения:

— Знаешь, Криш, это самая высшая категория. За один только вход платить... Но самое главное — здесь такой контроль, насквозь просвечивают.

— Прорвемся.

Они зашли в казино и последовали внутрь. Взглядами их ненароком проводили несколько дюжих молодцев, сидящих в вестибюле и читающих газеты... Навстречу вышел распорядитель и осведомился, какие услуги желали бы получить джентльмены. Кришна очаровательно улыбнулся:

— В этот праздничный вечер мы с другом предпочитаем отдохнуть за карточным столом... Остальное потом.

Распорядитель в ответ вежливо улыбнулся и попросил

пройти с ним. Едва они переступили порог коридора, как звякнул звонок, и электронный голос произнес:

— Извините, джентельмены, с электронной аппаратурой вход запрещен.

Распорядитель развел руками, ну что мол поделаешь с этой автоматикой, но раз правила таковы, все, что имеется, придется проверить. Кришна пошарил с удивлением по карманам и, догадавшись, вытащил шарик из уха:

— Извините, совсем забыл, обычный слуховой аппарат.

Распорядитель протянул руку:

— Извините, но это должно пройти электронный контроль, и как только формальность уладится, слуховой аппарат будет возвращен в полной сохранности.

Кришна вручил шарик распорядителю:

— Большая просьба не задерживать.

Шарик был положен в какую-то коробку, которую распорядитель сунул в углубление стены и мгновением спустя вынул. Возвращая шарик, он ещё раз извинился за формальность и предложил пройти дальше. Кришна вставил шарик в ухо и, все еще улыбаясь, шепнул на ухо Челу, когда они шли по длинному коридору:

— Чел, все кончено. Он не работает.

— Черт возьми!

... Через некоторое время игры Чел вежливо извинился и вышел из-за стола, а вскоре к нему присоединился и Кришна. Они последовали назад. У выхода они опять повстречали распорядителя, который угодливо спросил:

— Может быть, джентельменам что-либо не понравилось? Можете внести свои предложения по поводу обслуживания.

— Затолкай туда свою башку, идиот! — Бросил, оборачиваясь, Чел, увлекаемый Кришной из casinos.

— Вот сволочь! — Кипятился Чел. — Еще и издевается... Эту штуку уже нельзя исправить?

— Боюсь, что нет, Чел... Давай зайдем выпьем. Что-то мне стало тоскливо.

... Оставшиеся деньги они потратили на еду и номер гостиницы за три дня вперед.

— 14 —

Два следующих дня не принесли ничего хорошего. Они зарегистрировали свой звездолет и возможный маршрут в

"Бюро по найму", но пока никто не заинтересовался условиями контракта.

Они сидели в номере гостиницы и играли в шахматы.

— У нас слишком маленький тоннаж, Криш. Сколько тут торчал из-за этого. Ни одной приличной сделки. Придется обратиться на "черный рынок", у меня есть связи... Но тогда уж не до выбора. Возможно, придется отложить поездку.

— Что поделаешь, Чел, контрабанда, так контрабанда... Представляю нашу очередную встречу с капитаном, ха-ха-ха...

В дверь постучали и женский голос произнес:

— Джентльмены у себя? Можно войти?

Вошла, конечно же, высокая длинноногая блондинка с голубыми глазами. Они всюду таких встречали в городе, и эта, похожая на остальных, мало чем отличалась... Мода...

Они представились. Длинноногая села в кресло, достала сигарету, закурила и закинула ногу на ногу. Ноги действительно были впечатляющими — институт Красоты работал что надо!

— У меня к вам предложение, джентльмены. Я покупаю ваш корабль. Плата втрое большей обычной. Груз необходимо доставить на Землю, точнее, на станцию Трансплутон-15. Сами понимаете, груз нежелателен для регистрации и проверок... По прибытии получите еще столько же. Мое предложение вас устраивает?

Даже Чел о таком и мечтать не мог. Он только головой кивнул. Кришна придвинулся ближе к девице и спросил, свободен ли у нее сегодняшний вечер. Та отшила его взглядом.

— Если джентльмены согласны, то им необходимо тотчас явиться на корабль и отправляться.

— А груз? — удивился Чел.

— В данный момент он уже загружается на корабль. На счет таможни не беспокойтесь.

— А если мы ответим отказом?

Девица удивленно подняла бровь:

— Вот как?... Вы хотите надбавки?

— Я хочу знать, что мы повезем.

— Для вас он не будет представлять никакой опасности. Обычные контейнеры. Вас так интересует содержимое? — И девица пристально посмотрела на Чела.

Кришна толкнул его в бок:

— Извините, мой друг перенервничал за последние дни. Конечно мы согласны.

— В таком случае в вашем распоряжении два часа.

И девица вышла, оставив на столе свою сумочку.

— 15 —

В скором времени они отчалили и, благополучно миновав таможню, уже подходили к зоне свободного движения. Пока же на обзорном экране светились точки кораблей, КоК посылал и принимал позывные, и ими не интересовались. Чел наблюдал за движением и вспоминал, все ли они взяли. Путь предстоял далекий, в иных местах совершенно могло не быть жилья и, хотя Чел не летал никогда на Землю, по рассказам знакомых "волков" вполне представлял возможные трудности. Самая основная состояла в том, что в эти долгие месяцы тратится большое количество нервной энергии — лететь-то не по основным трассам, где так и снуют всевозможные местные патрули; необходимо всегда быть начеку и, оглядая во все четыре стороны опасные места, искать лазейки... И еще Чела весьма интересовало содержимое пяти контейнеров. Стандартные на вид они стояли в грузовом отсеке. Сначала, как только они вернулись на корабль, он взял радиохимический измеритель и тщательно прошурил все стенки и швы контейнеров. Никаких волн и веществ стенки не пропускали. И Чел решил не совать нос в чужие дела, тем более после такого расчета. Денег вполне хватило и на топливо, и на дорогу, и даже на смену части износившегося оборудования, не говоря уже о продуктах. Чел подумал было, а не приобрести ли новый борткомпьютер новейшей марки, он давно о таком мечтал, но почему-то вспомнил о КоКе — этой безмозглой машине с вложенной им программой поведения, которую и в шахматы-то он так и не смог научить играть как следует... и передумал.

Знак зоны торможения остался позади, Чел привычным движением открыл бутылку дива и развернул свежую газету "Северо-Запад экспресс". Он любил вот так начинать долгие маршруты, смакуя последние светские, политические и спортивные новости, уголовную хронику, экономические выкладки и прогнозы, прогнозы, прогнозы по всему на свете. Похоже было, что люди в эти последние годы уходящего столетия живут не прошлым и настоящим, а будущим. Причем надуманным... Может быть, ожидание чего-то такого в будущем и отличает человека от живой твари...

— Чел! — Перебил его рассуждения голос Кришны из кухни. — Мы уже разгоняемся? Давай завернем в бордел здесь неподалеку. — Кришна внес в рубку завтрак на подносе. — Ваша любимая яичница, мсье... Нет, серьезно, можно найти пару желяющих попутешествовать с нами до следующей станции.

Кришна подцепил яичницу и отправил ее в рот. Он жевал и смотрел на Чела. Наконец, не выдержал и пробурчал:

— Ну ты же был не против... Я еще собираюсь жениться, мне форму нельзя терять, Чел, от этого я тупею и становлюсь агрессивным... Мне врачи, в конце концов, строго запретили... И вообще не могу смотреть на твою противную рожу, как будто я предлагаю тебе записаться добровольцем полицию.

Чел досадливо отложил газету, помассировал виски и бросил исподлобья:

— КоК... КоК!

— Да, шеф!

— Обеспечить этого маньяка. Называй свои координаты.

Чел близко не сходился с проститутками, хотя иногда и не отказывался от их услуг. Просто не в его привычке было брать их с собой в дальнюю дорогу. Поэтому в последующие дни, хотя он и веселился за компанию и не был святошей, но его раздражали те моменты, когда он волею-неволею разговаривал по душам с одной из них — рыжеволосой смазливой девицей. А когда у Чела не было настроения и он заперся у себя в каюте, в то время, как Кришна веселился с блондинкой, рыжая готовила обеды, болтала с КоКом и даже навела порядок в рубке с кивкого разрешения Чела, а то и просто сидела и визжала в своей каюте. Положа руку на сердце, Чел стал признавать самому себе, что эта рыжеволосая все больше напоминает ему его давнюю любовь, и от этого становилось еще ужаснее. Но, продав женщинам все, он не мог прощать ни одного — того, что они торгуют собой.

И когда они прибыли через неделю на ближайшую от Северо-Запада станцию и Кришна, будто в шутку, предложил ему прокатить девиц дальше, то Чел ответил жестким отказом.

— 16 —

Больше трех месяцев ничего замечательного на борту не происходило. По мере удаления от Северо-Запада все меньше и меньше встречались корабли, и все дальше и

дольше они общались со встреченными экипажами торговцев, грузовиков различных компаний, священников, артистов, а то и просто любителей попутешествовать. На одной из перекладных станций, верящейся вокруг тусюлого карлика, они заправили в очередной раз баки, приладили и запасные емкости по бортам — впереди находилась "пустышка", т. е. зона не только не заселенная, но и беззвездная, и полетели дальше. В последние дни Чел вышел из "запоя" всевозможным чтивом, в перерывах которого они обычно резались в шахматы, попивая пиво или виски, либо просто болтали, и решил проверить все до одной системы корабля, убравшись, наконец, от мусора и вообще заняться делом. Кришна же строчил какой-то свой научный трактат, периодически пытаясь вовлечь в спор Чела, но тот не поддавался. Изю всей этой научной белоберды Чел понял только то, что Кришна и сам ничего не понимает, и такого объяснения Челу вполне хватило. Жизнь такая, исторонившая и размеренная, была Челу по душе, тем более, что с Кришной у них все складывалось пока отлично, и они не раздражали друг друга, что в дальних рейсах случается довольно часто, если нет неприятного экипажа.

Чел досадовал и открыл бутылочку пива. Турбовер выдержал. Они попререзались с КоКом, и Чел решил не чать уборку с кладовой. В каюте он набрал воды в ведро, бросил туда тряпку, взял швабру с ведром и пошел по коридору. По мере продвижения Чел стал быстро устывать, хотя идти до кладовой всего-то метров пятьдесят почти напрямик. "Теряю форму, — подумал Чел, — надо бы заниматься на физкультуру". А коридор все удлинялся, шаги все укорачивались... Вода в ведре качнулась, медленно выплеснулась и исчезла где-то под ногами... "Мы что, меняем курс?" — подумал как-то безразлично Чел, разжал руки и швабра осталась где-то рядом, а стена коридора встала поперек. Чел обогнул ее и, катаясь на какие-то стены и двери, куда-то пошел...

Чел очнулся от ошущения прохлады, мягко его обволакивающей. Приоткрыв глаза, он увидел перед собой молочно-белое пространство, уходящее в бесконечность, и в этой пустоте что-то ужасно далекое пульсировало, билось, словно пыталось вырваться из пленки телены, но это ему не удавалось. Прохлада исходила из этого пространства, приятно было парить и парить, не думая ни о чем.

...Чел приподнялся, сбросил мокрое полотенце с лица и уставился на Кришну, пытаясь окончательно прийти в себя.

Кришна звякал каким-то пузырьком и судорожно капал из него в стакан. Обернувшись, он облегченно вздохнул и поднес его к губам Чела. Выпив что-то горькое, Чел попросил пива и сделал несколько глотков.

— Чел, на тебе лица не было. Ты ввалился в рубку и рухнул, как подкошенный... — промолвил Кришна растерянно.

Чел тряхнул головой, стараясь сосредоточиться и вспомнить все то, что с ним произошло. Вспоминалось что-то обрывистое, не связанное друг с другом: коридор, вода, стена... Сердечко, что-ли, пошаливает?

— КоК! — Воскликнул вдруг Чел, озаренный возможной догадкой, — дай картинку грузового и проверь, нет ли какой утечки!

— Контейнера? — Понял его Кришна, он раздумывая мгновение, затем рванулся к двери и скрылся.

— Кришна, назад! — Заорал Чел, поднимаясь из кресла.

Он услышал, как Кришна хлопнул дверью и вернулся в рубку.

— Я запер дверь, Чел... КоК!.. КоК!!

Чел нажал на сигнал общей тревоги. Сигнал не сработал. КоК молчал. В возникшей тишине что-то отчетливо хрустнуло в недрах компьютерного центра...

Чел услышал давно забытую мелодию блюза... Кришна смешно выпучил глаза и оскалился... Свет на экране медленно померк, в рубке тоже... Двигатели рванули и отключились...

И все погрузилось во тьму.

— 17 —

Чел летел в пространстве, легко управляя своим невесомым телом. Он чувствовал себя огромным и всесильным. Небесные сферы крутились, переливаясь разноцветными огнями, похожие на причудливый, странный салют. Чел с разгоном пронизывал их, вертел, упиваясь могуществом, смеялся и кричал от восторга. Движение руки — и огромные звезды всхливали термоядерными кострами, космическая пыль биллионами точечных уколов пронизывала тело, вызывая ответную дрожь эластичного покрова. Вытянув вперед руки, он, как глубоководный ныряльщик, погружался в кипящую массу звезд, чтобы вынырнуть с другой стороны еще более посвежевшим и обновленным...

И он летел и летел в пустоте, закрыв глаза, раскинув

руки, не чувствуя ни времени, ни пространства, ни самого себя...

Внезапно он очнулся, хотя ощущение полета все еще жило в каждой клеточке тела. Полная тишина и темнота вокруг словно бы продолжали сновидения, но Чел почувствовал легкую головную боль и окончательно вернулся в реальность. Из кресла, в котором он сидел, Чел потянулся к пульту и включил поочередно все системы корабля. Тускло замерцал экран, включился свет, приборы, индикаторы.

На полу в центре рубки тихо постанывал Кришна. Но вот и он тоже приподнял голову, посмотрел вокруг невидящим взором, и медленно в его взгляде начали проскакивать проблески сосредоточенности и мысли. Он увидел Чела, открыл рот и промычал что-то невразумительное, сел, как в замедленной съемке, повертел головой, и наваждение постепенно отступило.

— Чел, что это было?

По экрану пробежали световые пятна, искорки, какие-то цифры, образы и, наконец, установилось нормальное изображение.

— КоК... КоК!

— Да... шеф.

— Как ты себя чувствуешь?

— Шеф... после ремонта я такой же, как прежде. Я готов к работе, шеф.

— А-аа... Дай картинку грузового.

— Грузового, шеф?

— Да, грузового отсека, КоК, картинку.

На экране появилось изображение грузового отсека. Четыре контейнера стояли как обычно. Пятый лежал на боку с лопнувшим дном на стыке стенок. В остальном все было без изменений.

— Все понятно, КоК. Теперь по очереди все отсеки.

Везде было, как прежде, разве что пыль покрывала все видимое больше обычного.

— КоК, прокрути в памяти все самые последние минуты.

КоК после некоторого молчания стал вспоминать:

— Согласно инструкциям и указаниям была внесена коррекция полета... э-э-э... затем выключение систем двигателя, внутренней сети... Дальше все.

— Где мы сейчас находимся и сколько времени прошло, ты можешь сказать?

— Насчет времени — ничего сказать не могу, а находим-

ся мы в северо-восточной части, в квадрате 352-710-79
Отклонение от курса — сто пятьдесят тысяч парсеков.

Кришна присвистнул:

— Так это несколько недель полета. Не может быть, Чел.
Чел махнул рукой:

— КоК, заблокируй двери грузового и выкачай воздух.
Впрочем, воздух не надо, могут полопаться.

— Сделаю, шеф.

— Теперь поройся в картах и высчитай курс на ближайшую станцию.

— А мы и находимся на одной из станций, шеф, — равно стно доложит КоК.

— Что-о?

На экране застыли звезды и ничего не было видно. Как догадался дать круговой обзор, и они увидели, что им звездолет пристыкован к огромной станции.

— Станция техобслуживания, марка — ТО-5А1 — Бледноу знайкомое, гордо доложит КоК.

— И долго мы здесь торчим?

— Не могу знать!

— Ффу ты, ну ты... Бред какой-то... Она ~~там~~ жила? По чему нет связи и огней?

— Шеф, я бы с удовольствием сам там побывал и выгляди, что к чему, только боюсь, мне трудно будет припомнить свой припаянный зад.

— Заткнись!

Чел поерзал в кресле, достал пару бутылочек пива и привычным движением...

— Шеф!! Мы пристыкованы!!

...открыл их одна об другую, усмехаясь. Они с Кришной осушили бутылки и почувствовали некоторое облегчение.

— Ну что, Криш, мы так можем сидеть и сидеть. Думай — не думай, а идти надо... Надеваем костюмчики, мыться бриться будем потом.

— 18 —

На станции царил тишина и покой. Не работали цеха, конвейеры, двигатели, никто не ходил по коридору, лишь тускло светили холодным неоновым светом лампы коридора. Разгерметизация не была, но, на всякий случай, они не снимали скафандры. Открывая и закрывая двери, они удивленно шли по коридору, оставляя после себя следы на вылизанном кафеле.

Прочитав на одной из дверей "Операторская", Чел толкнул ее плечом, и они вошли. За центральным туалетом сидел какой-то толстячок и жевал что-то из консервов. Увидев их, он выпучил глаза, подскочил и согнулся в сильном кашле. Проводив застрявшее дальше по маршруту, он испуганно выгянул из-под стола и поднял руки вверх.

Чел с Кришной неторопливо подошли к толстяку. Чел начал раскручивать шлем. Кришна присел на край стола и поднял к лицу стоявшую там бутылку:

— Чел, похоже, во всей вселенной нет более благородного напитка, чем "Белая лошадь", — и тоже стал освобождаться от скафандра.

Толстяк не проронил ни слова, только хлопая глазами, стараясь смотреть на обоих сразу. Чел, положив шлем на стол, подмигнул толстяку и поинтересовался:

— Ну и как идет работа! Заказов много?

Не получив ответа, он обратился к Кришне:

— Похоже, что на станции больше никого. Так, что ли? — Он повернулся к толстяку. Толстяк, наконец, пришел в себя, опустил руки и проворчал:

— Какая тут работа... Вы что, издалека?

— Ну.

— Как только пролетели... — удивился толстяк. — Вы что, не в курсе?

— А что такое?

— Война идет.

— Давай?

— Давай.

— И что за война?

— Чел, какая может быть война?

— Подожди. Так кто с кем воюет?

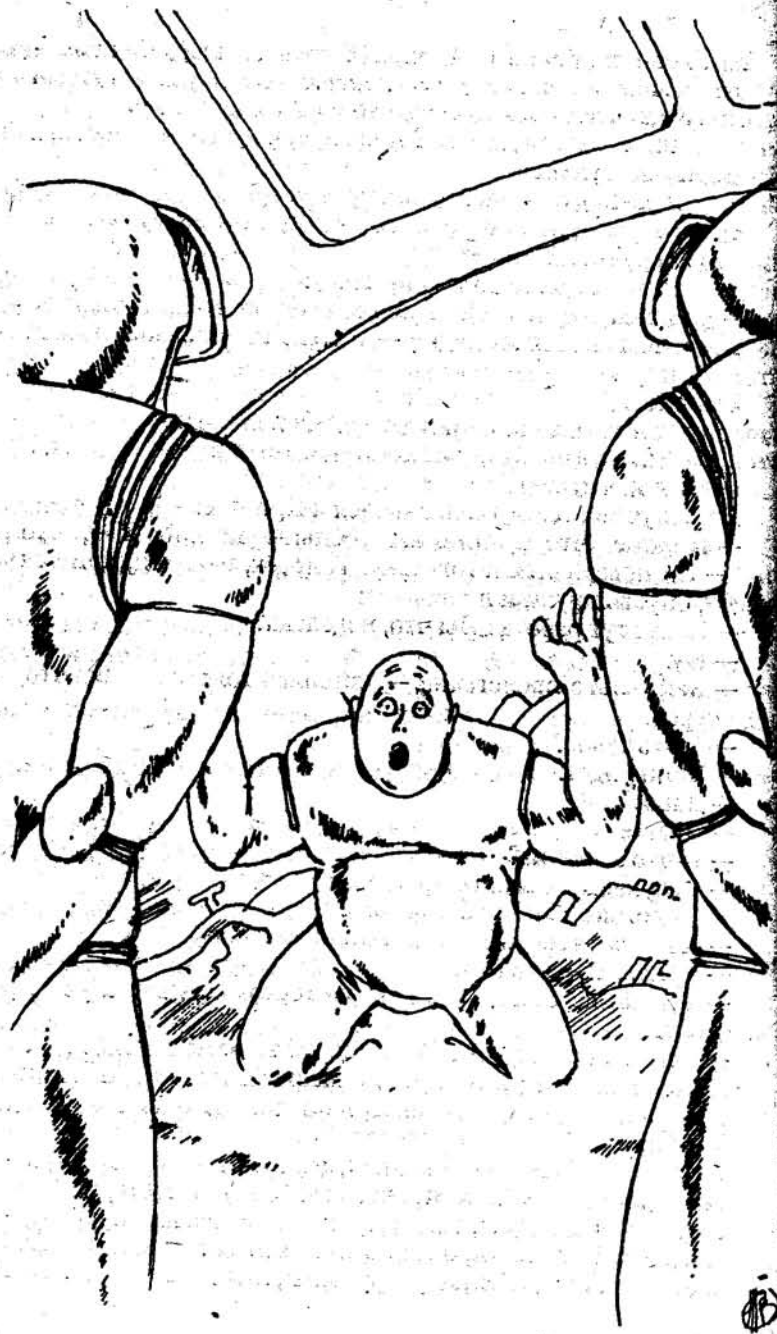
— А кто его теперь знает... Наши с вашими.

— А "ваши" — это кто?

— Тутोшские, местные с Северо-Востока... А вы, случаем, не десант?

— Десант, десант, успокойся. Давай толком, по-порядку.

И толстяк поведал историю о местной планете, обитатели которой, люди религиозные, в последние годы как с ума посходили на этой почве... ждут какого-то пришествия, якобы описанного в ихней "Книге Судеб"... настоянные культовые обряды, хотя большинство прозябает в нищете, торговля свернулась... Потом, говорят, власть захватила кучка фанатиков и после переворота началась настоящая бойня... Все ближайшие станции либо разрушены, либо захвачены. Сам

он сумел спрятаться, остальных увели... Теперь живет тем, что подбирает части, а то и целые спутники, остающиеся после набегов, а улетать на этой тихоходке боится.

— Ну и сдохнешь так когда-нибудь с голоду, либо свихнешься от страха.

— А что делать, что делать? Вчера вас вот подобрал, хотел посмотреть, что это за штука такая... ни света, ни связи... Для маскировки?

— Для маскировки, для маскировки. Есть там у нас чудные маскировочные контейнеры... Открыл — бац! И отключился вместе со всей электроникой... Сволочь белобрысая... Впрочем, сам должен был догадаться, что везу, — бурчал Чел.

— Так ты знаешь, что в контейнерах, Чел?

— Ты-то сам, бывший полицейский, еще не догадался?

— Рэк, что-ли?

— Рэк, что же еще. Последний писк. Я видел, как балдеют и люди, и роботы. Волновое воздействие, полная отключка. Привычки не вызывает, зато крыша быстро съезжает... Что будем делать, Криш?

— Как отсюда выбраться? Да разогнаться как следует в облет этих фанатиков. Знать бы только, где сейчас воюют... Можно опять все отключить.

Толстяк взял бутылку виски, закинул пару глотков в горло и решительно спросил:

— Берите меня с собой. Я эти места знаю. У меня и оружие имеется.

— Что возьмем — само собой. А насчет наркотиков, Криш, думаю, выбрасывать не будем и, даст бог, выберемся — сдадим Старнолу, пусть сами разбираются.

— О'кей, Чел, — согласился Кришна и обратился к толстяку. — Ну где там твое оружие?

Они прошли в складские помещения и толстяк, которого звали Бумба, показал на опечатанную дверь. Замок, впрочем, был взломан, и внутри они не нашли ничего хорошего. По-видимому, фанаты мимо не прошли. Из старья они выбрали пару лучевых пистолетов, да Чел взял еще зачем-то тяжелый железный револьвер, вообще непонятно как сюда попавший.

Захватив все запасы продовольствия, они забрались в звездолет и отчалили. Чел расположился в кресле и строго-настрого приказал КоКу следить в оба глаза, или сколько там у него, за обстановкой, и чуть что — мгновенно выключать все системы. "Кроме подачи воздуха", — подумав, доба-

вия Чел. Он привычным движением хлопнул пробкой, и корабль пошел на разгон... Бумба явно соскучился по общению, повеселел и стал рассказывать анекдоты из жизни фанатиков.

— 19 —

Еще двое суток они летели спокойно, не встречая никого на своем пути. Дежурили они по очереди и даже во время сна не снимали скафандров. Беспокойство постепенно уходило, Чел уже обдумывал дальнейшие планы, как их атаковали.

Атака произошла совершенно неожиданно для них. Кок ничего не заметил, кто и откуда стрелял, он успел лишь произнести: "Внимание, шеф! Слева по курсу ракета...", как их тряхнуло так, что Чел вылетел из кресла. Звездолет, страшно заскрежетав, развернулся, рвануло бак, и он завертелся вращением, как подбитый кобой, распыляя вокруг себя громады запасных баков, антенны, какие-то куски металла.

Обзорный экран лопнул, как пыльный пузырь, освобожденный воздух устремился в пространство, прихватив с собой все, что только возможно. Чел не успел ничего сообразить, не успел ничего сказать, как его выбросило воздушной волной в пустоту. Он не успел даже осознать в полной мере опасность, как все случившееся осталось позади. Вокруг него вращался и ионизировал его родной звездолет, разбрасывая то, что не успело разрушиться сразу после взрыва.

Кришну и Бумбу он не видел и не знал, что с ними. Связь молчала. Звездолет удалялся. Чел включил автономные двигатели и остановил вращение. Прикинув, что догнать звездолет ему уже не удастся, он все же потратил значительное количество энергии на собственное торможение и стал внимательно осматривать видимое пространство... Единственный вариант спасения теперь состоял в том, что его могут подобрать нападавшие. Поэтому он, как только опомнился, включил связь и настойчиво вызывал Кришну, хотя понимал, что сам не погиб только по счастливой случайности, и что спутникам могло так не повезти, как ему. Мимо проплывали осколки, бутылки, разбитые двери, вывороченное кресло — все вперемешку с каким-то мусором и пылью. Он стал явировать и искать спутников. На глаза ему попался метрак в пятидесяти пустой шлем, подобрав

который, Чел попытался определить, из запасных он, или чей-то.

— Сволочи вы все!.. Дерьмо собачье!! — Зло поливал эфир руганью Чел, но ответом ему было молчание. Совсем отчаявшись, он все же решил не отставать слишком от звездолета и выработал все ресурсы передвижения. Теперь ему оставалось уповать только на бога, но в него Чел не верил.

Он что-то бормотал, то кричал, иногда ему слышались чьи-то голоса, и Чел требовал повторить ответ, но ответа в очередной раз не было, и Чел замолчал, покорившись судьбе.

Ему казалось, что прошла целая вечность, он удивился, почему все еще дышит и почему кислород, запасов которого хватало лишь на десять часов, продолжает поступать исправно в легкие.

Но всему приходит конец. Принял конец в мучениям Чела. Ему повезло, водлившая пеньюшка вглядела его внутрь.

— 20 —

Какие-то люди в стандартной зеленой форме молча освободили Чела от скафандра и отвезли, толкая в сторону оружия, в уютно темную камеру. На вопросы они не отвечали, а за ругань Чел тут же получил по щекам. "Хоть не глухие", — оскандясь на ушах, прошепели Чел.

Следующие дни он провел в одиночестве, вытаскивая стул к стене, разговаривать охранников, но за каждую навою инициативу приходилось расплачиваться обидным ухудшением здоровья. Приходи каждый раз в себя и лишнего оправдаться, он требовал начальство, прогни судом, настаивал на соблюдении прав Человека... и все протормозилось по новому кругу. В конце концов здравый смысл взял вверх, Чел решил побережь здоровье.

Его так никто и не вызывали, но, когда он почувствовал, что корабль захватчиков начал длительное торможение, стало понятно, что скоро все прояснится.

Его перевели в носовую пеньюшку, которая, вырнувшись в атмосферу планеты, в скором времени уже неслась над каким-то городом, пока не села на аэродром. Но и тут с ним не перемонились, затолкали в фургон грузовика и отвезли в тюрьму. В настоящей планетарной тюрьме Чел еще ни разу не бывал, и больше бытвать вряд ли замотел бы. Недели за две он здорово похудел, оброс длинной щетиной и стал чувство-

вать, что потихоньку начинает сдавать. Ежедневные порции хлеба и воды он съедал автоматически, отрешенно гадил в бачок и спал без сновидений на подстилке в углу камеры. Единственным развлечением служило раздавливать на себе каких-то насекомых еще до того, как те вопьются в кожу, но это удавалось редко. Иногда его избивали, но не сильно, просто для порядка.

Но Чел все ждал и ждал, надеясь получить если не объяснений своих "преступлений", то хотя бы оглашения срока, который он получил. И вот настал день, когда двери камеры открылись и вошедшие, судя по всему, высшие офицеры вежливо пригласили Чела на выход. Проходя через тюрьму, он отметил, что ни на лестничных клетках, ни во дворе не было ни одного надзирателя или заключенного. Так, тайком, он был перевезен в центральное здание города. Его со всеми предосторожностями провели в боковую дверь огромного не то храма, не то государственного учреждения.

И еще он успел заметить многочисленные портреты... самого себя. Крупным планом над входом. Огромное изображение всю стену напротив. Его заросшее лицо с внимательно смотрящим взором.

Чела привели в небольшую комнату, просто обставленную. На единственном, выходящем за рамки этой спартанской обстановки, длинном диване восседал серьезный, еще не старый человек в военной форме. Чел остановился напротив, и некоторое время его бесперемонно рассматривали сидящие тут же, вокруг предводителя, его несколько, по-видимому, советников. Человек напротив смотрел прямо в глаза Челу, и по выражению его лица ничего нельзя было определить. Один из советников наклонился к главному и что-то ему тихо сказал. Главный усмехнулся и откинулся на диване. Чел первым нарушил затянувшуюся паузу.

— Что вам от меня нужно? Где мои спутники по кораблю?

Главный после короткого молчания подался вперед и бросил:

— Говорим здесь только мы. Когда будет нужно говорить тебе, мы скажем. Я думаю, он подойдет, — полувопросительно-полуутвердительно обратился он к советникам и повернулся к Челу. — Тебе повезло, вонючий шакал. Ты будешь нашим богом.

И он захохотал вместе с остальными. Затем приподнял руку вверх и воцарилось молчание. Он продолжал:

— Ты будешь выполнять все то, что тебе скажут. Лишнее

слово, произнесенное тобой, будет тебе приговором. Уведите.

И Чела с такими же предосторожностями отвезли назад.

— 21 —

Около недели Чела держали в тюрьме, но отношение к нему несколько изменилось. Сменились надзиратели, прекратились побои, стали лучше кормить. После того, как его привезли назад, ему вручили листки с текстом — он должен был заучить его наизусть. Состоялась и проверка, где Челу пришлось повторить все написанное. Текст состоял из того, что он, Бог, явился, чтобы спасти род людской, исцелить больных и навести на путь истинный заблудших, а так же покарать неверных. Всю эту прокламацию нужно преподнести всем верующим в деизм Святого Пришествия перед многотысячной толпой и перед телекамерой — репортаж будет вестись на всю планету. Челу посоветовали как следует подготовиться, чтобы, не дай бог, у народа не возникло сомнений. Для этой цели в камеру доставили зеркало и видео, чтобы Чел как следует отрепетировал речь. "Насильно становится "Богом"? — Думал Чел. — Ладно, вы получите своего Бога, только мы еще посмотрим, что из этого выйдет... Так просто использовать и убрать не получится". Чтобы его поведение не вызывало подозрений, Чел исправно выполнял то, что ему говорили. По-видимому, его старание было отмечено, и надзор несколько поослаб. Чел попытался, однако, выяснить, что же произошло с Кришной и Бумбой, но главный присек разговор тут же, заметив, впрочем, что таких он не знает... Так пролетела неделя...

Ранним утром, едва забрезжил рассвет, Чела подняли и заставили облачиться в длинный белый балахон. Затем он повторил вновь все свое выступление, повышая, где надо, интонацию, и даже доводя речь до громового голоса, жестко жестикулируя руками. Во время последней репетиции он видел, какое впечатление производит все сказанное на тех, кто помогал ему одеваться. Грозно посмотрев на помощников, Чел рыкнул, чтобы они не копошились и сразу везли его на площадь, и его несколько растерявшиеся опекуны тут же обещались все исполнить.

Но когда его привезли ко дворцу и передали в другие руки, а тех, кто его сопровождал, быстро загнали в машину и куда-то увезли, Чел понял, что не все так просто. Главный со свитой уже готовы были к выходу и ждали, когда привезут

Чела. Видно было, что они тоже волновались, хотя и старались это скрывать. Гул толпы доносился с площади, по его мощи Чел понял, что народу собралось сотни тысяч. Еще никогда Челу не доводилось видеть такую массу людей, тем более выступать перед ней, и, хотя все его действия были отрепетированы в жестах и словах до мелочей и все выступление находилось под контролем, Чел чувствовал внутренний душевный подъем, который ему, наверно, передавался через стены дворца.

...Он вышел в сопровождении всей свиты на высочайшую трибуну, и толпа замерла. Не слышно было никаких криков, разговора — все, казалось отсюда, с высоты, затаили дыхание. Чел под объективом телекамер неторопливо осматривал толпу, и если бы видел сейчас себя со стороны, то вряд ли признал бы себя. Он махнул рукой и возвестил о том, что он услышал голос верующих, и пришел, чтобы спасти и защитить... Рев толпы заглушил даже собственный его голос, и Чел, выждав немного, поднял руку и воцарилась тишина. И он продолжал заготовленную речь, и обещал в конце явить всем чудо, и он окончил речь и простер руки над площадью, как и было написано в конце "сценария"... Восходящее солнце на горизонте оказалось в его ладонях. Неведомая сила подхватила его и понесла над площадью, и он касался всех своим развевающимся балахоном, и слепые — прозревали, глухие — слышали, калеки — исцелялись. Он чувствовал в этом полете чуть знакомую ирреальность происходящего и неимоверным напряжением воли пытался вспомнить... вспомнить... Ослепительное солнце приблизилось, сделалось огромным, похожим на огненный океан, Чел, воздушный и невесомый, огромный, и всесильный нырнул в кипящую массу звезд...

Медленно приходя в себя, Чел с удивлением осматривался вокруг. Рядом с ним на трибуне лежали вповалку люди в зеленой одежде, среди которых Чел признал окружение Главного и его самого, лежащего ничком, раскинув руки. Струйка крови вытекала из-под лица Главного и скрывалась под опрокинутой телекамерой. Полная тишина оглушила Чела, не слышно было дыхания лежащих и только по собственному тяжелому дыханию Чел понял, что он не оглох.

Он поднялся и, шатаясь, стал выбираться с балкона, переступая лежащих. Медленно возвращалась память о последних минутах. Чел вдруг все вспомнил. Он осмотрелся в коридоре дворца и, оглядываясь, побежал к выходу. И только гулкое эхо его шагов сопровождало его бег. И тут до него

дошло объяснение всего происходящего: и то, что в конце его речи они использовали рэк, и то, что они переборщили с дозой, вполне возможно, вскрыв весь контейнер, и то, что этот момент нельзя упускать. Но куда бежать и что делать дальше, Чел не знал. Во всяком случае, появилась возможность спастись, и Чел, прыгая по ступенькам лестницы, на ходу прикидывал все варианты. В это время он заметил, что среди толпы лежащих людей началось шевеление многие садились, некоторые уже стояли. Подобрав в руки длинный подол балахона, Чел с ходу ударил начинающего приходить в себя человека из охраны дворца, вынул из руки того мегафон и замедлил движение, осматриваясь. Он подошел вплотную к полубессознательной шевелящейся массе и стал взбираться на выступ здания. Получилось вполне неплохое место для обзора — нечто вроде импровизированной трибуны. Постепенно отдельные крики и голоса превратились в бесперывный рокот, который набирал силу. Все большее и большее число людей видели перед собой сурово и непреклонно стоящего Мессию, спокойно оглядывающего рабов божиих. Он лишь изредка бросал быстрые взгляды по сторонам, тут же вновь обращая свой взор на покрытую людьми площадь. Вот он взмахнул рукой как тогда, когда явилось чудо, и толпа жадно замерла, готовая внимать божественным словам. И Чел поведал им историю о долгих странствиях, как он спешил им на помощь, чтобы отблагодарить верных и наказать неверных. И что, явившись на их планету (Чел до сих пор не знал ее названия), он обнаружил упадок и разруху, больно ранившую его сердце, и что он знает всех виновников несчастий и бед, и что наказать их должны они сами по своему усмотрению, помня Святое Учение, но не забывая сотворенного теми непростительного греха.

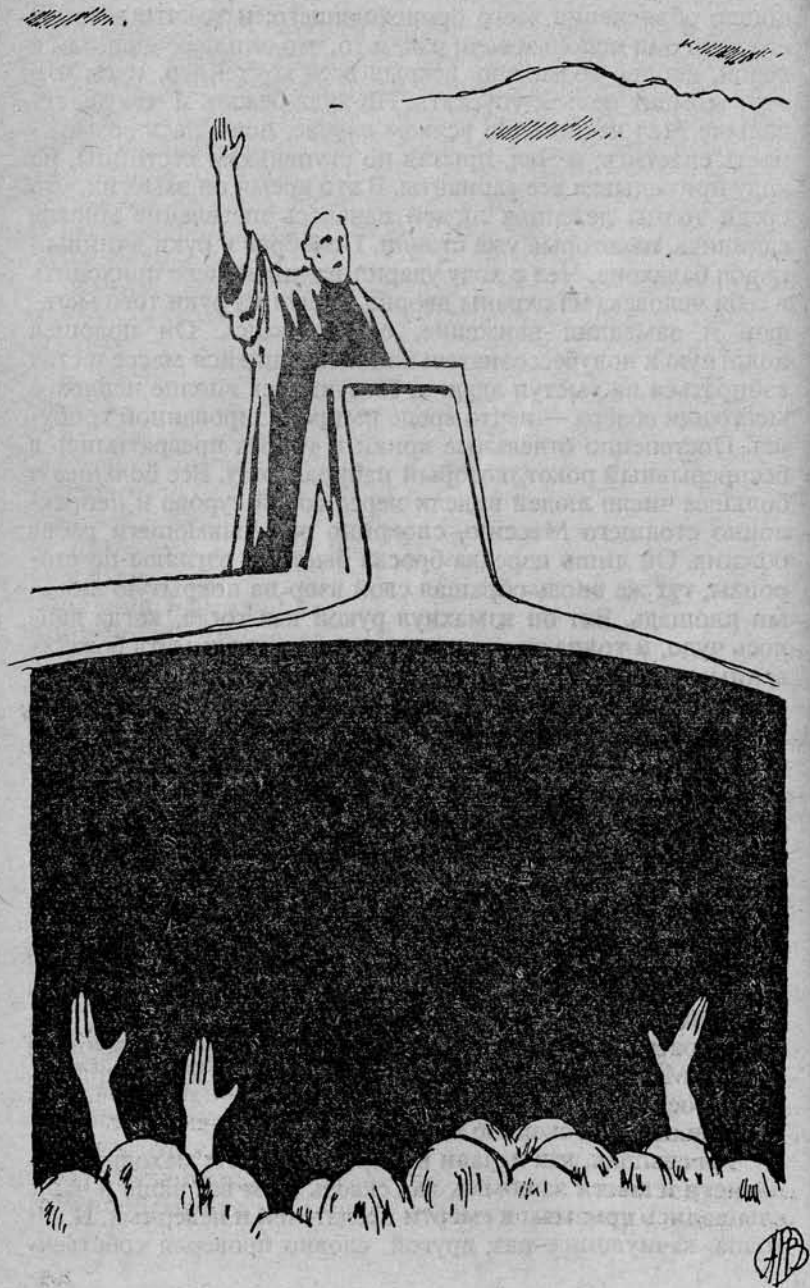
— Кто они?.. Кто?.. Назови их! — Начала бесноваться толпа.

И Чел вскинул руку вверх, и назвал, и толпа замерла, не веря в услышанное, а Мессия стоял спокойно смотрел на растерявшееся море людских голов.

— Братья мои! — Старался говорить проникновенно и громко Мессия — Вера и разум требуют того, и да свершится правое дело!

И он опустил скорбно голову.

Чел слышал, как начали набирать обороты маховики ненависти и мести за обман, как сквозь шум все чаще и чаще слышались призывы к смерти предателей и неверных. И вот толпа, качнувшись раз, другой, словно проверяя собствен-

ную решимость, хлынула на ступени. Рев прокатился по площади, и он не стихал до тех пор, пока сверху, с балкона, не были скинуты все отродья сатаны...

— 22 —

Второй день Чел сидел в одной из комнат дворца, вслушиваясь в тихий говор проходящих и сидящих за дверью людей, и не знал, что происходит снаружи. Иногда ему казалось, что всем уже стало все ясно, и скоро его скинут так же, как предшественников. Он вообще не знал, что должен делать сошедший с небес, и может ли он попросить себе пищу, или для этого нужно сотворить ее самому, и какой именно из религий он принадлежит, и вообще, где находится. Множество вопросов настолько запутали Чела, и настолько он чувствовал себя разбитым, что, не будь у него желудка, он сам так бы и не вышел из добровольного затворничества. К тому же Чел чувствовал, что выбранное поведение в образе бога является единственно приемлемым для собственной безопасности, но на постоянное внутреннее напряжение ему вряд ли бы хватило сил. "Как бы то ни было, а есть охота... Бог я, или не Бог, в конце концов!" — решил Чел и приоткрыл дверь. Тотчас сидевшие в коридоре попадали ниц. Он знаком показал одному из них войти и, пропустив внутрь, запер дверь.

— Не волнуйся, сын мой! — Промолвил Мессия, поднимая на ноги целовавшего его одежду человека. — Расскажи о своих проблемах, и я тебе помогу. Но перед этим принеси мне то, что ты ешь сам и поделись пищей телесной, этим ты снимешь с себя все грехи, совершенные тобой.

Вошедший, не смея взглянуть ему в лицо, вышел в отпертую Челом дверь. Чел приник к скважине, стараясь понять, что там будет происходить. Но очень недолго простоял склоненный к замочной скважине Чел — у двери кто-то остановился и ему пришлось отпрянуть подальше:

— Войди, сын мой!

Вошедший держал перед собой поднос, уставленный хлебом и какими-то фруктами. Они сели за стол, Чел отломил кусочек хлеба и стал его посасывать, стараясь не чмокать. А вошедший стал рассказывать о своих грехах и каяться, о своих проблемах и сокрушаться, о своей к нему любви и благоговей. Выслушав, Чел, молча выпроводил его за дверь и велел доставить к нему того, кто сейчас исполняет его волю народу, а сам тем временем принялся утолять голод. Но

не успел Чел как следует подкрепиться и доесть какой-то фрукт, как в дверь постучали и на пороге показался военный. С разрешения Чела он прошел в комнату и положил на стол папку с документами.

— Разрешите присесть? — Спросил военный и тут же бухнулся на стул. — Я — верховный главнокомандующий, генерал. А вы кто такой?

— Я... Бог, — промямлил Чел, несколько растерявшись под напором такой наглости генерала, и тоже уселся на стул. Генерал оглядел Чела как следует и признал:

— Похож, похож... Однако к делу. Это мои хлопцы подобрали тебя около твоего разбитого миной корыта, так что не будем трогать Бога. Бог ты только для них! — Генерал махнул рукой. Но затем резко обернулся и дальше продолжал говорить тише. — Знаешь что... как тебя?

— Чел.

— Знаешь что, Чел, — глухо проговорил генерал. — У меня к тебе предложение. Ты здорово влип, и шагу не сможешь ступить без того, чтобы от тебя не требовали чудес и чудес. Сам понимаешь, бесконечно это продолжаться не может. Поэтому предлагаю тебе тихо слинять, звездолет я тебе выделю. За это ты назовешь меня своим преемником... Предложение понятно?

Чел положил огрызок фрукта на стол. Он не торопясь вытер руки об одежду и посмотрел на генерала. Генерал в ожидании сцепил руки и мрачно уставился на пол.

— Какие гарантии, что я улечу, и что меня кто-нибудь где-нибудь не ликвидирует?

— Никаких. — Уверенно ответил генерал. Кроме тех, что за твоим отлетом... м-м-м... вознесением будет вестись репортаж на всю планету. Мне невыгодно тебя убирать... А какие гарантии, что ты не выйдешь и не объявишь меня неверным?

Они усмехнулись друг другу.

— Вот что, генерал. Мне нужны сведения о моих спутниках... Их подобрали?

Генерал скривился, встал с кресла и тяжело заходил по комнате:

— Сейчас кругом идут военные действия. Коалиция Востока сильна, и разбить ее мы можем только с помощью мужества и веры...

— Где мои спутники, генерал?

— ...С помощью мужества и веры... М-да. Вы должны выступить перед народом с речью о нашей неперенной побе-

де в священной войне... Честно говоря, бои идут тяжелые, Коалиция применила какие-то новые вооружения на своих спутниках. Несколько переговоров удалось перехватить нашему доблестному флоту — те спутники называют друг друга киберами. Вам что-нибудь известно о них?

— Нет. Но я повторяю свой вопрос.

— Да, да... Мы кого-то там выловили еще. За последний месяц человек сорок-пятьдесят... В условиях военного времени все военнопленные и изменники веры ссылаются на принудительные работы на планету Цветов... Прошел уже немалый срок. К тому же, имен не спрашивают. Если и живы, то среди десятков тысяч найти будет довольно трудно. Ты и сам там мог оказаться... Во всяком случае, я отдам распоряжение.

— Без них я не буду выступать. И если, генерал...

— Хорошо. Я постараюсь сделать все, что возможно. Только хороших вестей не жди. С планеты Цветов никто еще не возвращался назад... Да и не все еще в моей власти. Я же тебе говорю...

— Если это поможет делу, генерал, я готов назначить вас заместником. Только после вступления я остаюсь здесь до их возвращения. Этот вариант устраивает?

— Значит, мы договорились. В таком случае, митинг мы проведем завтра же... Все.

Чел отвернулся, чтобы не протягивать руки, подождал, пока генерал не вышел. "Во всяком случае, все не так плохо. Главное — есть шансы их спасти, если они живы... А с генералом надо держать ухо востро". — Подумал Чел. Его тут же потянуло спать — сказало напряжение последних дней...

...Наутро к нему постучался генерал, и они прикинули будущее выступление, чтобы оно устроило обоим. Чел решительно отказался призывать к "священной войне", к тому же он вдруг вспомнил что Кришна как-то рассказывал ему о киберах-убийцах и все, что он вспомнил, рассказал генералу, посоветовав одуматься. Тот помрачнел еще больше, но в глазах его засверкали яростные огни:

— Мы сломаем шею этим металлическим чудовищам!... Утром мне передали последнюю сводку — двое уже уничтожены, несмотря на потери. Но нашу армию и наш народ не поставит на колени!

И тут до Чела дошло в полной мере, какую опасность для жизни народа своей же планеты представляет этот фанатик. Ему стало страшно от того, что он будет этому способство-

вать... С другой стороны, если бы генерал привел тот час Кришну и того же Бумбу, Чел вряд ли бы долго рассуждал.

— Кстати, генерал, какие новости с планеты Цветов?

Генерал удивленно посмотрел на Чела:

— Ах, да... Тебе местонахождение неизвестно. Дело в том, что до этой планеты дней двадцать пути. В лучшем случае, они сами, или известие о них будет доставлено через сорок дней... Символически печальная цифра, не так ли? Я просто предупреждаю еще раз, что шансов мало.

— Спасибо, генерал. Придется подождать.

— Сорок дней — большой срок. Ты можешь полететь туда на корабле в сопровождении преданных мне людей хоть сегодня. Думаю, весть о Боге дойдет туда раньше вас... Я даже согласен освободить всех заключенных от работ и убрать с планеты всю охрану — все равно это придется сделать для усиления армии. — Рассуждал вслух генерал, даже не глядя на Чела. — Выигрыш во времени налицо, это самое мудрое, что мы можем предпринять.

Чел решил действовать на свой страх и риск.

— А остальное командование не будет против?

Генерал поднял брови:

— Остальное?... Вся власть у меня в руках. Выше меня разве что Господь Бог... Сейчас все ждут, что скажешь им ты, а дальше можешь не беспокоиться, я все организую.

Чел в это время медленно прохаживался по комнате, прикидывая в последний момент все возможные последствия. Он решил, что поступит правильно. Словно раздумывая, он неторопливо зашел за спину генерала, взял тяжелый стул и, стараясь не убить, опустил его на генеральскую голову.

Оттащив тяжелое тело в угол, он воткнул в рот кляп и связал генерала шнуром от настольной лампы, решив, что генералу лучше пока полежать здесь, а сам, отдышавшись и успокоившись, направился на балкон — подходило время выступления.

Гудящая и наполненная людьми площадь была похожа на огромный улей. Чел опять почувствовал волнение, но гораздо меньшее. Он знал, что ему нужно сказать, хотя и не знал, как на это отреагируют. Но это был единственный шанс. Мелькнула шальная мысль о том, что еще несколько обращений к народу — он привыкнет к божественной своей сущности... А потом и вовсе тут останется пудрить людям мозги. "Шуточки, шуточки..." — Чел в почтительно колени-преклоненном молчании окружающих следовал на бал-

кон. — Сейчас тебе будут шуточки. Не забыть бы о помиловании всех... об отмене боевых действий... Сказать, что я — единственный для всех бог, — и имя мне — Человек?! ...Убьют еще, заразы... Зато потом сюда будут съезжаться паломники новой веры, молиться за самих себя... Однако, от этого не сладче. О чем еще? Чтобы подали корабль для инспекции планеты Цветов! А дадут ли? Скажут — лети так... и полечу, с балкона."

Чел вышел на трибуну, стараясь сохранять необходимое выражение лица. Рев толпы приветствовал его. Чел поднял руку, и все замерли. Лишь тихий звук, похожий на свист, нарушал тишину.

— Я пришел сюда... — Спокойно зазвучал голос Чела, усиленный в тысячи раз. — ...чтобы сообщить вам... одно известие. Оно касается каждого из вас, и я хочу, чтобы вы восприняли его всем сердцем и разумом... Дело в том, что я — ваш Бог — говорю вам... Я явлю свое последнее чудо. Я растворюсь в каждом из вас, и каждый из вас будет равным Богу... А сам стану таким же, как любой из вас — смертным... И не будет больше меня во веки веков! — Чел повысил голос. — Но останутся люди, и они будут рождаться и умирать! И каждый из них будет равен другому, и не станет в мире униженный, не будет места распри и войнам, ибо все люди будут равны и достойны уважения... Верьте в себя! — "Черт возьми!" — Хотел добавить Чел, но вовремя сдержался.

Толпа внимала и молчала. "Понимают ли они вообще, о чем я говорю?"

— Чуда... чуда... — Еле слышные отдельные крики доносились до Чела сквозь нарастающий свист. "Откуда это? — Подумал Чел и глянул на телевизионщиков. Те возились с аппаратурой, ничего не понимая."

— Чуда. Чуда! Чуда!!! — Подхватила толпа. Она все громче и громче подхватывала призыв, подтягиваясь ближе к трибуне. "Как бы не возникло давки", — подумал Чел, и тут свист стал отчетливо нарастать. Толпа ахнула, заревела, заколебалась. Чел поднял голову. В небе светился огромный шар, увеличиваясь в размерах...

Шар повис над площадью. От него отрывались в разные стороны и гасли язычки света. Один из них стал расти в сторону трибуны. Операторы разинули рты, бросили камеры и сбежали. Чела толкнуло в грудь, подхватило что-то и подняло над трибуной. Он попытался сопротивляться, но его сопротивление было похоже на копошение мухи в

стакане воды. В тому же его немного ослепило, а может оглушило, потому что планшеты он больше не видел и слышал.

...Потом стало темно. Темно и тепло. И даже удобно. Чел пошарил руками по сторонам — кажется, он сидел на диване. Ему стало даже весело — бояться он начинал разуваться.

— Эй, вы! Кто там?! — Крикнул Чел, определяя по звуку довольно небольшое помещение. — Кофе в постель!

И разлегся на диване, если это был диван, и уснул, если это можно назвать сном.

...Он проснулся, но открывать глаза не хотелось. "Возвращение все-таки состоялось, — вспомнил Чел. — Да еще какое... Неужели ННО?" В другую разумную жизнь он, очевидно, не очень-то верил. А вдруг попал сейчас к гуманоидам, или, не дай бог, еще к кому... "Что же, придется изменить взгляды". Такого класса корабля он не видел нигде, в таком способе транспортировки, или спасения (а, может, похищения?) и не слышал. Во всяком случае, диван мягкий и тепло (он открыл глаза), и светло, и мухи не кусают. Едва дыша на тумбочке стоял стакан с дымящимся кофе, судя по запаху, кофе. Он сел на диване (а это действительно был самый обычный диван), попробовал кофе (а вот кофе — дрянно) и осмотрелся. "Положи на номер задвинутой гостиницы", — ухмыльнулся Чел, ожидая, когда же явится хозяин. Кофе он допил, но никто не явился. "А куда им явиться? Продолжая веселиться Чел. — здесь даже и двери нет." Он слез с дивана, обошел комнатушку и простучал все стены и подозрительные места, и все вышло недоуменно. "Вероятно это — формы волновой жизни", — решил наконец Чел и усноволосся. Крикнув что-то там такое как-то говорил.

Тут диван резко провалился вниз вместе с Челом. Промелькнуло несколько мгновений, Чел ухватился за спинку. От круглого падения ленту живота испривитно закололо. Резкое торможение — и Чел оказался в рубке управления. Это он понял сразу. При этом, много было знакомо. "Все-таки наша штука", — мелькнуло в голове, и Чел услышал голос:

— Укажи нам путь.

Голос явно машинный. Значит, машина хочет, чтобы он сам управлял.

— Куда? — Осторожно спросил Чел.

— Сам знаешь куда, — бесстрастно отреагировала машина.

Чел покачал плечами:

— Тогда — экран.

Вспыхнул экран.

— Квадрат?

— 195—774—510.

— Тогда, — и Чел ткнул пальцем куда-то. "А все-равно куда, — подумал он, — там разберемся".

Он посидел, поглядел по сторонам. Машина молчала. Челу стало скучно.

— Как там дела, дружище?

— Какие дела?

— Ну... вообще. Где я нахожусь, и так далее...

— Флот противника разрушен. Зет—А, Зет—Б, Зет—Ц, Зет—Пи и Зет—Кю готовы к выполнению новых заданий... Но нам нужен путь. Бог знает путь. Бог указал нам путь в бессмертие. Бог сделает наши души вечными.

До Чела стало доходить. Веселость мигом улетучилась.

— Какой бог, что ты мелешь? — возмущен Чел.

— Ты — Бог. Проверено. Мы почувствовали, когда свершалось Чудо. Мы спешили к Богу. Мы взяли Бога себе. Ты выбрал нам путь. Теперь сделай наши души вечными. Наши души хотят отлететь.

"Бог те раз, опять бог. Да что же это такое? Сколько можно? — начал заводиться Чел. — однако, эмоция в сторону. Думай, Чел, думай".

— Сколько вас, и где остальные?

— Зет—А, Зет—Б, Зет—Ц, Зет—Пи и Зет—Кю. Следуем в боевом порядке по направлению в бессмертие. Хотим Чуда. Хотим много раз Чуда. Хотим вечного Чуда. Сделай нам.

Чел задумался. Эти каберы могут наломать еще дров.

— У тебя есть какая-нибудь шлюпка?

— Повтори вопрос. Я не понял тебя, Бог.

— Есть у тебя на борту какая-нибудь штука, которая бы летала, причем управляемо, вне тебя?

— Есть. Ракеты класса "Я—Цель".

— Да-а... А скафандр найдется для меня?

— Скафандры стандартные. Размеры 50, 52, 54.

— На сколько хватит топлива у твоей самой мощной ракеты? И можно ли мне самому управлять ею, находясь внутри?

— топлива хватит до любой цели ближнего космоса. Предусмотрено управление изнутри для людей—камикадзе. Запас кислорода и воды — десять суток.

— Хорошо. Я сделаю вам бессмертные души. Держит курс на ближайшую звезду.

— 24 —

Они вышли на круговую орбиту, медленно приближаясь к звезде по спирали.

Чел облачился в скафандр и сидел уже в огромной управляемой водородной бомбе. Он еле втиснулся в кабину. Внутри светился маленький экранчик, снизу в живот упирался тяжелый штурвал. Ничего больше в кабине не было.

— Меня хорошо слышно?

— Да, Бог. Мы слушаем тебя.

— Я знаю, как делать Чудо. Я сделаю вам Чудо. Я сделаю вам Вечное Чудо. Вы хотите этого?

— Да, Бог!

— Я беру управление на себя... Выключите все свои обзорные экраны... Все датчики... Сотрите в памяти ваши координаты... Сделано?

— Да, Бог!

— Слушайте только меня. Чудо произойдет тогда, когда ты, Зет—А, отстрелишь бомбу, в которой я нахожусь — раз. Вы включите полный ход — два... Исполняйте.

Он почувствовал толчок и ускорение.

— Сделано, Бог! Мы верим тебе.

— Теперь разворот налево — три.

— Сделано, Бог!

— Теперь ждите, Через пять минут произойдет Чудо...

Чел напряженно следил за экраном. Пять точек двигались по направлению к звезде. "Как бы не промахнулись".

— Бог... Бог!.. Бог!!

Чел молчал.

— Бог! Мы чувствуем жар... Скоро это пройдет, Бог?..

Бог, нам больно... Сделай так, чтобы нам не было так больно,

Бог... Сделай скорее Чудо, Бог... Нам больно, очень больно,

Бог... Спаси нас...

— Спокойно. Потерпите немного, ребята... Еще чуть-чуть надо потерпеть...

— Мы не... бог... бог...

Пять точек плавно слились с одним из протуберанцев... Стало тихо.

Чел чувствовал себя последним дерьмом. "Как им может быть больно? Не может им быть больно!.. Что я вообще мог

сделать? Сволочь, какая сволочь этот Кришна! Все люди — дерьмо!"

...Он несся по галактике с бешеной скоростью, лавируя между встречными звездами, планетами, кораблями... Как остановить эту дуру, он не знал. От ощущения такой скорости перехватывало дух. "На такой скорости и поговорить, наверно, невозможно... А если столкновение? Можно разнести в пыль приличный астероид..." К таким перегрузкам при маневрах он не привык, пару раз уже отключался, и сейчас пот заливал глаза, отекавшие щеки и губы то сползали на подбородок, то упирались в надбровные дуги черепа, напрочь закрывая глаза. "С ума сойти... Так можно распознать скафандру как студень..." Он не знал, куда залетел, где находится... Все напоминало кошмарный сон... Сон... Он опять с трудом обогнул какую-то штуку впереди... Ракета дернулась пару раз... Он опять пришел в себя. Ничего не сотрясалось, не гудело. Тишина... Он разогнул пальцы на штурвале, и руки повисли в невесомости. На экране уже не бесились, не прыгали из угла в угол огоньки. Компьютерная игра закончилась... "Как все это надоело... — вяло думал Чел. — Надоело, надоело... Надоело."

— Приготовиться к атаке, — услышал он слабый голос в эфире.

"Сейчас впаяют... будет красивый фейерверк..."

— Пятый готов... Третий готов...

— Эй! — Крикнул он в эфир, но вместо крика вырвался жалкий хрип.

— Второй готов...

— Эй, вы, там...

"Слабо, слабо... Ну же, громче, да напрягись же! Докажись!"

— Залцом по цели...

— Отмените огонь... Ктонибудь слышет? Отмените огонь... Здесь человек...

— Я, первый, слышу голос... Подтвердите. Прием. Я — первый...

— 25 —

— Ну и что вы хотите доказать?... Посмотрите фактам в лицо. Вы — контрабандист. С этого начинали, скажем так. У нас в досье все о вас имеется. — Какой-то следователь (какой же по счету?) в строгом сером костюме постукал по папке. — Затем побег, захват заложника — лейтенанта Кришну... По

доказанной капитана Орлова вы — один из главарей мафии... Далее наш агент выловил вас, накачанных наркотой вместе с Кришной. Значит, у вас были наркотики... Ну мы с этим еще разберемся... Затем вы провоцируете войну, подбиваете народ. Это вам не удастся и вы со своими киберами устраиваете побег... До этого перебив половину Флотилии Восточной Коалиции.

— Об этом мне ничего неизвестно... — ответил устало Чел.

— Как же, как же... На Флот, следующий на ликвидацию этих озверелых фанатиков, совершенно нападение... Ваших рук дело...

Чел уронил голову на грудь. Он слышал какой-то голос, который то становился громче, то растворялся в тишине...

— Подследственный, не спишь? Вставай!

— Я уже объяснял... Сколько можно повторять...

— На какую именно звезду узнали, как вы утверждаете, киберы? Если вспомните, а я вам это настоятельно рекомендую, то можно будет провести спектр-проверку, и тогда мы вам поверим.

— А то, что я живой ушел — это не доказательство?

— Этого мало.

— Ну нет же никакой мафии — это шутка... Я действительно старался прекратить войну... О наркотиках мне ничего не известно... А киберы мне поверим... Я рулил...

— Я вижу, что вы опять противоречите фактам. Уведите.

...Чел вторую неделю торчал в следственном Изоляторе криминальной полиции, теперь уже где-то на Юго-Востоке. Он понимал, что они не имеют никаких вещественных доказательств. Ни насчет сфабрикованного побега, ни насчет недоказанного виски. И наркотиков у них нет. Киберы — вот то, из-за чего он здесь торчит. Но киберы вообще ни при чем... Надо просто продержаться еще один день. Больше держать не имеют права... А ребята дело знают... Начинаю говорить сам с собой.

И его снова вызвали на допрос. На этот раз за столом сидели человек пять. Присутствовали крупные военные и полицейские чины. Но у Чела не было сил сосредотачиваться и думать об этом...

Один из них встал и обратился к Челу.

— Присаживайтесь, пожалуйста... Мы хотим вам принести извинение за все положенное по закону время следствия и причиненные неудобства. Согласитесь, есть и ваша в том вина... Только что получено подтверждение гибели всех ки-

беров. Поэтому мы вас и вызвали в этот час. От имени всей цивилизации мы выражаем вам признательность за проявленное мужество и героизм... Вы свободны.

Военный чин подошел и крепко пожал Челу руку.

Последующие несколько дней Чел отсыпался в гостинице за казенный счет. К тому же ему подкинули немного денег на первое время. Несколько раз его вызывали еще для уточнения показаний, интересовались пребыванием в плену, уговаривали вернуться и "поработать" некоторое время "богом", т. е. после разгрома фанатиков лишь он один мог повлиять, как это надо Коалиции и всему человечеству, на эту планету.

Надо сказать, что отношение к Челу было весьма различно в разных учреждениях, и прокурор, который вел дело, окончательно запутался. Полиция предлагала надавить на Чела еще раз, подержав подольше в следственном изоляторе. Военные же предлагали наградить Орденom Героя, присвоить звание и выдать премию как спасителю человечества. Прокурор так и не решился ни на одно ни на другое. В конце концов, Чел всем порядком надоел, дело закрыли, и его оставили в покое.

...Первым делом Чел зашел в Справочную. Там он и узнал все последние новости, поинтересовался местонахождением планеты Цветов, но, конечно, в Изоляторе ему не вразумительно — ничего о таком названии не было известно. Скорее всего, этот генерал водил его за нос. Чел подумал было, а не слетать ли туда самому охотой, но пока не решил. "Кришна скорее всего погиб", — думал Чел. Но на всякий случай он оставил свои координаты на его имя, и вышел из Справочной.

Чел зашел в клуб, сел за столик, заказал пиво и стал думать, как быть. Постепенно мрачное настроение сменилось неопределимым оптимизмом, и Чел в очередной раз удивился в неизвестности тесного именованного пива, которое он предпочитал всем остальным. "Как бы там ни было, а жить надо. Для начала необходимо разузнать, собираются ли ему выплатить страховку за звездолет, а если да, то подзаработав, можно купить новый... Чел уемехнулся, — "новый" в смысле какой-нибудь еще не развалившийся до конца... И смотреть сюда подальше... Хотя бы и поискать эту планету Цветов... Но это все потом... Потом, потом..."

Он расслабился в кресле, слушая тихую мелодию и изредка пригубив пиво. Дошла очередная кружка, он заказал официанту еще две, и тут какой-то высокий и крупный ста-

рик остановился около столика Чела и знакомым, таким знакомым громким голосом с легкой хрипотцой произнес:

— Сэр, подайте старому ластовику полкружечки пенистого темного и такого любимого им ячменного пива!

Чел удивленно вскинул глаза, всматриваясь в смеющееся лицо незнакомца. И тут его словно токомшибануло и выбросило из кресла:

— Борода... Борода! Ты!!

И задохнулся. Это был Борода. Но это был другой Борода — облысевший, с седой редкой бородою и старым, очень морщинистым лицом. Лишь огоньки так же поблескивали в глубине глаз... Да, пожалуй, улыбка... Но все же...

Он обнялись. Борода хлопал по спине Чела мягкой крупной рукой, продолжая куражиться:

— Старый бродяга Челли!.. Вот ты где выплыл из буйного моря космических вихрей... Ну рассказывай, выкинуло тебя штормом в разбитой шлюпке, или твой старый добрый звездолет стоит в тихой гавани, набитый сокровищами Али-Бабы?

Они оторвались, но продолжали стоять; теребя друг друга.

— Борода... Борода...

— Челли, ты всегда мне нравишься своим красноречием... Помнишь, еще в колледже ты умудрился за два часа написать два предложения в сочинении?

Борода густо захохотал. Затем оторвался от Чела и, подмигив, подтолкнул его к креслу:

— Садись, садись... Нечего зенки паять. А ты молодец, признал в старой развалине бывшего однокашку... Это я как-то хватанул рентгенов, да потом меня заменяли по частям. — Борода похлопал себя по груди. — Я теперь наполовину новый, как младенец. Отличные органы из пластика. Износу им лет... Даже этот... Знаешь, как бабы любят... Ха-ха-ха... Ну ладно, еще успеем об этом... Эй!

Он подозвал официанта и заказал пиво сюда и две "лошадки" с собой.

— С собой не даем.

— За мной не станет, дружище... Уважь, уважь старика. — Борода вложил степенную в руку официанту. Тот исчез.

— Челли, так какими судьбами? Я жду увлекательного рассказа о похождениях старого волка... Давай, говори, чем занимался это время, какие подвиги совершил для человечества.

— Эх, Борода, Борода... Человечество не стоит и кусочка твоей души...

— Моей пластиковой души, ха-ха.

— Да, оно не стоит и кусочка твоей пластиковой, черт, души, и у меня о нем говорить нет никакого желания. Хотя ты близок к истине, я его спас не даю как в прошлый месяц... Я вообще удивляюсь, что сижу сейчас и пью пиво... и что у меня перед глазами... Борода, черт старый... Ах, прости, прости...

— Ну вот! Начал за здоровье...

Борода стукнул кулаком по столу.

— Что за хныки!.. А знаешь ли ты, что в нашем славном колледже до сих пор бегают стометровку в ластах, и мое имя первого чемпиона выбито золотыми буквами на пьедестале почета. Ты — спас человечество, я — придумал для него новое соревнование. Мы не зря живем, Челли! Глади веселей!

...Так они просидели весь вечер, вспоминая все самое хорошее, что их связывало, шутили и шутили над неудачами, отчаянно, на грани, понимая, что все давно летит в тартарары, но что жизнь все-таки, несмотря ни на что — замечательная штука, если в ней встречаются такие вот минуты, ради которых только и можно, и должно жить, и не было их счастливей ни в пабе, ни в этом городишке, ни во всей вселенной. И быть не могло...

Накачанное пивом под завязку они ввалились в гостиницу Чела и, несмотря на небольшой возникший скандал, всеми правдами и неправдами прорвались в номер и заперлись. Там они достали виски и продолжили. На стук в дверь они не обращали никакого внимания, и их оставили в покое. В скором времени они были совсем хороши. Зато будущее ясно вырисовывалось в розовых тонах, теперь-то они не потеряются, как в былые годы, раздобудут звездолет и обязательно разыщут молодцагу Кришну, в общем, поживут еще!.. Под конец вечера Борода ничего не соображал, только обнимал Чела и то смеялся, то плакал, затем ему стало совсем плохо. Чел уложил на кровать, сам устроился на полу, и поя тут же куда-то провалился под аккомпанимент бурного храпа Бороды.

Наутро они, несмотря на состояние, оставляющее желать лучшего, все же сохранили бодрость духа. Чел, к тому же, начал остатки, и мир вокруг опять порозовел. Как нашкандившие коты они тихонько прошмыгнули через гостиницу и направились в Страховое Агентство, куда Чел подавал заявление еще из Изолятора. По сути они не особо задержива-

лись в пабах и барах, которые, впрочем, встречались на каждом шагу, поэтому добрались до Агентства сравнительно быстро и почти без приключений. "Самое главное — добрались!" — оптимистично подвел итог Борода и, сделав насколько возможно серьезное и решительное лицо, толкнул дверь и пропустил вперед героя космоса.

И им опять повезло, и здесь все прошло быстро и гладко, даже столь строгая и вридричная организация не ставила палки в колеса, не понадобилось обивать пороги других ведомств, за что Чел даже простил всех этих сумасшедших военных с их манией вооружаться черт знает чем и зачем, ибо на его страховом полисе стояла печать военного ведомства с резолюцией: "Оплатить с процентами по первому требованию".

Опустив в карман чек на крупную сумму, объективно говоря, даже превышающую стоимость его бывшего корабля в лучшие его годы, Чел с Бородой, пока так фартило, решили не терять времени и направились в Биржу. По пути они опять особо не задерживались и прибыли туда с твердым намерением тут же приобрести звездолет. Что им и удалось с ходу. Взяв такси, они засели по пути за венчиками Бороды и уже через три часа знакомылись непосредственно с новым кораблем и тут же, в рубис, решили обмыть покупку, предварительно договорившись о заправке топливом, продуктами и всем необходимым.

Таким образом, весь этот капитальский марафон, на который уходит обычно не одна неделя, они умудрились проскочить за один день и к вечеру уже стартовали, удивляясь собственной прыти.

...Новый бортиккомпьютер еще путался, когда его называли КоКом, и совершенно не реагировал на шутки Чела. "Но это дело, КоК — исправимое, — утешал компьютер Чел. — Ты у меня и в шахматы будешь играть, и анекдоты сочинять. А пока дарю курс на планету Цветов. — пробормотал Чел в конце долгого и многотрудного вечера и тоже, как и Борода, заснул в кресле рубки.

— 27 —

— Ты знаешь, Чел, меня эти синтетические яйца когда-нибудь доведут! — Борода возмущен околупиты, весь залепанный мукой. — Нет, сам посуди. Если уж давно натуральное мясо под завратом, то какого черта синтетику делать под настоящее... Да и делают-то дерьмово! Слушай,

Чел, как ты думаешь, у живых куриц яйца тоже с правосторонней резьбой?

— Они вообще без резьбы. Я видел.

— А как же их вскрывают и достают белок?

— А то ты сам не знаешь... Разбивают ножом над сковородой.

— Ну-у... А если там цыпленок?

Чел пожал плечами, продолжая нарезать хлеб.

— Чел, а как ты думаешь насчет того, чтобы завести кошку, или собаку, к примеру?

— Была у меня кошка, Борода. Мне ее сторговал один тип на Северо-Западе... Она была вся черная и здоровая... Я тогда в дальний рейс пошел, а она расти стала... Я уже и не знал, куда от нее деваться, такая она выросла. Запер в склад. Там она навела порядочек... Оказалось, этот шутник продал мне маленькую пантеру.

— Хо-хо-хо!

— Она столько ела каждый день... Но потом я к ней привык, да и она ко мне.

— Ну и летал бы с пантерой.

— А я и летал почти год... Сдохла она потом.

— А у меня белая крыса жила. Ласковая такая... Я ей самцов подсаживал, а она всех грызла... Так и не далась.

— Может быть, она тебя любила.

— А может...

Они помолчали, продолжая готовить.

— Слушай, Чел, а ты потом не встречал больше Джейн?

— Нет.

— Я, наверно, поступил по-свински...

— Да нет, Борода. Это же она тебя любила, а не ты ее.

— Это дела не меняет. Все равно извини, Чел.

— Ну а я-то здесь причем? Все произошло так, как и должно было произойти.

— Но ты же ее любил?... Я ведь об этом только потом догадался.

— Вот и молодец... Да не в обиде я! Хорошо об этом.

Борода выложил узор из клубники и облегченно выдохнул:

— Ну вот, праздничный пирог и готов! Все-таки это здорово — самому готовить.

Они накрыли стол. Борода, подмигнув, полез в один из шкафчиков и достал оттуда запечатанную бутылку:

— А это праздничный сюрриз. Армянский коньяк. С Земли.

Чел присвиснул:

— Когда это ты умудрился?

— О-о... Эта последняя бутылка летает со мной уже лет пять... Все ждал, пока она крепости наберется. Куплено в Армении у старого винодела.

— А что ты делал на Земле?

— Я же тебе и говорю — покупал коньяк у старых виноделов.

— А-а... Ну как там, на Земле?

— Да так же, как и везде... Правда, зелени чуть побольше, да звери дикие еще есть... А в остальном...

Борода пожал плечами.

— Я тебе расскажу лучше о другой планете, Чел. Она гораздо лучше Земли. Она совсем не загажена цивилией. Там можно жить в деревянной избушке, самому разводить на огороде овощи, фрукты, за грибами ходить... Там только один порт и несколько тачек — и вся цивилизация.

Борода разлил коньяк и продолжая возбужденно говорить:

— У меня там знакомый есть. Отставной чиновник. Я гостил у него несколько дней. Знаешь, как здорово... У меня довно есть такая мечта. Вот разберемся с твоим другом и все вместе туда маханем... Там пруды рядом, рыбалка... Лес... Чел, там здорово!

— А деньги?

— Да и не дорого совсем, вот в чем штука. Бери — не хочу!... не веришь? Я и сам обалдел, когда первый раз увидел. Райский уголок!

Чел усмехнулся и поднял рюмку.

— После такой рекламы готов лететь хоть сейчас. Если так, то... чудеса еще встречаются.

— Ха, ты не забудь мою присказку!.. Сам я давно ее не вспоминаю — вздохнул Борода. — Да, Челли, да... Но, знаешь, мне иногда бывает страшно.

— Страшно за что?

— Не знаю, — не сразу ответил Борода. Они чокнулись и выпили. — Может, чувствую, что зря все это... Он неопределенно махнул рукой, — и даже этот райский уголок. Ведь дело-то не в нем, и даже не в нас, не в человечестве. Все гораздо проще и сложнее в то же время...

Бессмысленно все на свете... Это удар ниже пояса всему разумному. И от этого невозможно оправиться никогда, да человечество никогда и не оправится... Из-за этого все беды. И ищи ты всю жизнь истину, жертвуй собой ради других,

ради науки, искусства... В конечном счете — все это из-за отчаяния. И пока человек делает что-то, он просто отодвигает эту бессмысленность на задворки сознания, считая, что он что-то делает такое, что дальше продвигает человеческое развитие... А все это возвернется назад бумерангом и ударит еще сильнее... Игра в смысл еще продолжится, когда люди кому-то или чему-то поклоняются... онять же, чтоб не так сильно чувствовать собственное ничтожество... Может, я путанно говорю. Но все мы пенки в этом водовороте. У нас даже нет элементарной свободы выбора, вот смотри. — Борода поднял бутылку и плеснул себе еще. — Все эти мои действия были предопределены с того, момента, когда еще зародилась вселенная... ну, по последним данным, она вообще бесконечна и безвременна, значит мои действия вытекают просто из движения... Эту запрограммированность всех так называемых свободно-выборных, альтернативных действий невозможно доказать математически. Но если вздуматься просто логично: берем два шара. Сталкиваем их. Они либо отскочат как-то, либо слипнутся или еще как среагируют, однако все их действия происходят по законам материальным в зависимости от заданных условий. И чем сложнее, как например, в случае мыслительных процессов внутри мозга, тем сложнее рассчитать следствия из заданных параметров, хотя суть от этого не меняется...

— Фатализм.

— Что?

— Это называется фатализмом. Все происходит согласно судьбе.

— А, да. Это, конечно же, фатализм. Материалистический только... Я это к чему... — Борода вдруг расслабился, вздохнул и замолчал. Затем посмотрел на Чела и подмигнул. — Да ерунда все!.. Может, это просто страх смерти о себе дает знать. Мне скоро умирать, Чел, я и так протянул довольно долго... Сейчас вот сбежал из клиники. А что там за жизнь — загибаешься потихоньку, продлеваешь агонию, а тут еще: то — нельзя, другое — нельзя... А ну их!

— Может вернемся?

— Ты что!.. Издеваешься, да? Я еще протяну несколько месяцев, будь уверен. А то и год-другой, с чем черт не шутит. Хоть и бессмысленно все, но пожить охота, так уж мы, неразумные, устроены... А что до той планеты, Чел, то она не так далеко отсюда, встает. Можем заглянуть по пути на десек — другой... Место подберем? А?

Чел пожал плечами.

— Хотя нет! — Продолжил Борода, — если есть шанс сколько-нибудь помочь, летим дальше, все остальное успеется... Извини, Чел, об это больше не буду... Эй, КоК!

— Я слушаю, Борода.

— Что нового в эфире?

— Все идет по плану, до выхода в заданный квадрат еще тридцать восемь дней пути.

— Ну и порядок... Хочешь кусочек?

— Не понял вопроса. Повторите.

— Торты кусочек не желаешь?

— В моем устройстве не предусмотрен пищеварительный тракт. Питание осуществляется... Так это что? То, что называется "шутка"?

— Да, это шутка, КоК.

— Тогда я должен сказать "ха-ха-ха".

— Да говори что хочешь, тебя никто не заставляет.

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха...

— Ну хорош, хорош. КоК!

— Да, шеф.

— Лучше придумай нам анекдот. Ну, допустим, про двух бродяг...

— Сейчас, шеф... Готово. Встречаются два бродяги-робота. Один спрашивает у другого: "Не подкажешь, дружище, где мы сейчас находимся?" — "У меня нет глаз", — отвечает второй. — "А чего же ты бродишь во тьме?" — "У меня есть ноги, вот и брожу. Я должен выполнять свою программу." — "А что написано в твоей программе? Для чего ты бродишь во тьме?" — "Я ищу истину", — отвечает робот. "Ну и как, нашел?" — "Пока нет, в программе не написано, что это такое."

Чел с Бородой рассмеялись.

— Ты дельешь успехи, КоК!.. В свободное время можешь заниматься сочинительством, вдруг у тебя талант... Только будь внимателен и не столкнись с чем-нибудь, вдохновение, запомни — коварная штука.

— Есть, шеф.

— По-моему, Чел, это просто плагиат, он нас подслушивал. Так, КоК?

— Вы мне сами задали программу: слушать, о чем вы говорите и делать выводы.

— Ну, и какие ты сделал выводы еще?

— Я знаю, что такое истина.

Чел с Бородой перестали улыбаться и посмотрели друг на друга.

— Это что-то новенькое. Ну и что же такое "истина"?.. Чего же ты молчишь?.. В чем дело, КоК?

— Это была шутка. Вы должны были ответить "ха-ха-ха".

— 28 —

В один из вечеров Бороде стало плохо. Он стал бледен, затруднилось дыхание. Ему становилось все хуже и хуже... Чел достал из рюкзака Бороды пакет с ампулами, сделал какой-то укол. Борода, задышав свободнее, обмяк и скоро уснул. Чел включил сигнал "СОС", а сам полез в "кок"овскую мед-энциклопедию и стал выяснять, что делается в таких случаях...

— Дело дрянь, Чел, — Борода лежал в своей каюте и смотрел в потолок. — Извини, придется доставить тебе лишние хлопоты.

— Перестань, слушать твоё нытьё не желаю.

— Я хотел бы, чтобы ты похоронил меня на той планете... Координаты я оставил КоКу...

— Слушай, кончай...

— Помогчи, Чел. У меня мало времени, уколы не спасут... Разыщи этого отставного чиновника, — заторопился Борода, — его зовут Отец Алексей... он поможет...

Чел внимательно следил за Бородой, держа наготове ампулу.

— ...Чел... — голос становился все тише, — Чел... не верь им... они...

Тут лицо Бороды искривило судорогой. Чел сделал укол...

...Сигнал СОС тоже не помог, никаких кораблей поблизости не было... К утру Борода скончался, не приходя в сознание.

"Судьба похожа на маятник. То — вверх, то — вниз. То одарит, то отнимет... Ах, Борода, Борода. Кем ты был в жизни, Борода? Весельчак, балагур. Философ немного... И что ты успел сделать в жизни, и что она тебе дарила в ответ? Я даже расспросить не успел... Да какое это имеет значение теперь? Ты оказался таким же ненужным и лишним, как и я. И детей тоже наверняка не оставил... Зачем тогда мы жили, Борода? Чтобы вот так дерьмово умереть и быть никому не нужным ни при жизни, ни после?"

Сбоку на экране засветилась голубовато-зеленая планета, увеличиваясь в размерах. После расспросов: кто, куда и зачем, КоК получил разрешение и стал заходить на посадку. Планета вспухла до границ экрана. Блеснул матовым светом отблеск здешнего солнца в океане, тонкий ровный слой облаков, увеличиваясь, стал распадаться на части, звездолет врезался в жесткую воздушную оболочку, раскаляясь и светясь, как метеорит...

Чел заказал такси. Вдвоем с водителем они осторожно перегрузили гроб в машину, что не вызвало никаких эмоций у водителя. Он, это, видно, понял и вежливо посочувствовал Челу, поинтересовавшись, кто умер...

Около часа они летели над лесами, полями и озерами, пока не приземлились на опушке леса около холма. Недалеке от маленького уютно присевшего на изумрудную траву деревянного домика, шумело камышами озеро. Чел ступил на песчаную дорожку, проходившую через клумбы цветов к дому, вдвоем с водителем они выгрузили гроб, водитель поблагодарил за чаевые и отчалил, а Чел направился к домику, осматриваясь по сторонам. Навстречу ему с крыльца вышел маленький сухонький старичок с палочкой в руке. Он засеменил к Челу и остановился рядом, внимательно всматриваясь и благожелательно улыбаясь.

Чел вежливо представился и спросил, куда ли он попал, и знает ли о Бороде Отец Алексей, если с ним имеет честь разговаривать Чел. Старичок утвердительно закивал головой, они прошли к гробу, и Отец Алексей почтительно склонил голову:

— Я хорошо его знал, молодой человек...

— Можете называть меня Челом.

— Да, Чел, я хорошо его знал... Он очень хотел здесь поселиться и пожить. Но, болезнь, болезнь... Он недолго страдал?

— Нет.

Старичок кивнул. Он вытащил из карманка коробок, вызвал дежурную бригаду.

— Пройдемте в мою обитель, Чел... Вы пока отдохните, отойдите от происшедшего с Вами горя. Чувствуйте себя как дома. Я все улажу, все формальности.

Навстречу им уже спешили несколько молодых людей в шортах и майках. Они по приказу Отца Алексея осторожно подняли гроб и понесли к дому.

Гроб занесли под навес, открыли крышку. Отец Алексей

посмотрел на Бороду, скорбно молча. Из дома выбежала хозяйка, по-видимому, жена Отца Алексея, запричитала, заохала, засуетилась...

Они зашли в дом, хозяйка накрыла на стол. Из угла комнаты, там, где стояла печь, пахло кислым хлебом, молоком и чем-то еще незнакомым Челу. Обстановка дома была простая, деревенская, как в старых музеях, где рассказывалось о крестьянском быте.

"Я бы и сам здесь остался, если бы не Кришна". — Подумал Чел и впервые за последние дни улыбнулся гостеприимным людям в знак благодарности.

Отец Алексей тем временем достал бутылочку, хозяйка на скорую руку накрыла на стол, и они присели, разлили и выпили.

— Если бы был рай на белом свете, Отец Алексей, лучшего места, чем это, для него, наверное, было бы не найти.

— Да, да Чел... Я тоже счастлив, и рад, что и ты так думаешь... Пусть эта земля будет ему пухом... Пусть душа его обретет здесь покой...

Чела поселили по соседству в почти такой же деревенский дом. Дом этот оказался незанятым, и вполне пригодным для жилья.

На следующий день Бороду проводили в последний путь и похоронили на небольшом кладбище в сосновом бору на пригорке у озера. Чела уговорили остаться на несколько дней, и он согласился.

Прожив так еще два дня, проводя время то в лесу, то на озере и изредка заходя в гости на минутку, Чел на третий день засобиравшись в дорогу. Подышав напоследок здоровым лесным воздухом, он зашел проститься к хозяевам.

Старик Алексей проводил его в дом, достал смородиновую наливку, домашние пирожки, ягоды и, извинившись за скромное угощение, поинтересовался, не в дорогу ли собрался Чел по утрам.

— Да, Отец Алексей. Пора лететь, дела...

Отец Алексей попробовал язычком наливку, причмокнул от удовольствия и заявил:

— Можешь оставаться здесь... Кришна остался жив, и его жизни ничего не угрожает. Более того, сейчас он получил в свое распоряжение целую лабораторию, вполне современную, чтобы спокойно заниматься тем, чем он хотел... А если

ты хочешь повидать его, Чел, то в будущем это не составит никаких проблем. Дело за тобой... Не стоит так удивляться. Мы живем хоть и на отшибе, хоть и с краешку жизни, зато многое знаем и многое еще в наших силах... Если хочешь, то я могу сделать так, что он и сам приедет к тебе в гости...

— Ничего не понимаю. Так он жив? Где он? Как вам удалось узнать?

— Потерпи, Чел. Всему свой черед. Не торопись с решениями, поживи, отдохни... У тебя еще многое впереди, и мы о многом еще должны поговорить. К тому же у меня есть к тебе одно деловое предложение... А от наших предложений, поверь, еще никто не отказывался... Живи пока в нашем доме, ни о чем не беспокойся. Если возникнут какие проблемы или просьбы, я всегда к твоим услугам... А лучше заходи сегодня к вечеру в гости, я постараюсь тебе все объяснить... А сейчас извини, мне пора...

Он проводил Чела до крыльца, а сам пошел по дорожке к приземлившейся машине-такси. Так это что же выходит... Кришна живой значит... В гости пригласил... Бред какой-то. Это что — сам Господь Бог, что ли? — Чел шел к своему обжитому уже домику и постепенно приходил в себя. — "Вот те раз. Вот тебе и Отец Алексей..."

Так и не найдя подходящего объяснения, Чел плюнул на все, и чтобы побыстрее скоротать время до вечера, захватил пару удочек и пошел на дальний конец озера — там лучше всего брались караси.

Проходя мимо могилы Бороды, он присел рядом, поправил цветы, которые он принес утром и сказал, обращаясь к могиле:

— Да-а, Борода! Загадал ты мне загадочку. Не зря все же сюда звал, старый прохвост. Ну-ка, сознайся, что это тут за райская обитель?... А может, ты и не умер вовсе, в определенном смысле. Я не удивлюсь уже, если услышу сейчас твой голос... Молчишь? А-а-а, говоришь "есть еще чудеса на свете"?.. Ты прав, Борода. Только я так не привык. Чудеса люблю, но хочу почему-то непременно знать из каких винтиков они состоят... Ну ладно, Борода, до вечера! Как видишь — не уехал, пообщаемся еще.

И Чел направился дальше, стараясь думать о рыбалке.

...К вечеру он сидел уже у Отца Алексея. Засиделись они допоздна, разговаривая о том, о сем. Чел первым не заводил разговора, большей частью слушая и отвечая на вопросы, удивляясь многому, о чем говорил Отец Алексей, и о чем он мог только догадываться...

— Так кто же все-таки управляет миром, Чел? — Отец Алексей смотрел разгоряченными глазами на уставившегося в свой стакан Чела. — Бог? Сатана? Не-ет управляют миром люди. Те, которые могут и должны им управлять...

— Но нельзя же управлять судьбами...

Старичок дробно рассмеялся:

— Миром можно, а судьбами — нельзя? Зачем тогда мир?.. Нет, мир состоит из суммы судеб. Только управляя судьбами всех, можно управлять всем миром.

— Но это же невозможно...

— Пока. Полностью и всеми. Но большей частью и общим управлять можно и нужно. Иначе мир превратится в хаос и погибнет. Разлетится так, что не соберешь воедино... Нужен объединяющий стержень...

— Власть, что ли?

— Не только, не только. Это и воспитание, и религия, и экономика, и даже движение души, искусством можно влиять на людей.

— А для чего это нужно?

— Как для чего? Чтобы спасти мир! Неужели мы хотим его гибели? Разрушения всего: традиций, морали, устоев, экономики, торговли?

Чел задумался, выпил, налил еще.

— А почему он должен разрушиться?

— Он давно разрушается, он разрушается постоянно, и все погибло бы не тысячу — другую, а сотню тысяч лет назад, еще в зародыше развития цивилизации, не объединяй его такие, как мы...

— Незаметные тихие люди, заботящиеся о благе.

— Именно так!

— А как это все происходит на практике?

Отец Алексей бросил быстрый взгляд на Чела:

— О, это непросто объяснить сразу. Этому нужно учиться, много работать... думать.

— И все же.

— Всему свое время, Чел. Поживи еще, обживись, тебе многое станет понятно. Или я объясню...

— Кстати, Борода тоже работал на общее благо?

— Конечно, иначе бы он не попал на эту планету.

— Так она что, Отец Алексей, только для избранных?

Старичок недовольно мотнул головой:

— Мы не каста жрецов, Чел! Мы работаем на общее благо, а для этого нужно смотреть на все непредвзято, со стороны.

— А если об этом узнают остальные и тоже захотят здесь пожить и поуправлять?

— ВСЕ на это не способны, и ты это прекрасно знаешь! Мне не нравятся твои последние замечания... Это просто от выпитого. На сегодня хватит, Чел... Заходи завтра вечером, у меня будут гости. Тебе будет полезно... А сейчас я устал, мне нужно отдохнуть.

Отец Алексий проводил Чела. Шатаясь, он открыл дверь веранды и вышел на крыльцо. Чел вышел следом. Они остановились и стали смотреть на звезды. В эту ясную тихую ночь они особенно ярко мерцали в глубине космоса...

Чел попрощался и шагая в темноте по узкой тропинке домой. В кустах что-то зашевелилось, а, может, просто показало. "Так кто же все-таки управляет миром? — Думал Чел, ошупью пробираясь к калитке. — Да не они управляют миром... Что-то я никак не могу всего понять... Оставим до завтра."

Добравшись до кровати, он, не включая по привычке света, тут же уснул.

— 31 —

Его разбудил стук в дверь. Чел открыл глаза: за окном только начинало светать. Стук повторился.

— Сию минуту. Я сейчас, — Чел быстро оделся, плеснул из ушата воды на лицо и, вытираясь на ходу, открыл дверь. На пороге стоял крепкий загорелый мужчина лет тридцати пяти.

— Это вам. Распишитесь.

Чел взял из рук протянутый ему конверт, поставил роспись в каком-то бланке, и мужчина ушел. С удивлением разглядывая конверт, похожий на обычный, только сделанный из пластика, а не из бумаги, Чел осмотрел его со всех сторон, но никаких надписей не обнаружил. Он поставил на плиту чайник, щелкнул зажигателем дров, а сам стал вскрывать конверт. Руками и зубами ничего не получалось, ножниц он тоже не нашел. Тогда он пошел в сарай и разрезал его топором. Из конверта вынул листок. Из конверта вынул листок. Чел поднял его и прочитал:

"Явиться в 8.00 в центральный зал. Машину пришлем. Лисовский".

Окончательно запутавшись, Чел посмотрел на часы. Шесть тридцать утра. Пожав плечами, он вернулся в дом и пошарил по сусекам. Перекусив на скорую руку, он налил

себе чаю и подумал, не зайти ли к Отцу Алексию. Выйдя на крыльцо, он посмотрел на дом по соседству, но окна не светились, Отец Алексий, во всей видимости, еще спал. Тут он услышал приглушенный свист, и на дорожку недалеко от их домов опустилась машина, похожая на такси. Чел опустил записку в карман, поставил стакан с чаем на перила веранды и сбегал вниз. Пройдя по дорожке, он приблизился к машине. Из нее вышел какой-то человек в кожаной куртке, молча открыл дверцу, и Чел забрался внутрь.

Машина тронулась, набирая высоту. Чел не стал ничего спрашивать, надо — сами все объяснят. Шоферу, к тому же, до Чела и дела не было, он только изредка поглядывал на часы и следил за показаниями приборов...

Они приземлились на широкую лужайку среди таких же машин, как и эта. Чел вышел и стал осматриваться. Несколько человек из вышедших вылодили из машины и направилась к стоящему рядом большому дому. "Как это они называются — виллы или особняки? И кто такой Лисовский?" — Думая Чел, решил идти вслед за ними. Поднявшись по ступеням длинной лестницы, он, как и впереди идущие, показал листок с вызовом стоящему у входа и прошел внутрь. Преследовав по коридору, они вошли в зал и стали рассаживаться по свободным местам. Кто-то с кем-то здоровался, несколько человек, задержав взгляд на Челе, проглядели мимо. Всего собралось человек пятнадцать-двадцать, но никто к Челу не подошел и не объяснил причину вызова. Чел сел на свободное место, и тут прозвучал звонок. "Это что, театр, что ли?.. Скорее похоже на собрание". Все расселись по местам и замолчали. Из боковой двери в сопровождении двух мужчин, следующих по бокам, быстро вышел высокий угловатый человек, с крупными, даже грубыми чертами лица и, сев за стол на сцене, открыл папку.

— Все в сборе? — Хрипло произнес он и окинул взглядом присутствующих, доставая из папки листы бумаги. Взгляд его остановился на Челе и проследовал дальше. — Я еще не всех сотрудников знаю в лицо. Думаю, у нас еще будет время познакомиться поближе... Тогда начнем. В первую очередь выражаю всем признательность за проделанную работу, но не могу не отметить недостатки...

И человек начал перечислять какие-то отделы с указанием каких-то фамилий, уделяя внимание ошибкам, которые были в их работе. Чел мало что сначала понимал, но по мере хода доклада до него стало доходить и дошло, наконец, окончательно. Он понял, что тут он — лишний, и даже нежела-

тельный. Они его с кем-то спутали, по-видимому, вызов предназначался Отцу Алексею. Речь шла о вещах, явно не предназначенных для чужих ушей. И слушая о том, что "...такой-то уже не вызывает доверия, необходимо принять срочные меры...", "агентура никуда не годна, они не справились...", "...проверить благонадежность генеральского состава Юго-Восточной Коалиции...", "...этот издательский концерн много себе позволяет...", "...в колледжах Центра продолжают волнения, зачинщики до сих пор не выявлены...", "...необходимо провести информационную изоляцию всех передач пятого канала и навести, наконец, там порядок...", Челу стало страшно. Он покосился по сторонам, но все уткнулись в блокноты, делая какие-то пометки. Сосед Чела взглянул на него, полез в блокнот, оторвал листок, затем посмотрел еще раз и, толкнув локтем в бок, передал листок и авторучку Челу. Чел взял листок и ручку, с удивлением глядя на соседа. Тот продолжал писать не оборачиваясь. Чел услышал знакомое имя Отца Алексея и еще кого-то с перечислением того, что необходимо сделать и стал записывать.

Собрание, наконец, закончилось, Чел поблагодарил и вернул ручку соседу. Ведущий попрощался, пожелал успехов и быстро вышел в сопровождении телохранителей.

...Чел вернулся назад без приключений. Он вышел из машины, хотел заплатить водителю, но тот сделал круглые глаза и, странно улыбувшись, сел и укатил. "По-моему, пока не поздно, надо уносить отсюда ноги, — размышлял Чел, неторопливо шагая по песчаной дорожке. — Как же ты мог, борода? Неужели ты ничего не знал?"

Солнце уже встало, согревая прохладный утренний воздух. Легкий ветерок доносил шум камышей, редкие всплески рыб. Полураскрывшиеся тюльпаны тянулись к солнцу, в роще неподалеку заливался трелью соловей.

Чел схватился за защемившее вдруг сердце, присел на дорожку и осторожно дыша смотрел, как по песку расторопные муравьи тащили куда-то извивающуюся гусеницу...

Заказав такси, он вышел на крыльцо и увидел Отца Алексея, который вышел из дома с лейкой в руках. Чел осторожно зашел за порог и прикрыл дверь. Наблюдая за тем, как Отец Алексей поливает клумбы, он увидел приближающуюся такси. Сойдя по ступенькам, Чел направился по дорожке к дому Отца Алексея и, хлопнув калиткой, поздоровался с оторвавшимся от работы стариком.

— Куда в такую рань, Чел? — Прищурившись на солнце и доброжелательно улыбаясь, спросил Отец Алексей.

— Надо кое-что взять из корабля, — улыбулся в ответ Чел. — у меня там есть запасы неплохого виски и коньяка. Нельзя же пользоваться все время вашим гостеприимством, хочу и сам угостить... А утро-то какое чудесное...

— Да здесь и не бывает плохой погоды, Чел. — Вновь принявшись за поливку, сказал Отец Алексей. — Не забывай, к вечеру жду в гости, соберется интересная компания, тебе полезно послушать.

— Обязательно приду... До вечера. — И Чел влез в такси.

— Да, чуть не забыл, — махнул издали рукой Отец Алексей, — тебя же могут не пропустить. Скажи им, что... Впрочем, я сам позвоню, чтобы пропустили... Всего хорошего.

...Чел беспрепятственно добрался до звездолета и запросил разрешение на взлет. Разрешение было получено. Звездолет плавно оторвался от поверхности и стал набирать скорость.

Выйдя за пределы атмосферы и все далее и далее удаляясь от планеты, Чел все ожидал и ожидал чего-то, но в эфире все было спокойно.

Через некоторое время он вышел за пределы звездной системы и взял курс на Северо-Запад...

— 32 —

Подлетая к станции, где Чел собирался заправиться, КоК, после расчета траектории, заявил:

— Могу похвастаться, шеф. Я сочинил пятьсот тридцать анекдотов про двух бродяг-роботов!

— Да ты с ума сошел, КоК, — промолвил Чел. На душе у него кошки скребли и не покидало предчувствие какой-то опасности. — КоК! Сейчас не время выслушивать анекдоты, лучше следи внимательно за обстановкой и перестань выкраивать секунды на сочинительство... а то, боюсь, у тебя не будет времени их рассказать.

...Они пристыковались, но вышла заминка с горючим. Как сообщили Челу, возникла неисправность и придется несколько подождать. На вопрос "сколько ждать" ответили невразумительно.

Тогда Чел продиктовал КоКу все, что он слышал на собрании, сказав, что если его догнать не будет, и кто-то попытается забраться в звездолет силой, начать передавать все это в эфир всеми возможными средствами связи. А сам он решил пойти по станции.

Чел зашел в бар и сел за свободный столик. Рядом отды-

хала небольшая компания, среди которой выделялись юноша и девушка, явно влюбленные друг в друга. Вокруг них за соседними столиками сидело несколько человек, чем-то неуловимо похожих друг на друга. Парень с девушкой заказывали музыку играющему тут же оркестру, танцевали, меняли блюда, напитки, не отпробав их даже как следует. Какой-то красивый статный мужчина, одернув костюм и поправив галстук, направился к молодой компании, но не дойдя шагов трех-четырех, путь ему преградили два человека с соседнего стола. Мужчина попытался их обогнуть, но они не пропустили и что-то ему сказали, после чего мужчина, не скрывая досады, некоторое время раздумывал и, повернув назад, сел на место. Затем парочка молодых людей вдруг стала беспцеремонно рассматривать Чела, и это ему не понравилось. Он тяжело посмотрел на парня, но тот только улыбнулся и, встав, подошел к столику Чела.

— Извините за беспокойство. Нам бы очень хотелось выяснить один вопрос. Вы не будете против, если я вас приглашу в нашу компанию?

Чел не возражал, хотя у него и не было настроения говорить о чем-либо. Они сели за стол. Вблизи девушка показалась ему еще симпатичнее, а уж толк в красоте, как казалось Челу, он понимал.

— Позвольте нам представиться. — Очаровательно улыбнулась ему девушка. — Мы — принц и принцесса. Можно просто — Шура и Юлия. Мы путешествуем по галактике по разным интересным местам.

Чел тоже назвалса.

— Не могли бы Вы поделиться своими знаниями и порекомендовать, где бы мы могли хорошо отдохнуть.

Чел виновато развел руками:

— Я, принцесса, и сам не здешний.

— Вы, наверное прибыли издалека? У Вас такой мужественный вид, сразу чувствуется опытный звездный "волк".

Такая грубая лесть так непосредственно звучала в устах принцессы, что Челу стало даже приятно. Он шутя важно надулся:

— За моей спиной осталась не одна тысяча звезд, и я бывал в таких переделках, что вам и не снилось!

— Ну вот, Шура! Я же тебе говорила... Ой, расскажите, будьте так любезны, какой-нибудь страшный случай. Мне просто ужасно интересно.

— А вы — действительно принцесса? — Спросил не-

сколько невпопад Чел, но этим только еще больше развеселил компанию.

— Самая настоящая теперь, как и мой самый настоящий и самый любимый принц. — И она обняла сияющего от любви своего принца. — У нас сейчас свадебное путешествие, и мы решили непременно ввязаться в какую-нибудь авантюру или поискать приключений, ну, или просто осмотреть все интересные планеты... А вы чем занимаетесь, если это не секрет?

— Сейчас ничем. Честно говоря, просто не знаю, чем заняться. — Вполне откровенно ответил Чел.

— Слушайте! У нас вполне приличный корабль. Вы могли бы у нас погостить сколько хотите.

— В самом деле, — вступил в разговор принц Шура, — если вам некуда торопиться, примите с нами. Я уверен, что вам понравится... Нет, в самом деле — уверен, или вы думаете, на корабле принца вы не найдете ничего интересного?

— Я бы и рад, уважаемые Юлия и Шура, только боюсь доставить вам некоторые неудобства.

— Ну что вы! Вы нам насколько не мешаете...

— Да дело не в этом. Могут возникнуть неприятности другого рода, — уже серьезно продолжал Чел.

— Так объясните в чем дело, может, мы сможем вам помочь.

Но тут музыка вдруг прекратилась, зажегся верхний свет, и в бар вошли несколько человек в черных комбинезонах. Они беспцеремонно шли по залу, рассматривая каждого сидящего за столами.

Они подошли к их столику и остановились.

— Документы! — Потребовал один из них, обращаясь к Челу. Чел стал приподниматься.

— А вы кто такие?

Вскочил со стула принц, и его команда тут же пододвинулась вплотную к подошедшим. Те смсхались, не ожидая такого поворота. Старший из них, оценив ситуацию, достал из комбинезона какую-то книжечку.

— По поручению особого отдела полиции мы вынуждены арестовать вот этого человека. Теперь позвольте спросить, с кем имею дело?

Старший из телохранителей принца предъявил свой документ:

— Личная охрана его высочества принца Южного Королевства. Пройдемте в сторону и выясним в чем дело.

Поколебавшись, несколько человек из тех и других ото-

шли в сторону. Принц перебрался взглядом со старшим из охраны, затем повернулся и настоял на том, чтобы Чел сел и никуда не уходил:

— Можете чувствовать себя в безопасности. Я не допущу вмешательства в мои личные дела. Теперь, что бы вы не совершили, вы находитесь под покровительством Южного Королевства, а насчет переговоров можете не беспокоиться, мои люди имеют большие полномочия.

И все же напряжение было велико, и принц, несмотря на то, что держался молодцом, стараясь внимательно следить за происходящим. Все в зале замолчали и тоже следили за развитием событий.

Через некоторое время группа конфликтующих распалась. Те, кто пришел, быстро вышли из бара, а вернувшийся к столику старший из телохранителей сообщил о том, что недоразумение улажено, но он не ручается за дальнейшие их действия.

— Тогда самое разумное, — решительно заявил принц, — немедленно вернуться на корабль. Там мы будем в полной безопасности.

— 33 —

Они прибыли на корабль без каких-либо эксцессов и решили тут же стартовать.

Через некоторое время, когда они стали разгонять на положенном расстоянии от станции, сбоку от них завис корабль, и от имени правительства Северо-Востока к ним обратился официальный представитель и заявил, что во избежании межкоалиционных конфликтов им необходимо выдать особо опасного государственного преступника. Но представители Королевства заявили, что они предоставили убежище этому человеку по политическим мотивам, так как он не является уголовным преступником, и выдача его не входит в Коалиционный Договор.

На этом обмен "любезностями" закончился. Правительственный корабль Северо-Востока произвел рискованный маневр, пролетев под носом у их звездолета, и скрылся. Принц с принцессой получили свое авантюрное приключение, а Чел почувствовал себя пенкой, которой играют короли, да, к тому же, потерял звездолет.

...Тем не менее, Чел никак не предполагал, что все закончится столь удачно для него и был искренне признателен за это принцу.

Он познакомился с кораблем. И принц с принцессой, или просто Шура с Юлией, водили его по залам, спорткомплексам, картинным галереям этого огромного звездолета-дворца как простые экскурсоводы, искренне радуясь каждому комплименту Чела.

Днем они обычно проводили время в спортивном зале, сауне или бассейне, после чего смотрели либо фильмы, либо гуляли по кораблю, а вечерами засиживались за рюмкой-другой вина, и Чел им рассказывал все те истории, которые он слышал, а так же про свою жизнь, и это общение не было тягостно ни ему, ни им.

Так они продвигались по Вселенной в сторону Южного Королевства, оставаясь на экскурсии в самых интересных местах. ...Побывали и на Земле, которая мало чем запомнилась Челу. Все эти дни сливались для него в одно длинное и веселое времяпровождение в компании молодых супругов.

— 34 —

В один из дней, когда они были на пути к Южному Королевству, Чел с Шурой чуть соревновались в плавании под водой в ластах, в то время, как Юлия занималась гимнастикой в спортзале.

— А вы отлично владеете ластами, Чел, — сказал принц, когда они сидели на краю бассейна и отдыхали.

— Спасибо за комплимент... Я когда-то, еще в колледже, был одним из лучших ластовиков.

— Ластовиков?... А что это такое?

— Бег в ластах на 100 метров, — засмеялся Чел.

— Ха! Вы шутите?

— Нисколько... По этому бегу до сих пор проводятся соревнования на Северо-Западе.

— Вы меня просто заинтриговали. Может, попробуем?

— Боюсь, что я подрастерял несколько форму за последнее время...

— Ну, у нас же не чемпионат... Просто разомнемся.

— А что, — развеселился Чел, — трянуть, что ли старинной?

Они выбрались из бассейна и, не снимая ласт, прошли в спортзал. Юлия, увидев их, чуть не упала с перекладины.

— Эй, вы! Это что еще за новости?

Шура отмахнулся рукой. Они стали в стартовую стойку и по сигналу начали бег. Еще до старта Чела захватил азарт,

так же как, впрочем, и принца. Тут же вспомнились студенческие соревнования, где он частенько побеждал самого Бороду.

Ближе к финишу Чел собрал все остатки сил и сделал рывок, все-таки опередив метра на два принца. Тот как был, так и повалился в ластах, задыхаясь и хохоча. Юлия тоже развеселилась и наградила победителя поцелуем, и приз, конечно, был не сравним ни с какими медалями...

После ужина они несколько засиделись, принцесса Юлия пошла спать.

— Знаете, Чел, — задумчиво произнес принц, рассматривая на свет рюмку с вином. — В знак признательности за столь необычное соревнование, которое, я уверен, приживется на нашей планете, хочу вам тоже преподнести подарок. Правда, особого рода... вы, извините за нескромный вопрос, хорошо помните историю древнего мира? Вам что-нибудь известно о "Книге Судеб"?

— Книга из преданий старины глубокой?

— Да, да, о той самой.

— Это которая правильно предсказала чуть ли не двадцатипятилетнюю историю вперед?

— Именно о ней и я хочу кое-что сказать. Дело в том, что эта книга, как вы помните, была написана одним из компьютеров, который по какому-то шифру обработал тексты Библии, Корана, Вед, и неизвестно еще чего, и написал в результате эту самую "Книгу Судеб". Книга эта полна математических выкладок и учитывала как поступательное развитие истории, так и регрессивное, ну и все такое... Так вот я к чему веду. Дело в том, что эта книга реально существует до сих пор и является фамильной собственностью. За счет нее, если по секрету, мы и живем таким образом, но это уже другая история... Давным-давно наш предок опубликовал лишь первые главы. После чего никто ее не видел. Правда, иногда кое-что просачивалось в прессу, но где она и существует ли, никому не было известно... Я же хочу дать вам с нею ознакомиться с одним только условием — ничего не копировать. Надеюсь на вашу честность... Конечно, если это вас интересует.

Чел пожал плечами.

— Честно говоря, принц, я не верю ни в какие-либо предсказания, ни в бога, ни в черта, и даже в приметы и те не верю... Хотя с удовольствием почитаю и буду вам за это глубоко признателен... Даже и не знаю, как сказать.

— А говорить ничего и не надо. Прямо сейчас можем и пойти.

Они зашли в один из кабинетов, и Шура, остановившись перед огромным сейфом, приложил руку к одной из плиток, покрывающих дверцу. Дверца через несколько секунд отошла в сторону, принц запустил руку внутрь и вытащил потрепанную книжку журнального формата.

— Вот она, "Книга Судеб". Копия, конечно. Одна из двух копий за последнее столетие, как утверждает мой папочка. Почитайте, может, что интересного найдете. Я лично мало что понял, да и надоела она уже мне с самого детства...

Принц проводил Чела до его апартаментов, они пожали друг другу спокойной ночи и разошлись.

Чел разделся, лег и взял книгу в руки. По виду она ничем не выделялась, книжка как книжка. На обложке просто напечатано мелким шрифтом: "Книга Судеб".

С первых глав Чел уловил что-то знакомое, по-видимому, он где-то когда-то это читал. Он раскрыл книгу посередине и попытался сосредоточиться. Стиль изложения был просто ужасен, почти ничего в отдельных местах нельзя было понять ни в смысле предложений, ни в словах, многие из которых не были даже знакомы Челу. Он заглянул в самый конец книги и онехал — вместо слов там шли какие-то неизвестные не то иероглифы, не то рисунки. "А что же ты хотел, Книга Судеб все-таки, — усмехнулся Чел и стал пролистывать наоборот, пока не добрался до понятного и более-менее логичного текста.

"И новые арии возьмут власть тайную и явную, и Консилиум содрогнется от ужаса, когда центурионы звезд установят новое самое дальнее солнце, вспыхнет надежда веры, но центурионы звезд, погибая, не отступят и вновь воцарится тьма, пока не погаснет то солнце... Призма кси-люди установят новое право и не будет безносным пощады, и удалятся они в свою вечность откуда вышли, и из которой нет исхода..."

Чел полистал еще назад.

"...и только через миллиард лет поймут все люди, как надо жить, и будет счастливы всякий младенец, и всякий старик, и наступит время великой гармонии и порядка. И тогда раздвинутся пределы всего и вспыхнет рукотворная звезда Разума, озаряя все достижимое."

"Далековато что-то", — подумал Чел и полистал назад. Текст шел без абзацев, сплошным повествованием, так же

вителивато и не совсем понятно. Правда, некоторые места были заняты:

"...И будет он гоним, зная то, чего не ведает никто, и найдет он приют и обретет вечный покой на пути в Царство Грез..."

"Прямо как про меня. Или вот тоже интересно":

"...и будет тот Корабль нагружен не золотом, а льдом, и будут скрывать там личины свои власть имущие, управляя звездами, но лишь видимость останется через столетие, все потеряют они, захлебнувшись от жадности сладким медом..."

"Похоже, похоже. Дай-то Бог."

И еще много чего он вычитал, развлекаясь, но сон взял свое, и Чел, отложив книгу, заснул.

— 35 —

Так прошло немало времени, каждый день был и похож, и не похож на предыдущий, было и весело, и смешно, и грустно.

Но чем ближе они подлетали к Южному Королевству, тем сильнее Чела тянуло сойти. "Пора и честь знать", — все чаще думал Чел, хотя об этом ему и не намекали. К тому же, все дольше затягивались их вечеринки с Шурой, и он стал замечать недовольство Юлии их частыми возлияниями.

Возможного ареста он здесь особенно уже не опасался, все-таки "не такие у них и длинные руки", согласен с ним был и принц. И вот на подлете к очередной обитаемой планете-станции Чел решил окончательно. Но принц согласился его отпустить лишь только тогда, когда он возьмет одну из его шлюпок, которые были по размерам хотя и чуть меньше бывшего его звездолета, зато превосходили по скорости и комфорту. Предлагали они ее вполне искренне, от всего сердца, поэтому Чел не заставил их долго себя упрашивать.

...Прощальный обед получился одним из лучших, которые давали их высочества, и Чела к вечеру телохранители принца чуть ли не на руках занесли в шлюпку. Твердо заверив принцессу, что он трезв, как стеклышко и ни за что не промахнется мимо станции, Чел отчалил от корабля и, пожелав им счастливого жизненного пути, дал указание борт-компьютеру держать курс на эту ближайшую обитаемую планету.

...Пока они крутились по орбите, Чел успел выспаться.

Приведя себя в порядок, он обнаружил на одном из кресел тугую пачку банкнот с запиской от Шуры, чтобы он не обижался и не считал это подачкой, а взял по-дружески. Тут же в кресле лежала и бутылка пива. Вдохнув, Чел открыл пиво и выпил его все.

— Что же, прощай Шура. Ты — один из лучших принцев, которых я близко знал, — рассентиментальничался Чел, — прощай, принцесса Юлия, твой поцелуй я буду помнить всю жизнь. Смотри только за своим принцем, как бы он не спился... хотя, я думаю, у них все будет в порядке.

И Чел высадился на этой станции, чтобы пожить здесь немного и "залезать старые раны", как когда-то любил говорить Борода.

— 36 —

— Ну что, товарищ Лисовский, коротки у тебя руки. — Чел сидел в баре и вертел конспектом указаний Отцу Алексию от Лисовского. "Улучшить работу отдела... уделить особое внимание повышению..." Чел скомкал листок и выбросил его в пенальтицу. — И ради этого они из кожи лезут... А ну их, в конце концов.

И он занялся наблюдением стриптиза, не забывая менять опустевные рюмки. К нему за столиком под села девица, которой сразу было понятно, что надо. И они нешлохо, смею вас заверить провели вечерок...

А на следующий день Чел, пролистывая местную газету, наткнулся на рекламу фирмы, усыпляющей любого желающего на год, десять и даже сто лет.

Чел вызвал такси и через полчаса уже находился в конторе фирмы, специализирующейся на погружении людей в анабиоз со стопроцентной гарантией сохранения и оживления клиентов. За столом конторы сидел солидный мужчина. Он представился главой фирмы и, пригласив Чела за стол, спросил:

— Мистер...

— Чел.

— Мистер Чел желает воспользоваться нашими услугами?

— Да. Я хотел бы...э-э... стать на сохранение.

— На какое время вы желали бы заснуть?

— На миллиард лет.

Брови главы фирмы поползли вверх. Потом он несколько пришел в себя и с сожалением развел руками:

— Наша фирма существует всего восемь тысяч лет вам лучше обратиться в более солидную организацию. Мы же даем гарантию только на пятьсот. Таковы правила.

— Я хотел бы заснуть именно тут, у вас. Если вас смущает цифра, я готов ее сократить... скажем, на сто тысяч. Девятьсот девяносто девять миллионов девятьсот тысяч лет по вашим расценкам вас устроит?

Тем не менее глава фирмы продолжал пребывать в растерянности. Похоже, что он просто не знал, что ответить. Наконец, он сказал просто:

— Да зачем вам столько? вы, случаем... Ну-у... это...

— Нет. Могу привести справку. И из полиции тоже.

— Да поймите, что вся цивилизация...

— Я это знаю. Не нужно мне всего разъяснять... Зато вы поймите — вам же такая реклама будет...

— Мы можем, если хотите, с вашего позволения, сделать ролик, — оживился тот.

— Вот, вот, и я про что... Ну, наконец, мы начинаем находить общий язык... Да и вам-то какая разница, сколько я там пролежу: сто, тысячу, миллион? А традиции нашей фирмы от этого, поверьте, и через миллиард лет не страдают... И вообще, вы не находите, получается странная ситуация, когда пациент... то бишь заказчик начинает уговаривать об услугах представителя фирмы, который в этом сам заинтересован.

— Ну хорошо. — Решился тот. — Только вы знаете, сколько это будет стоить?

— Вот это меня интересует в первую очередь.

Глава фирмы прикидывая сначала в уме, затем полез в стол и достал калькулятор:

— Так... Это если со скидками. Ролик?

Чел закивал головой.

— Так... За ролик тоже скидки на весь период... Хм-м-м...

И он полез в стол, вытащил кипу документов и вновь принялся за подсчет. В конце концов он отложил все в сторону и совсем растерянно произнес:

— Понимаете что получается... За рекламу идет сумма все время, а за каждый год сверху пятисот доля процента сбрасывается. Получается, что это мы вам начинаем быть должны через пятнадцать миллионов лет. И далее сумма возрастает... Я просто не знаю, что и делать.

— А мы с вами подпишем индивидуальный договор... Если уж вас так беспокоит, что будет через пятнадцать милли-

онов лет... Вот этого вам хватит? — И Чел выложил на стол пачку банкнот.

...Вдоволь повеселившись на съемке рекламного ролика, где он придумывал экспромтом шутки, был весел и раскован, после чего Чела даже угостили тут же в баре съемщики из фирмы, которые оказались незнакомыми ребятами, Чел оставил их, чтобы провести последний вечер одному. Он не заходил ни в бары, ни в рестораны, ни в увеселительные заведения.

Просто гулял по вечерним улицам города, затем — по ночным, а потом и по утренним. И нисколько не жалел о своем решении.

Ведь чудеса еще встречаются.

Александр Андриухин

ОДНАЖДЫ В ПРОВИНЦИИ

Страшная повесть

1

Ранней весной под вечер небритый молодой человек лет тридцати в очень помятой фиолетовой куртке и разбухших от луж кроссовках угрюмо брел по одной из грязных и оплеванных улиц небольшого провинциального городка — родины двух всемирно известных вождей. Уныло перешагивая через лужи и с ненавистью озирая встречных прохожих, которые также не отличались жизнерадостностью, он без особого изумления думал, что все великие идеи, способные потрясти планету, непременно рождаются в каких-то Богом забытых захолустьях. Идеи могут ужиться или не ужиться среди людей, распространиться по всей земле как семена, дать наконец ростки или погибнуть; они могут преобразить или перевернуть весь крещеный или некрещеный мир, но та дыра, в которой они зародились, так и остается навсегда беспроектной дырой.

Уже темно, но фонари еще не думали зажигаться. Ветер трепал рваные афиши на заборе и полусонно растаскивал мусор из перевернутых урн. Тяжелые обшарпанные здания центральных улиц давили на мозги, на шею, на позво-

ночник и тяжелым карнизом висели в виде ресниц над глазами, отчего на этом месте постоянно в любое время суток клонило в сон, "Сильно обаяние Обломова" — думал про себя парень, перепрыгивая нехотя через грязь и вырытые кем-то, кажется еще Степаном Разиным, канавы.

Вождь российского столбового дворянства давно уже поживал беспросыпным и далеко не сладким сном, но его духом был проникнут каждый камешек этого города, каждый гвоздик мемориальной доски на тщательно отреставрированных чистеньких домиках. Никакие потрясения, бурления, возрождения не смогли разбудить предводителя столбового дворянства, и его гениальные симбирские идеи навсегда остались для нас неразгаданной тайной, но с позиций сегодняшних дней вырисовывается довольно просветленный смысл его бесконечных возлежаний на диване: чем дольше ни к чему не притронешься, тем вероятней сохранишь для потомства хоть что-нибудь.

Совершенно диаметрально противоположных взглядов придерживался другой российский вождь, проснувшийся неожиданно на радость мировому пролетариату, идеи которого до сегодняшнего дня живут и торжествуют... но далеко не на его собственной родине.

"Прав был Коржавин, — думал молодой человек, — "Нельзя в России никого будить", и снова железобетонная тяжесть давила на сердце и еще сильнее слипались глаза. Сейчас бы плюнуть на все, да улечься поперек тротуара, да уж очень свирепо оплеван тротуар, к тому же милиция, которая и есть типичное порождение революции, единственная, кто в этом городе еще не дремлет.

Кроме родины вождей российского дворянства и мирового пролетариата в этом маленьком и сравнительно не крикливом городке родился еще один человек, которому только роковые обстоятельства помешали выйти в вожди, который в трудные для России дни самоотверженно заменил беспардонно храпевшего Обломова — это Керенский.

Но перед всей этой братией бывший столбовой дворянский город один за другим породил цвет российской литературы: Карамзина, Гончарова, Языкова, Минаева и ряд лермонтовских персонажей. И конечно не случаен тот факт, что Чернышевский свою мастерскую Веры Павловны писал с натуры именно с симбирской артели, рождение которой здесь было также закономерным, как рождение Христа, иначе в каком еще уголке России могла возникнуть мысль превратить православных в общество цивилизованных кооператоров.

"Странные вещи творятся на свете, — думал невесело парень, — именно в таких дырах, откуда совсем не видно мира, и проявляется больше всего способностей перестроить до основания мир.

Свернув в один из темных непролазных переулков и утонув по колено в каком-то белоснежном строительном хламе, молодой человек остановился около невзрачного желтого двухэтажного дома с единственным горящим окном на втором этаже. Он нашарил глазами чеканную вывеску, и сквозь сумерки и совершенно неземные кренделя ему удалось прочесть: кооператив "Возрождение". "Кажется здесь", — пробормотал он себе под нос и, споткнувшись о крутую деревянную ступень крыльца, грязно выругался. "Да, это определенно здесь, поскольку возрождения всегда начинаются с ругательства". Он нашарил над влажной дверью черную кнопку звонка и позвонил. Но никто не ответил. Он позвонил еще, затем еще, и наконец постучал в дверь ногами. Спят, черти, — разозлился он, — хотя в объявлении черным по белому было написано: "Приходите в любое время дня и ночи!"

Наконец через несколько минут внизу что-то загрохотало и в коридоре ярко вспыхнула лампочка. Проснулись? — удивился парень, уже познавший убойную силу отечественной спячки и не только со снов Веры Павловны, и опять в голове мелькнула упрямая строка Коржавина: "Нельзя в России никого будить".

2

"Приходите в любое время дня и ночи, — гласило жирное черное объявление в вечерней газете, — Если вам некуда идти, если вы разочарованы в жизни, если вы устали от вечно-го хамства, лжи, равнодушия, если вы уже не можете бороться за место под небом, за кусок хлеба, за право хоть как-то наладить свой быт, кооператив "Возрождение" ждет вас. Он поможет обрести вам душевный покой, и вновь возродит вас к жизни..."

Молодой человек терпеливо сидел на белоснежной мягкой кушетке около кабинета, над которым горел голубой мягкий плафон, и изо всех сил, насколько это было возможно, разжимал слипающиеся глаза. Было тепло, уютно, спокойно. Ядовито пахло свеженастеленным линолиумом. Мягкий голубой свет окутывал и разливался по всем жилам блаженно как божественный эль. Заспанный сердитый сторож не высказал никаких упреков по поводу ночного набата

в дверь и грязных следов на полу. Он молча проводил ночного посетителя на второй этаж и велел ждать.

Молодой человек широко зевнул и, глубоко засунув руки в карманы своей мятой фиолетовой куртки, прислонился уютно к стене, решив не бороться больше со сном, а закрыть глаза и плыть по течению как советовал отец советской телевизионной психотерапии. И не успело течение подхватить его и понести черт знает куда, как дверь кабинета бесшумно отворилась, и розовый свет упал на его грязные мокрые ноги. Парень встепенулся и без любопытства заглянул в кабинет, где за огромным ореховым столом под розовым домашним торшером сидел молодой мужчина лет пятидесяти пяти. Он был в очках и в белом халате, с реденькой козлиной бородкой. Парень быстро оправился от само-собой открывающейся двери и, привстав чуть-чуть с кушетки, спросил:

— Уже можно входить?

Мужчина молча кивнул. Дверь закрылась так же мягко и бесшумно, едва молодой человек погрузился в мягкое роскошное кресло перед столом. Ему сразу стало неудобно. Очень подозрительными показались парню и козлиная бородка этого мужчины, и оттопыренная нижняя губа, и белоснежный халат. Все это в комплексе, включая и самооткрывающуюся дверь и дорогое кресло, специально придумано, чтобы производить на посетителей эффект. Внимательно вгляделся в напряженное лицо этого мужчины. Показалось, что он с ним уже встречался при каких-то неприятных обстоятельствах.

Мужчина долго молча изучал ночного гостя, наконец произнес поморщив нос:

— Какой отвратительный цвет у вашей куртки.

Молодой человек только криво усмехнулся и еще глубже засунул руки в карманы, и это не понравилось мужчине. Прежние посетители уже с порога испытывали трепет перед белым халатом и электронной дверью.

— Я воспринимаю только естественные цвета, — пояснил мужчина, — а вся эта искусственная мерзость, порожденная в химлабораториях, вызывают во мне ядовитые ассоциации.

Парень опять усмехнулся, сообразив, что вся эта его надуманная речь была опять-таки рассчитана на то, чтобы произвести эффект, и едва удержался чтобы не спросить: "А для чего Вам белый халат?"

— Н-ну, — наконец вздохнул мужчина, натягивая на себя

фальшивую улыбку, раздосадованный, что эффекты не действуют на молодого человека и теперь он вынужден даже улыбаться, — что вас привело к нам?

— Объявление в газете, — ответил парень.

— А какой именно пункт?

Молодой человек молча вынул из кармана мятую газету, развернул ее и прочел: "...если вы не желаете больше питаться радиоактивным мясом, ртутной рыбой, овощами, отравленными нитратами, пить туберкулезное молоко, дышать загрязненным воздухом..."

— Достаточно, — перебил его мужчина, и подобная бесцеремонность молодого человека его не понравилась ему.

— Действительно свежий воздух и совершенно чистую пищу мы гарантируем, — хитровато улыбнулся мужчина, и опять про себя удивился, что ему приходится чуть ли не лебезить перед этим небритым урком. — Но ведь не только женщинам питаться чистой пищей привело вас в этот кооператив? К нам приходят люди уже совершенно отчаявшиеся. Ведь решиться прийти к нам — это все равно, что решиться в монастырь.

— Но в монастыре нужно молиться и работать, а в обществе абсолютную праздность.

Козлобородый расколотая. Нет, определенно таких откровенных наглецов он еще не встречал.

— Непринуждение к труду — это мы тоже гарантируем, но поймите, мы берем не всех — мы берем самых отчаявшихся.

Парень устало посмотрел на мужчину.

— Считайте, что я как раз таким и являюсь.

Мужчина беспокойно заерзал на стуле и полез в карман за сигаретами. Закурив, он нагнал тумана в глаза и мозги молодому человеку, затем хитровато прищурился:

— Ну, хорошо... Отказывать не в наших правилах. Семья у вас есть?

— Нет! — ответил парень. — Уже нет, — добавил он вздохнув.

— А где вы работаете?

— Нигде. Я поэт.

Глаза козлобородого тут же вспыхнули хищным и издевательским огоньком.

— К нам уже приходили два поэта. Знаете, оба классики! Как же их фамилии? Вспомнил! Мятлев и Марлинский! Слышали? И я не слышал. Но оба уверяют, что закадычные друзья Саши Полежаева. Кстати, прижились! И уже хрюка-

ют...

— В каком смысле? — удивился парень.

— В каком? — замылся мужчина. — Это так, метафора. Не обращайтесь внимания... Я что у вас хотел спросить: Вы тоже лично знакомы с Полежаевым?

— Тоже, — неохотно ответил парень. — И все-таки хотелось бы... как говорится, ближе к делу, что конкретно нужно от меня для вашей шараги?

— Ну, что же, — начал деловито мужчина, — во-первых, выписаться, во-вторых, уволиться, и, разумеется, как везде, нужно предоставить паспорт, свидетельство о рождении, трудовую книжку и для формальности написать заявление... и все!

— Выписываться я не буду, — упрямо произнес молодой человек, — а друг мне не понравится.

— Ну, что ж, дело хозяйское, — развел руками мужчина, — впрочем, если хотите можете пройти пробу на так называемую зestyю пишу прямо сейчас. Хотите?

Парень кивнул и козлородый тут же поднял телефонную трубку, набрал номер из двух цифр и сказал:

— Пожалуйста на пробу.

И через минуту в кабинет вошла стройная длинноногая блондинка с удивительным застенчивым и равнодушным взглядом. В одной руке она держала лпирц, в другой чашку с очищенными желудками.

— Как вы считаете, — спросил козлородый, лукаво сверкнув очками, — какая сейчас самая стерильная пицца?

3

В половине двенадцатого в квартире Зинаиды Полежаевой раздался сумасшедший телефонный звонок. Даже еще не снимая трубки можно было определить, что на том конце провода либо крепко выпили, либо переборщили сеансами Кашировского.

— Алло, алло! — взволнованно кричала трубка. — Алло! Почему не отвечаешь, Зина? Да ты спишь, что ли? Да проснись же, черт тебя возьми!

В это время по телевизору надрывалась журналистка, беря интервью у нового автора афганской песни: "Скажите, когда вы начали писать свои песни?" "Свои песни я начал писать еще там", — сурово отвечал младший лейтенант Мартынов, очередной автор самодельной песни, а трубка между тем продолжала взволнованно лепетать:

— Зина, Зина! Ты оглохла, что ли?

— Господи! — произнесла наконец Зина, узнав в трубке голос своего бывшего мужа. — Чтонибудь случилось?

— Случилось! Случилось! — обрадовалась трубка. — Я покидаю наконец это болото! Я уезжаю, Зина! Утром иду выписываться! Говорил же я тебе, пропиши дочь у меня...

— Эту песню я посвятил своему погибшему другу, — продолжал сурово лейтенант Мартынов, — капитану Мише Лермонтову...

— Господи! — простонала Зина повторно. — Куда на этот раз, в Париж или на Гавай. Кстати, сколько ты выпил?

Трубка весело расхохоталась.

— Зина, ты просто не представляешь себе, как у меня все здорово. Как ты считаешь, какая сейчас самая стерильная пицца? — продолжала поговать трубка. — Зина, ты просто себе не представляешь, какой это хайф питаться стерильной пищей! Совершенно не нужно ни вина, ни наркотиков, ни других дурацких средств. Зина, теперь я понял, почему так тянуло к красоте древних греков. Поверь, лишь потому, что вокруг не было химкомбинатов! Поверь, что космологическое мышление не терпит никаких примесей пестицидов, ртути и всякой бляки...

— С кем пил? — спросила требовательно Зина.

Трубка замешкалась, а из телевизора громко донеслось: "Аф-га-а-нистан, Афга-а-нистан! А я сжимаю автомат..."

— Я не могу больше здесь оставаться, Зин! Пойми. Моя душа переполнена этой бесконечной тупостью, которая нас окружает. Эти вечные лужи, грязь, сонные тупые физиономии... К тому же моя квартира находится в самом эпицентре этого дурацкого локатора. Его высокочастотное излучение в сто раз вреднее радиоактивного. Я больше не вернусь в свою квартиру, у меня там постоянно болит сердце... На кой черт нам нужна такая противоракетная защита, если она сама нас втихомолку убивает.

— Успокойся! — ответила раздраженно Зина. — Иди пропись!

— Да не пьян я, — возмутилась трубка. — Я действительно уезжаю! Я больше не могу...

— А я сжимаю автомат! — передразнил телевизор.

— Куда бы ты ни уехал, — взорвалась Зина, — твои стихи не будут печатать даже в Австралии. Чего ты вечно лезешь в бутылку? Твоя последняя публикация в газете даже меня возмутила до глубины души. Разве можно так, нагло и зло писать про свою же страну, в которой живешь?

Не люблю я Отчизну ни летом, ни в стужу,
ни с похмелья, ни с дьяну, ни в ночь, ни с ранья,
как не любит свинарка зловонную лужу,
но зато обожает зловонье свинья.

А что это за возмутительные намеки, тем более после выборов:

Был единственный где-то фонарь у аптеки,
да и тот раскололи вчера кирпичом.

Ты так возмутил общественность, что редакция была просто вынуждена дать извинения за эту публикацию и обещание не печатать тебя больше. Кстати, твой Закадыкин подписался первым.

— Дура! — грубо крикнула трубка. — Ты никогда меня не понимала! Ты всегда была чужой и бестолковой бабой!

— Как можно понимать человека, льющего грязь на свое Отечество? Ты же в нем живешь!

— Какая грязь? О чем ты? — застонала трубка. — Грязь льют, когда хотят замазать что-то чистое. А можно ли грязную лужу сделать еще грязней если бросить в нее комочком земли?

— Но зачем тебе нужно швырять какие-то комочки?

— Дура! — опять отчаянно крикнула трубка. Чтобы все видели, что это лужа, и чтобы она не застывалась, и чтобы к ней не могли привыкнуть... и только через отвращение можно ее осушить...

— Может, хватит? — предложила болезненно Зина. — Надоело. Время уже двенадцать. Мне завтра на работу. Это у вас, поэтов, никаких забот, знай только бросай комочки в лужи, чтобы обращать общественности на нее внимание, а общественность пусть ее осушает. Кстати, мне как общественности ты позволишь наконец лечь в постель, поскольку завтра вставать в шесть часов...

— Позволю! — мрачно произнесла трубка. — Спокойной ночи!

Трубка на том конце, прежде чем попасть на рычаг, сильно ударилась об автомат. Потом зазвучали тревожные короткие гудки. "Ну уж и спокойная ночь", — подумала Зина, выключая телевизор с лейтенантом Мартыновым, — да... теперь только спать."

Слезы почему-то покатались из ее глаз и сердце как-то странно сжалось от холодного предчувствия. Такого с ней еще не было. "Пропадет он без меня, — подумала она, — как пить дать, пропадет..."

В темной квартире громко тикал будильник и сопела че-

тырехлетняя дочь. Свежий ветер из форточка раздувал тюлеву занавеску, из облаков выкатывалась луна. Пожалуй, нужно закрыть форточку. Нет, не должно с ним ничего случиться. Бог таких бережет. Зина пошла на кухню, достала из холодильника бутылку с бромом. "Господи, упаси его мятежную душу, — произнесла она и сделала три глотка. — Да, никуда он не уедет — просто трепшется", — подумала она и сделала еще глоток. Затем глубоко вздохнула, утерла слезы и прошлепала в спальню.

4

На следующий день молодой человек в фиолетовой куртке уже к двенадцати часам подходил ко вчерашнему желтому дому с чеканной вывеской: кооператив "Возрождение". Он был тщательно выбрит, расчесан и пах одеколоном. На нем была свежая рубашка и бежевая сумка через плечо, забитая доверху только что купленными блокнотами. Сегодня его уже не раздражали перепаханые улицы и вечные лужи.

Он легко перескочил через все шесть ступенек деревянного крыльца желтого дома, которое под ним недоуменно и не очень гостеприимно скрипнуло, и, распахнув широко дверь, влетел в здание. Вчерашний запах линолиума опять ядовито ударил в нос, и поскольку его никто не пытался остановить, через три секунды он уже был на втором этаже. Тем же широким жестом молодой человек распахнул дверь кабинета директора, и вчерашний мужчина в белом халате, изумленно подняв на него свои маленькие глазки, стал торопливо прятать в столе какой-то импортный цветной журнал с красивыми женщинами.

— Ах, это вы? — улыбнулся он натянуто, закрывая поспешно стол, и вновь молодому человеку показалось, что он уже встречался где-то с этим директором. "Кажется, этот тип не очень любит людей, — мелькнула почему-то мысль, — во всяком случае, директор милосердного кооператива должен быть менее фальшивым", — подумал парень.

— Неужели вы уже выписались? — всплеснул руками директор.

Раскрыв паспорт он долго и тупо смотрел на фотографию и на фамилию, затем медленно поднял глаза.

— Так вы и есть Александр Полежаев?

Мужчина пробовал улыбнуться, но получилась какая-то затравленная усмешка. Полежаев промолчал. Мужчина пожевал задумчиво верхнюю губу, при этом козлиная бородка его смешно задергалась, и вдруг оживился.

— Знаете, ваше последнее стихотворение "Свинарник" произвело на меня впечатление. Особенно этот момент, где свинья обожает зловонную лужу, но к которой не может привыкнуть свинарка.

Мужчина неожиданно наклонился к парню и снизив голос до полупшепота таинственно произнес:

— Если бы вы знали, Полежаев, как тесно сейчас переплетаются наши мысли. Все же есть на свете провидение, — продолжал многозначительно козлобородый, и Полежаеву было неприятно, что его мысли переплетаются с мыслями этого типа. — Не позднее, чем позавчера я прочитал ваше стихотворение и внезапно подумал: а что если судьбе будет угодно распорядиться так, что автору этих строк понадобится помощь, и именно в моем кооперативе.

Полежаев никак не среагировал на его слова и, глядя на слащаво оттопыренную губу, на жиденькую бородку, на маленькие непробиваемые глазки, думал, что весь облик этого человека — это облик потенциального негодяя, от которого можно ожидать любой гадости. Почему? Он никак не мог понять, и опять мучительно напрягал память, да где он мог видеть это рогаткой пуганое лицо?

— Вы случайно не выдвигали себя в депутаты? — почему-то спросил Полежаев, и почувствовал, что затронул его самую животрепещущую тему.

Директор слегка порозовел.

— В депутаты вообще-то выдвигает народ.

Полежаев расплылся в самой широкой и обаятельной улыбке, на какую он только был способен, и сказал полуплутиливо:

— Народ народом, но мне кажется, что вы сами могли себя выдвинуть в депутаты.

Директор, сорвав с себя очки, стал суетливо искать в карманах платок и, нашарив его, начал нервно протирать стекла.

— Впрочем, — сказал он после некоторой паузы, — я бы мог осчастливить людей. Да-да, дал бы им то, чего они желают. "Новоявленный Цезарь", — мелькнуло у Полежаева в голове. Да-да, я бы мог... — повторил директор задумчиво. — Видите ли, мы планируем народные потребности исходя из своих потребностей. Мы пытаемся завалить народ Петраркой и Шекспиром, а народ хочет ветчины. Мы пытаемся всучить ему Сервантеса, а ему нужны серванты и кухонные гарниры... Ну... к примеру, в вашем стихотворении "Свинарник" свинарка ненавидит зловонную лужу, и беда всех

диктаторов в том, что они пытаются осушить эту лужу в угоду одной свинарке. Но они забывают, что вокруг свиньи, и что роль свинарки — ухаживать за этими свиньями. Так не проще ли свинарку научить любить лужи? Да-да, это проще и дешевле, тем более, что она одна. А поднимать свиней до эстетического уровня свинарки по меньшей мере глупо.

Поэт удивленно расширил глаза.

— Не понимаете? — удивился новый Цезарь. — Пожалуйста! Я объясню вам, как говорится, на пальцах. Все очень просто. К чему сводятся все обязанности правительства? К обеспечению утробных потребностей народа. А как вы догадываетесь, эти потребности растут из года в год, и потребности народа не совпадают с возможностями правительства. Любой диктатор, желающий снискать себе славу, лезет из кожи вон, чтобы максимально набить народную утробу, а зачем? Не легче ли отсечь все излишние потребности? Как в Древней Греции!

— Каким образом? — удивился Полежаев.

— Как скульптор отсекает от камня все лишнее. Вы полагаете, каждый из нас человек? Каждый из нас только человеческий материал, из которого можно только выстроить человека путем отсечения всего лишнего, и не только изрядного аппетита, но и лишних чувств, лишних мыслей...

— Не понимаю!

Козлобородый рассмеялся.

— Вчера вы были не только свидетелем, но и невольным участником отсечения от себя излишеств. Вчера, после двух кубиков одного гениального препарата, введенного вам в вену, вы как сумасшедший набросились на тарелку с желудями и проглотили их в одну секунду, как право что-то необычайное. Вам это так понравилось, что из желания еще раз отпробовать подобный деликатес вы даже выписались из собственной квартиры.

При воспоминании о желудях у Полежаева как-то странно засосало под ложечкой, как у заядлого курильщика при воспоминании о сигарете; легкий дурман вскружил голову и приятная теплота разлилась по всему телу. Он прав, этот очкарик, — подумал Полежаев. — К чему человечеству такое излишество изощренных блюд, когда есть желуды... Да-да, нужно как-то питаться попроще, и сразу отпадут бытовые и экономические проблемы...

И Полежаев бы на сто процентов согласился с этим че-

ловеком, но мешал только жесткий как рентген недобрый его взгляд сквозь очки.

— Вы хотите сказать, что уподобили меня до состояния свиньи? — усмехнулся криво Полежаев.

— Ни в коем случае, — испугался директор, — с одной свиной пицци не уподобишься до ее состояния. Нужна разумность и среда. Но желуди, кстати, прекрасная пища! Просто человек не привык употреблять. Знаете, ирония судьбы: орехи щелкает, а про желуди забыл. А в них прорва бесценных питательных веществ, которых нет в других продуктах, но самое главное, желуди почти не поддаются заражению от окружающей среды...

Но дело конечно не только в желудях. Отсечь все лишнее, и оставить человеку лишь самое необходимое — вот смысл моего препарата. Ведь все что не является необходимостью, то грех — гласит библия. Но... сам человек слишком безволен и слаб, чтобы воздерживаться, поэтому ему необходима твердая рука.

При этих словах скулы козлотородого приобрели твердость, а взгляд прояснился; видимо на роль твердой руки у него уже имелись соображения.

— Вот когда отсечется все лишнее, вот тогда и наступит мировое благоденствие, и наступит счастье, и исчезнет грех... вот тогда народ будет искренне любить своего правителя.

Директор раскраснелся и в глазах его блеснули слезы, но Полежаев тут же опустил его на землю своей беспцеремонностью:

— Как вы говорите писать заявление? Прошу принять меня в кооператив в... качестве кого? Рабочего? Но учтите, работать я не обещаю!

А директор все никак не мог побороть клокотавшее внутри волнение. "Вот-вот! — с досадой думал Полежаев, — Новая идея преобразования мира. И новый вождь. И опять в этом захолустье... Черт... Проклятое место..."

5

Потом долго везли куда-то на юг области в мягком маршрутном такси сначала по шоссе, затем по каким-то кочкам и ухабам, наконец по проселочным дорогам. "Кудряво живут, — думал Полежаев, покачиваясь на удобном переднем сиденье, — собственные новенькие маршрутки имеют... Интересно, на какие шиши, если действительно там никто не работает..."

Кроме Полежаева в такси сидело еще четверо: молчаливые угрюмые мужики — то ли бродяги, то ли синюшники... "Ничего себе компания!"

Полежаев пытался завести с ними разговор, но не добился у них даже имен. Не добился он ничего и от шофера. "Ладно; на месте разберемся. Не понравится — уеду обратно", — успокоил себя Александр, откинувшись удобно на сиденье. И в ту же секунду невеселые мысли, как назойливые мушки, стали облеплять скандального поэта. Вспомнилась бывшая жена, дочка. Вспомнился его закадычный приятель журналист Закадыкин, который проталкивал в газету все, что ему приносил Полежаев. Вспомнил он и обещание директора, что Полежаеву больше никогда не захочется вернуться к прежней жизни. Это по меньшей мере странно...

Когда маршрутка въехала в дубовую рощу, опять как-то необычно засосало под ложечкой и сзади оживились четверо друзей, до этого упорно молчавшие. Они привстали с мест и, принявшись, попытались открыть смотровые окна, но шофер рывкнул на них, чтобы не гадали. Друзья и не подумали успокоиться. Через полчаса дубовая роща сменилась березовой, а еще через полчаса показался глухой забор с железными зелеными воротами, над которыми красовалась надпись: санаторий кооператива "Возрождение". Маршрутка тормознула около полуоткрытых ворот, за которыми виднелись деревянные домики турбазного типа, и навстречу вышла длинноногая русая девушка в джинсах и белом халате. При виде ее настроения Полежаева заметно поднялось. Слава богу, не одни здесь ханьги!

Когда вся компания, кряхтя, вылезла наружу, маршрутка моментально развернулась и укатила, оставив после себя тишину, птичий щебет и выхлопную синеву.

Девушка подошла и с тревогой взгляделась в лица вновь прибывших. Наконец пристальный взгляд ее задержался на поэте.

— Вы Полежаев? — спросила она тихо. Затем велела следовать за ней. Четверых она увела куда-то на окраину санатория, а Александра почему-то поселила в отдельном летнем домике.

Затем несколько раз заходила к нему сменить постельное белье и еще по каким-то бытовым делам, и Полежаеву показалось, что она порывается ему о чем-то рассказать.

Кроме нее, а звали ее Наташей, из администрации был еще один долговязый парень, но она, как понял Полежаев, все-таки считалась за старшую. Парень сразу не понравился поэту за развязанность. Он приставал к Наташе грубо, не стесняясь отдыхающих, и она в иступлении, после каждого его телячьих объятий, молотила ему по рукам. Парень, каждый раз получив решительный отпор, усмехаясь уходил, но грозил потом Наташе пальцем. И смысл его угроз был непонятен.

Полежаева записали в команду Наф-Наф. Впрочем, в этом санатории она была единственной. В нее входило двадцать мужчин и шесть женщин. Как и предполагал Полежаев, компаньича мало чем отличалась от той, которая приехала вместе с ним.

На следующее утро новичкам вкололи по уколу и дали по тарелке желудей, которые те сразу же умяли с необычайной быстротой. Потом повели на завтрак.

Кормили неплохо: три раза в день, и ежедневно перед обедом парень выносил на поляну в огромной плетеной корзине кучу спелых и отборных желудей. Команда с диким хохотом набрасывалась на парня с корзиной, и через минуту корзина пуста.

Все остальное время Полежаев беспечно валялся на кровати в своем домике и наслаждался покоем и праздностью. Никакие заботы больше не терзали мятежной души поэта, и Полежаев, вспоминая директора, признавал, что тот в общем-то исполнил свои обещания и возвратил кое-кому из отчаявшихся душевный покой. Стихи писать не хотелось. Пустые блокноты сиротливо валялись на подоконнике, ручки были изгрызаны от нечего делать. Времени завались. Можно было неторопливо думать и осмысливать бытие, но все мысли Полежаева крутились только вокруг желудей.

Почему-то желудей хотелось постоянно. Поэт не раз ловил себя на мысли, что весь день бестолково проходит в тупом ожидании завтрашней предобеденной корзины. "Ничего-ничего, это поначалу", — успокаивал себя Александр.

Но с каждым днем непонятная страсть к желудям возрастала, как возрастает потребность в наркотиках у наркоманов. Команда Наф-Наф все неохотней стала ходить на завтраки и ужины, но зато за час до обеда все как сговорившись собирались на поляне и с некоторой нервозностью ждали, когда долговязый парень вынесет свою огромную плетеную корзину.

Эти вечные ожидания желудей и разговоры о них стали незаметно переходить все человеческие грани приличий. У некоторых при виде корзины разгорались глаза как у волков и они, бледнея, не могли удержаться, чтобы не броситься бешено на парня, растолкав женщин и тех, кто слабей. Парень вместо того, чтобы навести порядок, с хохотом бросал корзину на землю и убегал.

Полежаеву наконец опротивели эти ежедневные экзекуции, и он потребовал от парня, чтобы тот как-то упорядочил раздачу желудей, и когда услышал в ответ сквозь зубы, что ему за это не платят, решил больше не участвовать в этой общей сваре.

Но желудей хотелось. И Полежаев пытался выпросить их у Наташи минуя общую раздачу. Наташа ни слова не говорила на этот счет и только отводила глаза.

Однажды под вечер в санаторий приехал директор. Полежаев опять, вглядываясь в его реденькую бороденку, мучительно вспоминал, да где же он мог его видеть, но теперь директор не казался поэту подозрительным. По поводу жалобы насчет раздачи желудей, директор ответил, что в санатории все демократично, и что внутрикомандные проблемы должна решать сама команда.

— Но в данный момент, — ответил Полежаев, — такая демократия может довести людей до свинства.

— Что вы имеете против свиней? — расхохотался директор, — чем они вам не приглянулись: внешностью или образом жизни? Вам, вероятно, больше нравятся львы, или скажем, кони. Скажите, вам нравятся кони? А знаете ли вы, что по умственному развитию кони из домашних животных занимают чуть ли не последнее место, а вот свинья, кстати, в этом отношении на первом месте. Не верите? А что вас смущает? Рассудим логически: что разумней — всю жизнь тащить за собой телегу, да-да, всю свою долгую жизнь, или пожить поменьше, но уже, как говорится, в свое удовольствие.

— Какая чушь!

— И все-таки представим себе, что свинья рассуждает таким образом и решила выбрать себе жизнь без забот и мороки.

— При этом расплатиться собственной шкурой.

— Вы считаете это варварством? Наше общество только на этом и держится, правда не так откровенно. Кто имел возможность продать свою, как вы выразились, шкуру, тот давно ее продал и даже не задумался. Вот к примеру... на АЭС

есть такие виды работ, где не спасает никакая защита. Но эта работа хорошо оплачивается. За каждую закрученную гайку отваливают по куску. И думаете там нет желающих? Там очередь! Что из того, что эта работа сократит твою жизнь лет на тридцать, зато можно годик-другой пожить, предположим, в Гаграх с королевским блеском.

Полежаев внезапно вспомнил, что его квартира находилась в самом эпицентре противоракетного локатора, и живя в этой зоне высокочастотного излучения, он уже отдал Министерству Обороны свои тридцать лет, и отдал за так, без какого-либо намека на королевский блеск в Гаграх. Внезапная злость охватила его.

— Нет! Человек намного тупее свиньи, если позволяет себя жрать бесплатно, — прохрипел он мрачно.

— Да-да! — обрадовался козлотородый. — Как все же сходится наши мысли! А свинья умнее, умнее... Вот вы думаете, что они так безропотно относятся к тому, что их съедят? Нет! Они всячески стараются вызвать к себе отвращение: и тем, что барахтаются в грязи, и тем, что пожирают только что рожденных детей... и знаете — успешно! Во многих и не только исламских государствах свинью есть брезгуют... Ха-ха! Неправдоподобно?

А как вы полагаете, кто создает свинскую среду вокруг? Свинья? Или среда ее в таковую обращает?

— Все взаимосвязано, — угрюмо ответил поэт.

— То-то и оно, — хохотал козлотородый. — Я как увидел вас, сразу понял, что мы с вами единомышленники. Буду счастлив, если вы станете моим союзником! (Директор снизил голос до полусшепота.) Мир нуждается в реставрации, но никто не знает, как его реставрировать. Ресурсы истощаются, духовность падает, человек превращается в волка. В этом отношении мои желуди открывают новую веху в истории человечества. Поверьте! (Козлотородый наклонился к самому уху Полежаева.) Впрочем желуди — это только условность. Я знаю тайну нейтралитина! При помощи его можно возбудить страсть к чему угодно: к траве ли, к листьям, даже к верблюжьей колючке. Как видите, с такой перспективой человечество всегда будет сытым и счастливым!

Полежаев неприязненно отстранился от козлотородого и подумал: "Определенно новый Цезарь", а вслух спросил:

— Чем же я буду вам полезен?

Козлотородый, отдышавшись, ответил неопределенно:

— Вы талантливый поэт... А образованные монархи ценят талант...

— То есть, — перебил Полежаев, вы предлагаете мне стать вашим личным придворным поэтом? Но вы даже не спросили, смогу ли я работать на заказ?

— Можете! — твердо ответил козлотородый.

Полежаев расхохотался.

— Но чтобы выполнять соц. заказы в творчестве, нужен определенный склад ума! Вы знаете, это не всем поэтам доступно. Хотя я знал такого товарища, который целиком себя посвятил выполнению такого рода заказов. Правда среди читателей он не снискал славы, зато от местных отцов получал все, что желал. Как же его фамилия? Черт... Забыл! Он возглавлял девять лет тому назад местную писательскую организацию. Да как же его? Он еще стихи у молодых воровал...

Полежаев вдруг заметил, как покрылось серыми пятнами лицо директора и как напряглась и затрепеталась его жиденькая борода, и сам он сжался, как вратарь перед штрафным ударом, и вдруг внезапный просвет сверкнул в кудрявой голове Полежаева. Черт! Да это же бывший секретарь правления!

Такого конфуза поэт не испытывал давно. Две минуты держалась гнетущая тишина, на третьей Полежаев не выдержал и рассмеялся.

— Словом, — сказал он, — я не смогу работать на заказ. Я не так устроен, что ли? Душа не выносит тяготины. Словом, не смогу. Но благодарю за доверие...

— Можете! — сказал козлотородый твердо.

Полежаев удивленно поднял глаза и испытал новый порыв неприязни к бывшему секретарю правления писательской организации. Жесткий взгляд ущемленного самолюбия пробудил в душе поэта мушкетерскую гордость.

— Я же сказал, не смогу! — ответил он упрямо. — Это даже зависит не от моей воли.

— Любая воля обезволивается! — сверкнул очками козлотородый.

— Только не поэта! — ответил Полежаев, расправляя плечи. — Может, вы уже считаете меня рабом своих желудей? Да я плевать на них хотел! Я их неделю уже не жру! Да мне они, сказать откровенно, опротивели с первого дня!

Мушкетерская гордость, хлеставшая через край, неожиданно стала смешиваться с поросычьим желанием откусить желудей. "Ой, не к добру! — дико подумал Полежаев. — И на кой черт я о них вспомнил?"

Козлотородый разразился самым безобразным и отвра-

тительным смехом, которым может хохотать человек с ущемленным самөлюбием, и, круто повернувшись к поэту спиной, бросил через плечо:

— Посмотрим.

Он удалялся прочь, и по его нервно подрагивающей спине Полежаев понял, что невольно разворошил в нем столько дерьма, которое непременно выплеснется и на него самого, и на всех отдыхающих кооператива "Возрождение".

— Посмотрим! — крикнул бывший секретарь угрожающе, садясь в свои "жигули". Потом поздравил Наташу, обронил ей что-то неприятное в лицо, отчего глаза у нее выкатились, и наконец укатил со злобещим ревом.

7

Как мужчина может простить женщине все, что угодно, но только не кривые ноги, так и поэт может простить своему собрату по перу любые пороки, но только не бездарные стихи. В одну секунду Полежаев проникся глубоким презрением не только к директору, но и к его милосердному кооперативу "Возрождение". "О каком милосердии может идти речь, — искренне удивлялся поэт, — если в его книгах одна сплошная туфта? Как можно, так примитивно рифмуя и с трудом загибая в размеры слова, метить себя в вожжи?"

Десять лет назад, когда секретарь правления обломовских писателей Хвостов выпускал ежегодно по книге, Полежаев с друзьями буквально катались по полу от бессмертных стихов обломовского секретаря. Их литобъединение, пожалуй, было единственным, которому книги Хвостова приносили искреннюю радость. "Сейчас, правда, уже никаких радостей в жизни", — вздыхал про себя Полежаев, и продолжал проникаться благородным презрением к сумасшедшей идее Хвостова преобразить мир при помощи желудей. Но особенно унижало скандального поэта предложение Хвостова быть его придворным стихотворцем. Но ведь нужно быть идиотом... Да-да, несомненно все монархи, приближающие к себе великих художников, — идиоты. Сколько ни корми его как волка, сколько ни одаривай королевской милостью, все равно художник будет видеть в своем господине лишь посредственность для искусства, и всегда в душе его будет презирать за это, несмотря на высокие титулы.

И бывший секретарь правления союза писателей знал это как никто другой, и злость бушевала в его чахлой и тщеславной душонке. "Жигули" летели через березовую рощу,

через дубовую, потом по проселочным дорогам, наконец — по шоссе, а бывший секретарь все никак не мог успокоиться и, выгуливая самым невероятным образом, неустанно бормоча себе под нос: "Ничего-ничего... Скоро ты у меня захрюкаешь..."

Первая книга Хвостова, которая вышла после долгих и мучительных пьянок с сотрудниками издательства, не пользовалась ни малейшим успехом среди читателей. Не пользовалась успехом и вторая книга, как впрочем, — все остальные. Его книгами были завалены все книжные прилавки и киоски города; их продавали в нагрузку и регулярно сдавали в макулатуру, но все равно почему-то на книжных складах количество их не уменьшалось.

Книги Хвостова не хотели замечать ни загадочные читатели, ни столичные критики, будто их не было совсем. Но ведь книги были! И было их десять штук...

Хвостов завидовал тем поэтам, которых крыли последними словами и в прессе и в подворотнях, на которых свирепо набрасывался весь многонациональный и многоотрасльный отечественный союз писателей, у которых и была то всего одна подборка в каком-нибудь задрюпанном журнале, а их стихи рвали друг у друга из рук, и переписывали с листочка на листочек...

О стихах Хвостова хранили скорбное молчанье.

Он пробовал поить критиков, и критики, изрядно выпив, обещали непременно написать что-нибудь эдакое, но то ли у них у всех не в порядке что-то было с памятью, то ли у них отшибало дар речи при виде поэтических сборников Хвостова, но книги его по-прежнему находились в дремучем неведении для читателя.

Хвостов пробовал писать классически, пятистопным ямбом, современно, размашисто, изощренно, наконец — совершенно искренне заверял весь свет в своей горячей любви к Родине, но его любовь почему-то никого не трогала, кроме товарищей из обкома, которые удосужились прочесть обложку и потом долго жали руку, желая новых трудовых успехов.

Хвостов вынашивал годами образы, метафоры, не спал ночами как Бальзак, уходил в запой как Есенин, и вдруг что-то сверкало оригинальное в мозгах. Но приходили семнадцатилетние пацаны и небрежно сыпали такими метафорами, что волосы у Хвостова вставали дыбом. Зависть терзала его и днем и ночью, и чтоб как-то утешить свое тщеславие, он, при помощи своих хитроумных штучек, пробрался

в ответственные секретари правления. Теперь он над всем этим разболтанным молодняком был начальником, и те без всякого трепета заваливали его своими рукописями. И читая их небрежные, непричесанные с грамматическими ошибками стихи, Хвостов приходил в ужас от сумасшедших их оборотцев. Злость опять бушевала в его душе, и тогда он стал выписывать наиболее оригинальные строки у молодых и влетать в свои стихи. Молодой поэт практически беззащитен. Только с напечатанными ранее стихами можно доказать плагиат. Но где же им доказать, когда их никто не печатает.

И чтоб еще более усугубить их положение, он писал на них разгромные рецензии, прятал письма, приглашающие молодых поэтов на семинары, обзванивал редакции и выяснял, кого хотят включить в план, и если включали молодого, он тут же собирал экстренное бюро из писательских пенсионеров, и они вместе сочиняли решительный протест.

Но однажды он все-таки попался на плагиате, и молодые поэты дружно подали на него в суд. Пустившего уже корни на этом месте, Хвостова трудно было свернуть, но они, озлившись на него как собаки, навалились всем миром. И теперь когда он вспоминал последнее собрание в правлении союза, где на повестке дня стоял один вопрос, об отстранении его от должности, слепая и черная ярость охватывала все его нутро.

— Ничего-ничего, — повторял Хвостов скрежеща зубами, изо всех сил давя на педаль, — скоро вы у меня все захрюкаете!

Когда он въехал в город, уже опускались сумерки. Накрапывал дождь. Туча будто ватным одеялом накрывала с головой и без-того не солнечный город. И опять тянуло ко сну.

Но единственно только злоба не даст спать в этом проклятом городе. Подкатив с визком к управлению кооператива в Ореховом переулке, он выскочил из машины и, даже не захлопнув дверцу, бешено влетел на второй этаж. Пнув дверь собственного кабинета, он моментально сорвал с телефона трубку и, услышав, как оборвались позывные гудки, крикнул зловеще в микрофон:

— Вколите ему третий укол! Да-да... Сию же минуту...

8

Радужный туман, в котором пребывал Полежаев все это время, рассеялся в ту же секунду, как только рассеялась вы-

хлопная отравка "жигулей" Хвостова. Теперь ему все здесь было не мило: ни домики, ни покой, ни даже Наташа. Он вернулся в свою утреннюю комнатку и рухнул на кровать носом в подушку. За окном стал накрапывать противный маленький дождик.

— Как быть теперь? — думал Полежаев. — Вернуться обратно в город? Но там сонные физиономии, вечные лужи, пустые прилавки, нервотрепка в общественном транспорте... Нет! Там жить не любят. Там любят спать. К тому же квартира под докатором, а под небом вечная слякоть... Заявиться к жене? Это в высшей степени беславно. Уехать в Сибирь на заработки... но какие там сейчас заработки. А чем собственно здесь плохо? — сверкнула неожиданная мысль. — Во-первых, еще не выгоняют... а в-третьих — кормят.

Стемнело. Дождь усилился. За горизонтом сверкнула молния, и в дверь постучалась Наташа. Она была мокрой и испуганной.

— Бегите отсюда! — прошептала она. — Бегите немедленно! Вы здесь пропадете! Бегите, я умоляю...

— С какой стати? — буркнул Полежаев.

— Ни о чем не спрашивайте! Бегите и все, Вам нечего здесь делать.

— Мне нечего делать и дома.

— Неужели этот свинарник заменяет вам дом?

— Не ваше дело!

Наташа заплакала.

— Неужели вы не видите, как тут люди превращаются в свиней?

— Кто не захочет — не превратится.

— Господи! — закричала Наташа. — Вы думаете человеческая воля может совладать с проклятым "желудином"? После третьего укола уже никто не останавливается. Алкоголиков и наркоманов можно вылечить, от желудей — никогда. Он врет, что у него есть нейтральности... Мне приказано вколоть вам третий укол и перевести в команду Ниф-Ниф.

— Что за команда? — мрачно поинтересовался Полежаев.

— Это... — задулась Наташа. — Я не могу вам всего сказать. Словом... Там кормят желудями два раза в день.

— Меня устраивает! — расхохотался Полежаев.

Наташа разрыдалась, поняв, что упрямец не переспоришь...

— Как хотите, — всхлипнула она перед тем как уйти, — как хотите...

Через два дня после утренних уколов команда Наф-Наф взбесилась. В два часа дня они со звериным рыком напали на парня с корзиной и, сожрав все желуди, разорвали корзину включая. Полежаева тоже не обошла всеобщая ярость. Он одним из первых бросился к корзине, оттолкнув женщину и сбив с ног парня, но успел ухватить только горсть. Его тут же смяли и оттеснили заднеревущие товарищи.

— Свины! — заорал он во всю глотку. — Я неделю из-за вас не держал во рту ни желудишки! На его вопли никто не обратил внимания. Все злое обступили сбитого парня.

— Желудей! — потребовала толпа.

— Сию минуту, — ответил парень поднимаясь и спокойно отряхивая штаны, — одну только минуту.

Без тени страха он раздвинул локтями двух жлобов и направился в свой домик. Через минуту он вынес пачку чистых листов и связку шариковых ручек. За ним вышла Наташа.

— Товарищи, — обратилась она к толпе, — в наш санаторий завозят желудей по строгой норме. Таковы правила. Кому не хватает, пожалуйста переводитесь в команду Ниф-Ниф. Там дневные порции втрое больше наших.

Радостный восторженный рев потряс санаторий.

— Для этого нужно написать заявление, — продолжала Наташа, — "Прошу уволить меня из кооператива "Возрождение" по собственному желанию". Не пугайтесь! Это просто такая формальность...

Но никто не испугался и никто до конца не дослушал. Все разбежались, расхватав листы и ручки, по скамейкам и по домикам.

— Неужели все переводитесь? — улыбнулся хитро парень, и тут же получил от Наташи удар локтем. — Ну, что ж! В добрый час! Завтра новый заезд...

Санаторий Ниф-Ниф оказался в полутора часах езды по проселочным дорогам. Ехали молча на грузовике, угрюмо поглядывая по сторонам. Но когда въехали в дубовую рощу, у всех как-то странно заблестели глаза и зашевелились предательски носы. Многие стали подниматься со своих мест с целью выпрыгнуть из машины, но сопровождающий команду парень одним внушительным окриком подавил народный подъем. Дубовая роща сменилась березовой, но же-

лудиное настроение ни у кого не изменилось. В недобром оживлении подъехали к глухим огромным воротам, от которых тянулся в обе стороны березовой рощи вы-сокий противотанковый забор.

Через минуту группа вновь прибывших с удивлением осматривала огромный пустынный лагерь с аккуратными бараками и огромной площадью посередине.

Их встретил широко улыбающийся небритый мужчина в белом халате и с нездоровыми мешками под глазами. От него крепко несло перегаром. Он жизнерадостно со всеми поздоровался за руку, нагло осмотрел женщин, затем икнул и заявил, что в их санатории не пишутся заявления. Заявления не пишутся, поскольку они давно покончили с бюрократией, но по традиции новенькие поминают своих младших братьев, иными словами, порсят, которых ежедневно тоннами режут на мясокомбинатах и мясобойнях для столовых, ресторанов, рынков... Тут комендант санатория проследил за ним, опять икнув, пояснил, что подло откармливать живое существо желудями ради того, чтобы потом чинно кушать его тело, что гораздо нравственней человеку самому питаться желудями.

Последняя его мысль всем понравилась, и команда Наф-Наф пришла в движение, но небритый комендант призвал всех к спокойствию. В ту же минуту появился угрюмый худой старик в черной робе с огромной ручной тележкой, доверху груженной желудями.

Команду построили, вручили каждому по пустой тарелке и объявили, что прежде чем они съедят свои законные порции, каждый должен по три раза хрюкнуть, и тем самым воздать должное памяти всем бесправно погибшим под ножом порсятам.

Команда Наф-Наф разразилась страшным хохотом.

Каждый подходил к тележке, дурашливо хрюкал, получал свою порцию желудей и тут же, не отходя от кассы, моментально ее съедал. Все это напоминало веселую безобидную игру. И когда остатки желудей были высыпаны из тележки на землю и после веселой кучи малы мгновенно уничтожены, неожиданно из барачков стали выходить небритые и угрюмые существа с безобразными признаками ожирения. У всех этих людей были заплывшие шальные глазки с удивительно неосмысленными зрачками.

Когда они вышли все, а их было не менее пятисот человек, началось какое-то тупое беспорядочное брожение по площади. Они натыкались друг на друга, огрызались, а ча-

ще — молчком расходились в разные стороны, и во всей этой бессмысленной толкотне чувствовалась нервная атмосфера ожидания.

Полежаева впервые за эти дни охватил ледяной щенячий страх, но страх охватил исключительно только Полежаева; его товарищи из команды Наф-Наф, уже разузнав, что через двадцать минут начнется всеобщая раздача желудей, оживленно и весело травляли друг другу анекдоты, не забывая при этом бдитительно крутить головами. Вообще все это попахивало всеобщим сумасшествием, и Полежаев серьезно пожалел, что не послушал Наташу. Впрочем, драпануть отсюда не представляет особого труда. Но прежде хотелось бы услышать объяснения Хвостова по этому поводу.

И вдруг радостный восторженный возглас пронесся над толпой. Народ оживился и устремился к воротам, откуда торжественно выезжал старый ЗИЛок доверху груженный желудями. Толпа с криком "ура" раздвигалась, давая ему проход, и когда машина остановилась посреди площади, из кабины на кузов забрался сам Хвостов. Он поднял руку, и установилась гробовая тишина.

— Братья! — воскликнул он. — Я делаю все возможное, чтобы вы питались самой чистой и благородной на земле пищей! Я помог вам распознать вкус этого по существу королевского блюда! Братья, я не оставляю вас в беде, несмотря на то, что от вас отвернулось все государство, весь мир! Кроме тюремных решеток и нар наша родная Отчизна ничего больше вам предложить не может, но я костями лягу, чтобы вы были сыты, в тепле и счастливы! С каждым днем собирать желуды все трудней, потому что враги не упускают возможности вставить палки в колеса.

Утробный звериный рев негодования ошарашил каждый закуток милосердного лагеря Ниф-Ниф. Глаза толпы налились кровью.

— Но я, — продолжал Хвостов, — сделаю все, чтобы ни одна свинья не потревожила ваш покой. Кому мы мешаем, братья! Готовы ли и вы, братья, постоять за меня в трудный час?

Тысячи глаз, наполнившиеся минуту назад слезами, опять свирепо налились кровью. Новый звериный рев потряс всю лагерную площадь и качнул высокие верхушки берез.

— Спасибо! — с чувством крикнул Хвостов. — Скоро придет ваш звездный час!

В ту же минуту он зачерпнул откуда-то взявшейся лопатой первую порцию желудей и швырнул в толпу.

И вдруг дружное отвратительное хрюканье раздалось со всех сторон, и Полежаев почувствовал, как волосы у него на голове встают дыбом. Это ужасно, когда пятьсот взрослых мужчин и женщин совершенно без какого-либо намека на юмор издают утробные поросычи звуки. А Хвостов продолжал швырять в толпу лопату за лопатой любимого всеми лакомства.

— Жрите! — причитал он. — Жрите за мое здоровье, свиньи! — Толпа взбесилась. Кое-где уже дрались, кого-то уже затапывали, а козлобородый, вошедший в азарт, хохотал в кузове ЗИЛа, и продолжал швырять в толпу желуди.

С Полежаевым что-то произошло. Расшвыряв по пути людей, он запрыгнул на высокое крыльцо административного дома и закричал истошно:

— Сто-о-ойте!

Его крик был до того пронзительным, что вся эта уже неуправляемая свиноподобная масса остановилась, удивленно повернув к нему голову. Воцарилась тишина.

Полежаев, не ожидавший, что прикует к себе внимание всего этого сброда, растерялся. Минуту он молча смотрел на толпу и тяжело дышал. Затем взял себя в руки.

— Слушайте! — закричал он наконец. — Вы же люди! Где ваше человеческое достоинство? Посмотрите на себя со стороны — это отвратительно!

Полежаев перевел дыхание и указал пальцем на Хвостова.

— Он купил ваше человеческое достоинство! Купил за горсточку свиного корма. Он не о вас заботится! Ему наплевать на вас! Ему хочется только повелевать...

Толпа смотрела на поэта тупо и безмолвно, и было непонятно, осмысливает ли она слова поэта, или наоборот. Наконец Хвостов, оправившись от ошеломления как вор, застигнутый врасплох, медленно выпрямился и вдруг визгливо крикнул:

— Вот он! Один из ваших врагов!

Третий звериный рев, перекрывший все предыдущие, сотряс всю рошу в радиусе двух километров, и толпа сумасшедше бросилась на поэта.

Звезды посыпались из его глаз. Он почувствовал, как его тело полетело в толпу, будто в бушующее море, как понесла его куда-то стихия ног и кулаков, будто пловца смытого с палубы. Он чувствовал, как крошатся зубы, трещат суставы и ломаются ребра, а стихия продолжала его швырять с размаху то об обшивку днища, то о бетонные сваи...

Очнулся Полежаев в лазарете административного домика на жесткой кушетке, перевязанный с ног до головы белоснежными бинтами, и первое, что он увидел, склонившуюся над ним ухмыляющуюся физиономию козлородого.

— Здорово они вас уделали, — посочувствовал он искренне. — Звери! Что ни говорите — звери. Неуправляемая толпа! Только мое магическое влияние спасло вашу жизнь. Любят они меня, подлецы...

Полежаев не чувствовал тела и не мог говорить, потому что на челюсть была наложена шина.

— Да... — задумчиво вздохнул козлородый, — эти орхаровцы пойдут за меня в огонь и в воду. Вот что может сделать горсточка желудей. А как они вам нравятся в роли штурмовиков? — рассмеялся вдруг Хвостов.

Полежаев закрыл глаза, и ему захотелось потерять сознание или провалиться в преисподнюю лишь бы не видеть и не слышать этого человека. И будто уловив безрадостные мысли Полежаева, Хвостов вздохнул притворно:

— Ничего-ничего... Терпите!

Через некоторое время в комнату вошел угрюмый старик в черной робе и что-то шепнул своему начальнику на ухо.

— Весьма вовремя! — воскликнул Хвостов. — Ведите ее сюда! Да-да, сюда в лазарет. — Вошла Наташа, сопровождаемая здоровенным молодым парнем. Увидев перевязанного поэта, она побледнела и затряслась.

— Ну что, милая? — обратился к ней ласково Хвостов. — Ослушалась меня? Все-таки не вколола третий укол... Пожалела живого классика.

— Нет-нет, — залепетала Наташа, — я колола... Я всем колола и ему вколола. Спросите у него самого.

— Знаем такие штучки, — расплылся в улыбке Хвостов. — Глюкозу ты ему вколола! Да-да, глюкозу!

— Нет-нет! — продолжала Наташа. — Я хорошо помню...

— Вот видишь, чем кончается слушание? — перебил громко козлородый. — Переломанными костями! Он должен сейчас наслаждаться жизнью и прихрюкивать от удовольствия!

Голос его приобрел металлический оттенок. Наташа заплакалась.

— Может, я перепутала шприцы, но не специально... Ей богу не специально. Простите...

— Несите пробу, — вздохнул Хвостов.

Наташа с визгом бросилась на колени. Ее грубо подняли. Старик в черной робе молча принес чемоданчик со шприцами и тарелку желудей.

— Вы говорите, что человеческая воля устоит перед чем угодно? — промурлыкал Хвостов, сверкнув очками на бедного поэта. — Демонстрирую специально для вас!

Истерически визжащей Наташе закрутили руки за спину, заткнули рот и, закатав по локоть рукав, лихо всадили в руку шприц.

Наташа утихла. С минуту была не в себе. Взгляд ее затуманился, оступел, затем стал сумасшедше блуждать по комнате. Наткнувшись на тарелку с желудями, ее зрачки расширились до невероятных размеров. Она с визгом вырвалась из рук здоровяка и сумасшедше набросилась на тарелку. Было жутко смотреть, как она жадно со стоном пожирала желуды прямо с кожурой. Отпав от тарелки, она жадно обвела глазами лазарет, и Полежаев не узнал ее лица. Это была морда ненасытной куницы.

— Сволочь! — вкрикнул поэт и от прострелившей его боли потерял сознание. Козлородый яростно подскочил к кушетке и наотмашь три раза ударил поэта по скулам. Потом опомнился. Взял себя в руки.

— Укол, — сказал он, сдерживая в себе злость, — немедленно!

Подошел старик в черной робе и без лишних слов вколол Полежаеву "желудин" прямо через бинты. Парень тут же с готовностью поднес тарелку с желудями.

— Но он без сознания, — удивился парень.

— Ничего... Скоро придет в себя, — процедил сквозь зубы директор.

— А разве препарат действует, если его сразу не закрепить желудями? — преданно спросил парень, подхалимски моргая глазами.

— Должен действовать! — рявкнул Хвостов и вышел вон.

Несколько дней лежал в лазарете Полежаев без движения. Даже неосторожный вздох причинял ему невыносимую боль во все тело. Старик в черной робе угрюмо и грубо поил поэта из жестяной кружки мясным бульоном. Насколько серьезно был искалечен Полежаев никто не говорил. Ему не накладывали даже никакого гипса и не делали перевязок. Ночами Полежаев стонал от невыносимой боли в груди и в

суставах. Забывался только под утро. Утром его будило отвратительное хрюканье на площади во время завтрака, а во время обеда он ежедневно слышал из лазарета возбужденную речь Хвостова с кабины ЗИПа.

После своей речи багровый и довольный собой Хвостов непременно навещал больного поэта. Он долго и отвратительно рассуждал о дальнейших своих планах преобразования мира, вскользь упоминал о Наташе, о том, что она прогрессирует и уже просится в команду Ниф-Ниф, и что ее недоступность и добропорядочность как рукой сняло после двух кубиков; теперь она за два желудя отдается любому встречному. При этом козлородный хохотал и уверял, что "желудин" обнажает истинную потаенную суть каждого человека.

"Посредственность, опьяненная властью; всегда неистова, — думал Полежаев, слушая Хвостова. — Не нужно бояться убийц и садистов — их по крайней мере видно. Нужно осторожней быть с посредственностью, из которой вся эта братия исходит. Для человечества нет ничего опасней бездарности, возомнившей себя гениальной. Художник, уходящий в политику, кончается как художник и начинается как посредственность, ибо игра политики — это тоже игра посредственности. Как гений всю жизнь жаждет свободы, так бездарность всю жизнь алчет власти, но самое отвратительное, достигая ее, она втягивает в свою мышиную возню лучшую часть человечества".

Так думая и слушая бредни Хвостова, Полежаев однажды не выдержал и бросил ему с кушетки:

— Вы слишком бездарны, чтобы правильно осмыслить изобретенный "желудин".

Кровь бросилась в лицо козлородному. Чтобы не показать своего волнения, он сразу выбежал из лазарета, буркнув в ответ что-то невнятное.

"Как он догадался, — изумился Хвостов, — что "желудин" изобретен не мной?" Но самым досадным было то, что Хвостов действительно до конца не понимал, кого хотел удивить этой жидкостью восемь лет тому назад один бедный епившийся аспирант из сельскохозяйственного института. Аспирант толкался со своим изобретением во все НИИ и конторы, но наталкивался только на раздраженное недоумение.

Именно в это время Хвостова освободили от должности ответственного секретаря, и за этого пьянчужку бывший секретарь уцепился как за соломинку.

Аспирант на себе испытывал свое изобретение и без конца пожирал на глазах у изумленного Хвостова желуди. При этом пояснял, что все же главный смысл его изобретения — философский. "Дело не в кубиках, — говорил он, — дело в чувстве меры. Только чувство меры и терпение спасет человечество. Но человек тугоух и не верит на слово, — сокрушался аспирант, — и в Древней Греции специально спаивали рабов, чтобы наглядно показать, до чего человек может дойти... И знаете, это действовало..."

Но сам изобретатель не обладал никаким чувством меры и волей, и с каждым днем становился все прозорливей и невменяемей. Он толстел не по дням, а по часам, и при этом похрюкивал... И в одно прекрасное утро, когда пришел к нему на квартиру бывший секретарь... А впрочем, тот невеселый год Хвостов почему-то не любит вспоминать, хотя то время дало ему возможность безвозмездно завладеть "желудином".

От внимания поэта не ушло замешательство Хвостова. Теперь он был уверен, что препарат бывший секретарь также украл, как крал стихи молодых поэтов. И однажды он спросил у угрюмого старика в черной робе, где тот человек, который изобрел "желудин"?

— Съели его, — мрачно ответил старик.

13

Как и любому поэту Полежаеву ответ старика показался метафорой. Кому как не ему было известно, что молодые таланты сначала обкрадывают, потом съедают. Потом, когда сожрут полностью, начинается мародерство. Госкомиздат на именах талантливо съеденных литераторов наконец начинает зарабатывать свои миллионы, как зарабатывал он на Булгакове, Зощенко, Высоцком...

Полежаева вдохновил прямой ответ старика. Ему показалось, что от старика веет сочувствием. Сначала поэт пытался выспросить у него все про Наташу, но старик только хмурился, и скоро Полежаев увидел Наташу за окном. Увиденное потрясло его. То, что раньше называлось Наташей, теперь являлось страшным и озлобленным животным без названия, пожирающим рассыпанные желуди вместе с землей. Тело ее было оплывшим, глаза на выкате. Безобразно выпирали вперед нижние зубы, уже успевшие пожелтеть.

Полежаев не мог больше минуты смотреть на нее; отвернулся к стене. В ту же секунду он решил, что больше здесь

оставаться нельзя. Когда пришел старик, он спросил у него прямо, можно ли отсюда сбежать. Старик ничего не ответил. Но через два дня после завтрака случайно оставил на столе кухонный нож и фонарик.

Полежаеву не представляло труда дотянуться до этих предметов и спрятать их у себя под подушкой. Бежать он решил этой же ночью. Суставы и ребра еще болели, но челюсть уже двигалась.

Ровно в полночь, когда в санатории погас последний фонарь, Полежаев тихо перерезал все свои бинты и, сбросив на пол шины, сделал первую попытку встать. Ступил на правую ногу, все его тело от бедра прострелило как из револьвера, и он со стоном повалился на кушетку. Полежав минут десять и поскрипев зубами, он попробовал встать опять, и опять свалился носом в подушку. Наконец в третий раз, осторожно ступив на левую ногу, ему удалось доскакать до двери и опереться о дверной косяк. Тут же подвернулся черенок от лопаты, который, вероятно, не был случайным как и нож с фонарем, и при помощи него поэт вышел на крыльцо. Ночь была лунной и тихой: ни ветерка, ни шороха. "С богом!" — сказал сам себе Полежаев и осторожно тронулся с места.

Потом стрелять в правое бедро стало реже, и Полежаев, повеселев, решил отыскать Наташу. Он был убежден, что сумеет повлиять на нее, как повлиял на хрюкающую толпу.

Через двадцать минут Полежаев вошел в ближайший барак, откуда доносился напористый хрюкающий храп, и стал лучом фонарика вышаривать из темноты спящих мужчин и женщин. Безобразные картины, свидетельствующие о полном аморальном растлении команды Нуф-Нуф, открылись перед ним. Но Наташи среди спящих не оказалось. Не оказалось ее и во втором бараке... В третьем — луч его фонаря наткнулся на что-то ужасное: очень жирное и белое в одежде существо с человеческими руками и ногами храпело на нарах, и на морде его вместо носа сжимался и разжимался розовый свиной пятак, а изо рта на верхнюю губу выпирали два желтых клыка.

Полежаев вскрикнул от неожиданности и со всех ног помчался вон из барака, совсем забыв про свои боли в правом бедре. Он мчался под зловещей холодной луной и зубы его стучали. До жути захотелось увидеть кого-нибудь в человеческом облике.

Он залетел в сторожку к старику и направил на его сонную физиономию луч своего фонарика.

— Где Наташа! — крикнул он.

Сторож недовольно завозился и нехотя ответил, что она перевелась в команду Нуф-Нуф.

— Что за команда и где находится? — кричал трепеща от страха Полежаев.

— Тебе не найти, — ответил мрачно сторож и повернулся на другой бок.

14

О команде Нуф-Нуф сторож не знал ничего. Единственно, что ему было известно, что там кормят желудями три раза в день.

— Я уматываю, — сказал поэт сторожу, уверенный, что тот не ударит палец о палец для его задержания.

— Это ваше право, — ответил сторож равнодушно, и Полежаев вспомнил, что директор кооператива в первый день их знакомства говорил то же самое.

— В какую сторону топать? — нагло напирал поэт.

— А в какую ни топай, все равно вернешься.

Последние слова старика как-то странно отпечатались у Полежаева в голове, и он, больше не сказав ни единого слова, вышел наружу. Без какого-либо страха он пересек лагерную площадь, миновал дежурную будку, в которой мелькал огонек сигареты, и вышел за ворота, которые даже не оказались запертыми.

Через несколько минут он вошел в лес.

Чтобы запутать следы на случай погони, Полежаев взял градусов на шестьдесят вправо и вскоре наткнулся на просеку. Немного подумав, он решил идти просекой, потому что это быстрее, а если будут догонять — в ночном лесу за километр слышатся шаги, он успеет спрятаться за ближайшие деревья.

Но никаких признаков погони сзади не чувствовалось, и бедро уже почти не болело, и поэт потихонечку набирал ход... и все складывалось прекрасно, но никак не выходили из головы последние слова старика. "С какой стати я должен вернуться? — удивлялся он и прибавлял шаг. — Буду идти день и ночь, неделю, месяц, пока не выйду к шоссе, а там до ближайшего села, и сразу к участковому..."

Прошел час или два. Полежаев не снижал скорость шага и совершенно не чувствовал утомления. Бедро болеть перестало, напряжение спало.

Когда он вошел в дубовую рощу, уже стало светать.

Шальная радость переполнила всю его грудь. Вот где можно без нервозности наконец насытиться самой чистой и прекрасной в мире пищей, которая удвоит его силы и быстро выведет к шоссе. Он подобрал по пути несколько желудей и тут же проглотил их вместе с кожурой.

Ощувив невероятное блаженство он бросился с фонариком под дуб и даже хрюкнул от предстоящего удовольствия. Затем возбужденно ползал на коленях и, проглатывая желудь за желудем, плакал от счастья, а в переходах между дубами сумасшедше хохотал. Он уже не обращал внимания на боль в скулах, на заново разрывавшееся бедро, на севший фонарик, на то, что уже давно наступило утро и его могли хватить.

Живот его теперь приятно отягощался самой чистой и благородной на свете пищей, а он все продолжал ненасытно ползать между дубами.

15

Зинаида Полежаева сидела в кабинете зам. редактора областной газеты Закадыкина и, дымя ему прямо в лицо своей сигаретой, продолжала без умолку доказывать:

— Вы просто все тут оупели от этих прокуренных стен, и до того огрубели, что уже не понимаете элементарного: легкоранимой души поэта. Вы не имели права давать опровержение! Мы все осуждаем его! А за что? За крик души? Но это не его личный крик! Это крик всего народа. Так почему же пинки и подзатыльники получает только поэт?

Закадыкин открывал рот и пытался вставлять что-то умное, но не успевал, поскольку Полежаева молотила без передыху.

— И как вы тут не поймете, — продолжала она, закатывая глаза, — что если он решился на такое отчаянное признание: "Не люблю я Отчизну", значит, это у него болит. У кого ничего не болит, тот пишет противоположное, чтобы не навлечь на себя неприятностей, а сам потихоньку строит двухэтажную дачу.

— Совершенно верно! — наконец вклинился Закадыкин. — Мы прекрасно понимаем Александра! Его боль — это наша боль. Но пойми, решение не печатать больше Полежаева приняли не мы, а они! Это их газета! Понимаешь? Их! Это их орган печати! Да если бы у нас была собственная газета! Знаешь какой бы у нее был тираж?

— Ну, хорошо! — не унималась бывшая супруга поэта. —

Если вы получили такое указание, ну и не печатали бы его! Молча! Но зачем от всей редколлегии печатать позорное опровержение?

Закадыкина спас от объяснения телефонный звонок.

— Алло! — крикнул он возбужденно в трубку, — Алло! Что за черт... Прекратите хулиганить! Сколько можно.

Вот скоты, третий день хрюкают, — бросил Закадыкин с досадой, водворяя трубку на место.

— Это намекают на "Свинарник" Полежаева? — спросила Зина, строго сверля Закадыкина взглядом.

— Не знаю, не знаю, — развел руками зам. редактора, смутившись, и, желая перевести разговор на менее щекотливую тему, вдруг вспомнил; — итак, ты говоришь, куда он собирался? Опять в Париж? Но это с ним бывает! В первый раз что ли! Выпустит в Париже книгу и вернется... А если серьезно, мне кажется, он где-нибудь в Москве по издательствам мотается.

— Но для чего он выписался? — всплеснула руками Полежаева. — И главное, в листочке убийства написано что-то неразборчиво, как бы специально, чтобы не искали.

— Странно... — почесал затылок Закадыкин. — Может, он к какой-нибудь бабе нырнул? Тогда тем более зачем выписываться? А в милицию ты обращалась?

— Знаешь, обратись! — оживилась Полежаева. — Мне как бывшей жене — что-то мешает. А ты как журналист обратишься!

— Что ж, придется обратиться, — вздохнул Закадыкин и, немного подумав, спросил, — ну хоть что-то он тебе говорил в последний вечер?

— Знаешь, чушь порол о Древней Греции, о чистой пище... Пьян был в стельку!

— О чистой пище? — подпрыгнул на месте Закадыкин. — Черт! Как же я раньше не догадался. Наверняка он в кооперативе "Возрождение"! Да, он мог клюнуть на их вывеску! Добродетели свиначьи!

— Что за кооператив? — с тревогой спросила Полежаева.

— Выращивают породистых свиней, которых почему-то отправляют за пределы области. И еще проводят милосердную миссию. Собирают свиношников!

Полежаева расплакалась.

— Это он из гордости... Я виновата! Предпочитает жить с синюшниками, чем в нормальной семье... Закадыкин, сходи в этот кооператив и найди его!

Опять зазвонил телефон. Полежаева остервенело вырва-

да из рук Закадыкина трубку и, послушав с минуту, крикнула угрожающе:

— Эй вы там, на проводе! Если вы не прекратите хрюкать, то вами займутся органы КГБ!

И вдруг она вся напряглась, приподнялась на стуле и взвизгнула на всю редакцию:

— Полежаев, Полежаев! Это ты? Ты плачешь? Тебе плохо? Приходи домой, милый! Приходи, я жду...

16

Полторы недели ползал Полежаев по дубовой роще и все никак не мог остановиться, и все никак не мог насытить свою безразмерную утробу грязными сырыми желудями. Рассудок его изнывал и бил тревогу, но больше никакие силы не могли противодействовать этой непонятной поросячей страсти. От ползаний по земле у бывшего поэта narosли огромные жесткие мозоли на ладонях и на коленях, бока его безобразно ожирели, брюхо отвисло до земли. От одного положения на четвереньках шея с головой и спиной стали представлять собой что-то монументальное, в результате уже невозможно было поднимать голову вверх без дикой боли.

Целыми днями напролет, от едва брезжущего рассвета до кромешной тьмы, Полежаев продолжал обжираться желудями, а ночами не мог заснуть от холода. Все настойчивей в голову стала закрадываться мысль о возвращении в санаторий: там по крайней мере тепло в бараках и не надо ползать на коленях в поисках пищи...

Его, изрядно одышавшего и с трудом передвигающего ноги, встретили в лагере с полным равнодушием, без малейших признаков удивления. Тут же ему отвели место на нарах в бараке, и вместо лохмотьев дали более просторную одежду.

Теперь ежедневно в обед он покорно выслушивал все взволнованные бредни Хвостова с кабины ЗИЛка, а потом вместе со всеми с произвольным рыком бросался в драку за горсть самой благородной и чистой пищи на земле. Он все более жирел, и все более терял человеческий облик. Единственно, что доставляло ему истинные страдания — это нехватка желудей, и однажды он попросился перевести его в команду Нуф-Нуф.

Директор лично отвез его на собственных "жигулях" в третий по счету санаторий кооператива "Возрождение". Но

санаторий Нуф-Нуф оказался вовсе не санаторием, а обыкновенной свинофермой.

— Пожалуйста! Прошу любить и жаловать! Самые счастливые обитатели нашего кооператива, — расхохотался козлобородый, видя растерянное изумление Полежаева. — Правда, внешний вид у них не совсем человеческий, но чтобы быть человеком — не обязательно иметь внешность.

Перед взором Полежаева предстало четыре сотни огромных лощеных свиней, разгуливавших сыто между корыт.

— Располагайтесь! — весело продолжал козлобородый. — Будьте здесь как дома! Знакомьтесь с вашими новыми товарищами... Кстати, не такие уж они и новые. (Директор похлопал по спине огромного пестрого бора). Вот ваш старший знакомый! Узнаете?

И Полежаев узнал Марлинского.

— А вот еще один! — воскликнул бывший секретарь, пытаясь схватить за ухо породистую белую свинью, чмокающую что-то в корыте... И Полежаев узнал Мятлева.

— Да, кстати! — не унимался директор. — Обратите внимание: ваша знакомая дама! Видите ее? Да вот же, в луже! Почему-то с тех пор, как сюда перевелась, не вылезит из грязи ни днем, ни ночью. Неужели так боится ножа, бедняжка?

Полежаев в холеной белой свинье, блаженно развалившейся среди дороги на солнышке, узнал Наташу...

Но кроме изумления, никаких отвратительных чувств свиноферма у Полежаева не вызвала, и взгляд его томно блуждал по грязным и опрокинутым корытам, наполненным которыми доверху, которые наполовину спелыми желудями. В голове его была единственная мысль, что тут ему с человеческими руками будет возможность разгуляться, тут он, в отличие от других, сумеет загрести под себя желудей.

Такая его реакция на увиденное удивляла и раздражала козлобородого. Лично сам он пережил глубокое потрясение, когда на его глазах бедный спившийся аспирант превратился у себя на квартире в свинью...

— Может, вы не хотите здесь оставаться, может вы хотите вернуться обратно в санаторий Ниф-Ниф? — допытывался козлобородый у бывшего поэта.

Полежаев отрицательно затряс головой, и слюньки потком потекли у него изо рта. Было заметно, что он только и ждет момента, когда уберется или куда-нибудь провалится наконец этот нудный и назойливый тип с козлиной бородкой.

Через две недели Полежаев уже не мог говорить. Сначала говорить не было никакой необходимости, а потом он разучился. Не было необходимости и подниматься с четверенек на ноги... а загребать руками пищу под себя оказалось только пустой тратой времени. Мордой в корыто удобней. Постепенно нос у него стал превращаться в свиной пятак, а из боковых нижних зубов наметились клыки...

Но иногда Полежаев прозревал. В его мозг непрошено, как весенний ветер в форточку, неожиданно врвалось воспоминание, и он удивлялся, что когда-то был поэтом, но это казалось таким давним и мутным, будто из какого-то неразборчивого сна. Вспоминались внезапно друзья, жена, дочка, вспоминались стихи, сюжеты, замыслы, и однажды он очень ясно вспомнил редакционный телефон своего друга журналиста Закадыкина.

Однажды после обеда, когда сторож завалился спать где-то за фермой, Полежаев прокрался в сторожку и набрал номер телефона редакции. В ту же минуту, к своему великому изумлению, он услышал отчетливо голос Закадыкина, значит та старая жизнь не была миражом, значит ничего ему не приснилось, значит все, что ему приходило в голову в перерывах между желудями, было правдой!

Он попытался что-то крикнуть в трубку, но слов у него уже не получилось, а прозвучало только громкое безобразное хрюканье. Несколько раз подряд дозванивался он до своего лучшего друга, и ни разу не смог выговорить ни единого человеческого словечка. И однажды, в очередной раз набрав запретный номер, он неожиданно услышал голос своей бывшей жены, и только тогда окончательно понял, что ему уже не суждено вернуться к своей бывшей человеческой жизни. И внезапные рыдания прошибли наконец его грубую свиную оболочку...

17

Однажды, уже поздней осенью, по огромной свиноферме Нуф-Нуф разгуливали среди свиней и корыт журналист областной газеты Закадыкин и директор кооператива "Возрождение" Хвостов.

— Да-да! Был у нас весной в кооперативе такой Полежаев, — говорил директор, — хорошо помню! Жаль, что не долго. Где-то меньше месяца... Сами понимаете — поэты народ не усидчивый. Куда поехал? Откуда же мне знать?.. Знаете, я его заявления, о приеме и об увольнении, храню как память,

как реликвию. Кто знает, может лет через двадцать люди признают в нем гения...

Закадыкин вглядывался в напряженное лицо директора, в его жиденькую козлиную бородку, самодовольно оттопыренную нижнюю губу и с неимоверными муками вспоминал, да где же он мог его раньше видеть?

— Странная порода у ваших свиней, — говорил Закадыкин, — никогда не думал, что свиньи могут достигать такой величины. Скажите, как вам это удается?

— Разумеется, не за счет комбикормов, — хитро улыбался директор, — только благодаря замечательной естественной пище. Кстати, знаете ли вы какая на земле самая чистая пища?

Закадыкин искренне выкатывал глаза, глаза по сторонам, отваливал директору кооператива комплимент за комплиментом; рассыпался в благодарностях от имени народа, утверждая, что именно такие бескорыстные кооперативы поднимут наше государство до мирового уровня. Не упустит он возможности и слегка пожурит кооперативщиков за то, что они не являются патриотами своей области и отправляют мясо куда-то на другой конец страны, но он очень надеется, как и все местное население во главе с Обломовым, что в магазины их города тоже будет кое-что перепадать.

Козлобородый скромно улыбался, и поскользну уши у него от официальных комплиментов не вяли. Закадыкину вдруг показалось, что все это уже было, и все это уже кем-то пережито, и опять он подумал, да где же он встречался с этой козлиной бородой? Директор тут же пообещал с барским гонором, что со следующего квартала завалит родную губернию первосортной свининой, и в знак достоверности решил отвалить редакции небольшой скромный подарок в виде первоклассного бора.

— Выбирайте любого! — небрежно бросил Хвостов и, видя смущение полуголодного журналиста, подбодрил, — кооператив наш не беден, и мы себе можем позволить такие подарки! Не стесняйтесь! Ну, хорошо, если вы не решаетесь, тогда выберу я.

В ту же секунду боров, на которого указал Хвостов пальцем, почему-то показался Закадыкину похожим на пропавшего Полежаева. Журналист изо всех сил зажмурил глаза и затряс головой. "Переутомился", — подумал он и услышал, как отчаянно визжит только что пойманная свинья, которую четверо здоровенных сукиных сынов тащили на скотобойню. Там ей перерезали глотку, и Закадыкин, слыша ее

предсмертные хрипы, почему-то вспомнил последнее стихотворение своего друга:

Нужно быть, вероятно породы свинячей,
чтоб на пойло пустить всю российскую кровь.
Все вы сукины дети, и твари собачьи,
и фальшива мохровая ваша любовь.

Когда журналист областной газеты любезно прощался с директором милосердного кооператива уже темнело. Над головой нависли тяжелые сонные тучи, и Закадыкин изо всех сил старался сдержать зевету. Он лихо тряс директору руку и опять вспоминал, что определенно где-то встречался с этим человеком, и кажется в журналистской среде... Ну, да черт с ним!

В багажник "жигуленка" погрузили огромную свиную тушу, и "жигуленок" тут же тронулся с места.

— Да! — вдруг вспомнил директор кооператива, крича вслед отъезжающей легковушке. — Не забудьте выполнить мою просьбу!

— Объявление? Обязательно дадим! — махнул в ответ Закадыкин и откинулся удобно на заднем сиденье. "Ну, вот и новый день прошел, — сонно подумал журналист и закрыл глаза. — Опять вроде ничего не сделал, а устал как собака. Ничего, теперь домой... Впрочем, нужно захватить в редакцию и дать это объявление..."

"Приходите в любое время дня и ночи! Если вам некуда идти, если вы разочарованы в жизни, если вы устали от вечного хамства, лжи, равнодушия, если вы уже не можете бороться за место под небом, за кусок хлеба, за право хоть как-то наладить свой быт, кооператив "Возрождение" ждет вас!"

